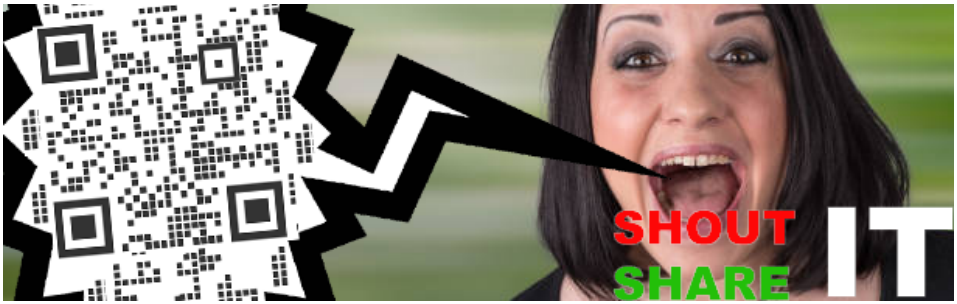
Неповторимая

Галина Вишневская

Пиковая дама русской оперы


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Эта книга о том, как ленинградская девочка, брошенная родителями, едва ли не погибшая от голода в блокаду, стала примадонной Большого театра и лучшей певицей страны. О том, как эта страна отторгла ее от себя; о встречах с Шостаковичем и Солженицыным, Брежневым и Фурцевой; о триумфах и закулисных интригах; о высоком искусстве и низком предательстве. И, конечно же, о любви ведущей сопрано Большого театра Галины Вишневской и величайшего виолончелиста современности Мстислава Ростроповича.

- Юлия Андреева
  - Пролог
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Эпилог
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15

- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59

- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103

- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147

- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150

Юлия Андреева
Галина Вишневская. Пиковая дама русской оперы

… Это небеса поют голосом Вишневской.

О’Санчес

Пролог

Шел 1974 год, в аэропорту Шереметьево вокруг отъезжающего Ростроповича собрались его семья, друзья, ученики… Великий музыкант уезжал с разрешения властей в совершенно официальную двухгодичную командировку, но в то, что он когда-либо вернется, никто не верил. На самом деле вместе с ним должны были лететь жена Галина и две их дочери, Ольга[1] и Елена[2], но те решили немного задержаться: Ольга собиралась поступать в консерваторию, и Галина решила, что если дочка будет зачислена на курс, после можно будет пойти в деканат и взять длительный академический отпуск. Мало ли, как сложится эта поездка, что может произойти на чужбине с ними, могут и аварию подстроить – сколько таких случаев, а так по крайней мере девочка будет уже пристроена. Обстановка нервная, никто даже не думает шутить, какие там шутки. Да и Галина уже понимает: нужно было сразу всем уезжать, пока царь-государь генсек Брежнев дал отмашку приподнять ради них железный занавес. Пока милостивец соизволил разрешить. А что, коли сейчас он выпустит Ростроповича за границу, а ее с девчонками оставит здесь заложницами?

Мстислав Ростропович и Галина Вишневская. 1965 г. «Время было страшное, и нравственно выживали те, в ком не был побежден дух». (Галина Вишневская)

> «Вокруг вертелись какие-то подозрительные типы в штатском, – рассказывает в своей книге Галина Вишневская. – Проводы были как похороны – все молча стоят и ждут. Время тянулось бесконечно… Вдруг Слава схватил меня за руку, глаза – полные слез, и потащил в таможенный зал.
>
> – Не могу больше быть с ними, смотрят на меня как на покойника…»[3]

Не прощаясь уже ни с кем, Мстислав Леопольдович исчез за дверью. Галина повернулась, позвала собаку (вместе с Ростроповичем должен был лететь их шикарный ньюфаундленд Кузя), но тот вдруг, должно быть, прочувствовав сложность

момента, отказался эмигрировать, разлегшись прямо на каменном полу и всем своим наглым аристократическим видом демонстрируя несогласие с решением хозяев. Ну что ты будешь с таким делать? Не на руках же девяносто килограммов нести?

Толпа расступилась, и прима Большого театра Галина Вишневская, подобрав подол дорогого платья, легла на полу рядом со своим псом, гладя того и тихо шепча на ушко, что сейчас он войдет в самолет вместе с хозяином, а через несколько месяцев она с девочками прилетит к ним. Что его никому не отдадут и, упаси боже, не бросят.

На самом деле в этой истории, наверное, больше всех пострадал все же недоверчивый Кузя, которого сразу же по прибытию забрали у хозяина и на целых полгода поместили за решетку в карантин. Мстислав Леопольдович все эти полгода навещал любимого пса, всячески утешая его.

Таможенник попросил Галину открыть чемодан, другой, деловито роясь в карманах Ростроповича, достал бумажник, вытащил из специального отделения написанные женой записочки, принялся читать. Мстислав хранил все письма, полученные от супруги, как величайшую драгоценность, всегда носил в нагрудном кармане у сердца; теперь в них бесцеремонно копался чужой человек.

«– Это что за коробки, почему так много?
– Мои награды».

Одну за другой таможенник открывал коробки с медалями и орденами: от Лондонского Королевского общества, от Лондонской филармонии, золотая медаль от Израиля, еще и еще золотые именные медали, иностранные ордена… отечественные: Государственной и Ленинской премии, медаль «За освоение целинных земель» и медаль «800 лет Москвы», что дали тогда всем москвичам.

С собой разрешили взять только две последние, а остальное нет. Это золото! Драгметаллы запрещены к вывозу.

«Славу всего затрясло:
– Золото? Это не золото, это моя кровь и жизнь, это мое искусство!.. Я зарабатывал честь и славу своей стране… А для вас это золото. Какое вы имеете право!..»

«– Закрой рот, и чтобы я не слышала больше ни одного слова, – Галина метнулась между мужем и таможенником, смотря на Ростроповича горящими глазами. – Вспомни, что двое твоих детей стоят вон там,

и я здесь остаюсь. Ты понял, что ты делаешь? Успокойся… Сейчас ты сядешь в самолет… закроешь глаза и откроешь их, когда будешь в Лондоне. И ты увидишь совсем другие лица».

Когда через несколько месяцев Галина Павловна, распрощавшись с друзьями и в последний раз посетив дорогие могилы, отправится вслед за мужем, она оставит квартиру в Москве и дачу в Жуковке, не продав оттуда ни одного стула. С собой она повезет только вещи для себя и девочек.

Сколько раз до этого дня Галина Вишневская и Мстислав Ростропович ездили в творческие командировки, и никогда ничего подобного. Тут, должно быть, правительство действительно распрощалось с самой идеей вернуть через два года великого музыканта в Советский Союз. Иначе к чему такие унижения?

С другой стороны, как объяснить представителям таможни, отчего уезжающий всего на два года человек берет с собой все свои награды? Таможенники ведь на официальных приемах не бывают, откуда им знать, что некоторые из них Ростропович обязан представить перед высокой публикой, имея на груди тот или иной знак отличия.

Вытащив из чемодана мужнины пижамные штаны, Галина завязала в них все коробки с орденами и медалями и, перебросив узел через плечо, направилась к толпе провожающих.

«– Галина Павловна, что это у вас?

– Награды Ростроповича несу обратно. Из Советского Союза можно вывозить ордена и медали, только сделанные из натурального дерьма».

После отъезда Ростроповича Галина Павловна пела в опере «Игрок», но, согласно последним веяниям, газеты либо не печатали рецензий на ее спектакли вовсе, либо, ставя в номер публикацию, забывали упоминать имя примы. В канцелярии театра был вывешен приказ об отъезде Вишневской за границу, это не могло не радовать ее дублерш, которые теперь наконец-то получали возможность раскрыть свой талант. Вишневская – еще та конкуренция, лучшая из лучших, такую не то что трактором, танком с места не сдвинешь, и вот вдруг она совершенно добровольно уезжает на целых два года! Да за два года еще неизвестно, что может приключиться. Как говорится, либо ишак помрет, либо султан, либо я сам. За два года много чего наворотить можно. В общем, народ с замиранием сердца ждал, когда же царица оперы отбудет, наконец, в свое вожделенное

зарубежье.

Глава 1
Зинаида

…Брак истинный только тот,
который освещает любовь.

Л. Н. Толстой

Последние дни в Советском Союзе Вишневская посвятила воспоминаниям. В полном одиночестве посетила она дорогие ей могилы своей учительницы Гариной[4], дирижера Покровского[5], Прокофьева[6], Мелик-Пашаева[7], съездила на дачу к Шостаковичу[8], где в последний раз обняла гениального композитора, в последний раз посетила Большой театр. Побродила по его коридорам, посидела в гримерке, постояла на сцене, которой отдала двадцать лет своей жизни.

Она вспоминала все: сиротское детство в довоенном Кронштадте, суровые годы блокады, выступления на кораблях и в землянках. Перед глазами живыми картинами проплывали все ее спектакли, так, словно она их снова проигрывала один за другим, один за другим… вся ее жизнь… да и не только ее. Внезапно подумалось, что она умирает – говорят же, что перед смертью человек видит всю свою жизнь.

Неожиданно перед внутренним взором появилась мать Галины[9], такой, какой она была когда-то давным-давно, когда Галя была еще крохой, и родители ненадолго взяли ее от бабушки с дедушкой. А может, и еще раньше, еще моложе, такой, какой она могла видеть мать разве что на старых фотографиях.

Зинаида Антоновна Иванова – мать Галины Вишневской

Появилась, улыбнулась, подмигнула. Вот она какая я, девица-красавица. Ну, что стоишь, глазами лупишь, рассказывай обо мне.

Зинаида была видной девицей, с золотистыми косами в руку толщиной каждая. Как у русалки – распустишь, расчешешь частым гребнем, покроют они семнадцатилетнюю красавицу изысканным царским покрывалом. Большие черные глаза – настоящие цыганские, с той самой колдовской поволокой и густыми чернущими ресницами, казалось, могли свести с ума любого. Как говорили в старину, на семерых такой красоты отмерялось, а ей одной досталось. К добру ли? К худу? Как знать.

Впрочем, если бы природа раздавала свои дары менее эмоционально и более разумно, она, без сомнения, обратила бы свой материнский взор на красивую Зинаиду и подарила бы ей немного удачи.

Хотя поначалу окружающим как раз казалось, что Зина и парня выбрала себе под стать, такого же видного да красивого. Зинаида от той неземной любви расцвела еще больше, когда же девушка поняла, что беременна, и живот начал заметно округляться, любимого и след простыл. То ли бросил влюбленную девчонку, то ли был убит в пьяной драке, история не сохранила для нас даже имени героя романа цыганки Зинаиды. А вот ребенок во чреве остался, и теперь Зинаиде срочно нужно было что-то делать.

Конечно, живи она, как ее предки, в таборе, там бы ребятенка не обидели. Но Зина была крещеной и жила среди обычных людей, которые не любят матерей-одиночек и до конца века станут дразнить невинного ребенка мерзким словом «безотцовщина». И если гордая Зинаида могла стерпеть такую участь для себя, она была готова костьми лечь, лишь бы только не дать в обиду любимого ребенка.

Поэтому, обведя мужчин, находящихся на стройке, где она работала по комсомольской путевке, своим знаменитым цыганским колдовским взором, она вдруг встретилась глазами с взглядом, который просил, молил ее если не о любви, то хотя бы о сострадании.

Комсомольский вожак, двадцатилетний Павка[10] был по всем статьям завидным женихом. Из тех, о ком говорят – первый парень на деревне. И именно он, по идее, должен был прорабатывать беспутную Зинку на собрании, клеймя ее позором. И надо же, именно он Павел Андреевич Иванов, смотрел теперь на беременную Зинаиду, пожирая ее влюбленными глазами.

«Вот за него и выйду», – шевельнулось в голове Зинаиды. И она тоже улыбнулась Павлу.

Свадьба получилась бедная, да лучше бы ее и вовсе не было. Все ведь знали, от кого у Зинки ребенок. Тем не менее, Павка хорохорился и будущую жену в обиду не давал. Забрал ее уже на сносях со стройки и привез в Кронштадт к родителям. Здесь тоже скрыть все и взять чужой грех на душу не получилось. Слишком большой срок. Да и сама Зинаида отроду не являлась образцом кротости, могла и обругать новых родственников, да и о своем ребенке говорила почти что открыто.

Родив мальчика, она сделалась самой заботливой матерью, должно быть, ребенок напоминал ей ее единственную любовь, человека, которого она навсегда потеряла. На какое-то время она даже стала нежна с Павлом, честно пытаясь в него влюбиться. Но уж очень странный муж попался цыганке Зине, любившей шумные общества, песни, пляски до рассвета. Павел – комсомолец по призванию. В пьяном виде он произносил лозунги, не запинаясь,

и наизусть взахлеб цитировал статьи о последних постановлениях пленума партии. Скука смертная.

Вскоре после рождения сына Зинаида обнаружила, что снова беременна, и была этому не рада. Теперь-то она ждала ребенка не от любимого человека, а от занудного агитатора Павла. И что это еще будет за ребенок, неизвестно. Первая беременность прошла на редкость удачно, вторая замучила Зинаиду постоянной тошнотой, рвотой, распухали ноги… Она сильно похудела и, что немаловажно, на какое-то время потеряла свою красоту и привлекательность. Явный признак – будет дочь. Но ей, Зинаиде, как раз и не хотелось становиться некрасивой. Она-то уже поняла, что пока мужа нет дома, а со своими комсомольскими делами он оставлял супругу на недели, она вполне может встречаться с более интересными кавалерами. А что теперь?

Когда медсестра положила перед едва отошедшей от родов Зинаидой орущий на всю больницу сверток, она с негодованием отстранила его от себя.

– Неужели это моя дочь? Не может такого быть! Фу, какая страшная, унесите скорее.

Девочка родилась крошечной. Зато ее личико и тельце были покрыты черными волосами, отчего она делалась похожей на мартышку. И это в сравнении с обожаемым сыном, который всегда был для матери венцом творения!

Зинаида с радостью оставила бы мерзкую малютку в больнице, но свекровь, должно быть, предчувствуя что-то в этом роде, поспешила забрать внучку.

Ссылаясь на послеродовую травму, Зинаида к грудничке не прикасалась, уверяя, что не может это сделать, так как чувствует такое омерзение, будто дает грудь самому дьяволу. Вскоре Павел получил какое-то новое задание и должен был уехать в длительную командировку. Зинаида отправилась с ним, забрав с собой сына.

В результате, бабушка, делать нечего, стала выкармливать малютку козьим молоком да нажеванным хлебом. Жили они в коммунальной квартире, которую до революции занимал какой-то адмирал с семьей. В огромной просторной кухне стояла массивная плита с духовкой, в которую мог войти целый баран. Вот как раз в эту еще теплую после готовки духовку, точно ведьма маленького Жихарку, клала бабушка свою внучку отогреваться. За черные волосы да пронзительный голос девочку назвали Галочкой.

Любовь и забота сделали свое дело, Галя быстро хорошела, и неудивительно, что вскоре родители все же забрали дочь к себе. Правда, как оказалось, ненадолго. На один год.

Зинаида к тому времени уже научилась принимать у себя любовников таким образом, чтобы муж их не заставал. Тот, конечно, узнавал от соседей и бросался с кулаками на жену. Галя самоотверженно защищала мать, путаясь под ногами у пьяного родителя или пытаясь закрыть собой беспутную Зинаиду. Однажды отец, схватив девочку за шиворот, потребовал отчета: «Кто здесь без меня был?».

Через всю жизнь Галина пронесла два простых правила, как жить по совести: «Не воровать и не предавать». Поэтому она врала, смело глядя в красное от выпитой водки, потное лицо родителя: «Никого не было. Никто не приходил». Отец замахнулся топором: «Говори, паскуда, цыганское отродье. Убью!». Галя стояла на своем, понимая, что лучше умрет, чем станет предателем. Наконец отец бросил топор и, шатаясь, ушел из дома.

Галя думала, что мама будет ей благодарна, но та вскоре нашла предлог отправить свою защитницу обратно к бабуле. Должно быть, не поверила, что нелюбимая дочь и впредь станет рисковать жизнью ради нее, а может, стало совестно, что нелюбимая.

Вот так в возрасте пяти лет Галя вернулась в адмиральскую квартиру. Сурово исподлобья посмотрела на встречающую ее с распростертыми объятиями бабушку, не удостоила взглядом дядю Андрея (младшего брата отца)[11]. Ни с кем не поздоровалась и, как арестантка в камеру, картинно заложив руки за спину, отправилась, куда ее конвоировали.

> «– Ну, чего надулась, как бык вологодский? Здравствуй!..
>
> А я молчу, не подхожу.
>
> – Эх, цыганское отродье, матушкина порода…»

Галя чувствовала унижение, ее, точно ненужную вещь, взяли и передали с рук на руки. Решила, что если все время будет хмуриться да кукситься, бабушка пожалуется папе, и тот заберет ее домой. Какое там. У Павла шла серьезная, требующая всего его времени партийная работа, Галя не знала, но как раз в это время родители ее наконец-то развелись, и теперь отец жил совсем с другой женщиной, которой были не нужны чужие дети.

Галина с матерью и братом. 1930 г.

Зинаида играла на гитаре и распевала цыганские песни, которые быстро выучила и Галина, повторяя за матерью: «…Очи черные», «Бирюзовые колечки» или городские романсы. «Бывало, соберутся гости, и тут же: «Галя, спой!». В таких случаях я почему-то залезала под стол. Публики я совершенно не боялась – наоборот, очень рано почувствовала в ней потребность: петь для себя самой было неинтересно, нужны были сопереживатели, сочувствующие. Но, вероятно, мне хотелось особой, таинственной атмосферы, хотелось уйти от реальности и создать свой мир. И вот из-под стола несется: «Очи чер-ные, очи страст-ные, очи жгучие и прекра-а-а-а-с-ные…». Мне только три года, а голос мой – как у взрослой, – рассказывает в своей книге Галина Вишневская. – Я родилась с поставленным от природы голосом, и окружающим странно было слышать такой сильный грудной звук, воспроизводимый горлом совсем маленькой девочки. Услышав аплодисменты, я вылезала из-под стола, раскланивалась и, окрыленная успехом, начинала изображать то, что пою. Вот такая, например, песенка:

Девушку из маленькой таверны
Полюбил суровый капитан,
Девушку с глазами дикой серны
И с улыбкой, как ночной туман.

Я исполняла этот «шедевр», стоя на стуле, – такая мизансцена казалась мне очень эффектной, потому что, когда подходил смертный час несчастной девицы «с глазами дикой серны», можно было кинуться в море с маяка (то есть со стула на пол) и изображать утопленницу. Все были в восторге. Тут же я плясала цыганочку, трясла-поводила плечами и кричала: «Чавелла!».

У матери, от природы музыкальной, был небольшой приятный голос. Отца Бог наградил замечательным драматическим тенором. Когда-то он мечтал стать певцом, но, как многие русские люди, был подвержен «слабости», весьма распространенной, – пьянству.

Напившись, любил петь ариозо Германа из «Пиковой дамы»:

«Что наша жизнь? – Игра!».

В общем, начало многообещающее. Теперь же она пела для своей бабушки и ее гостей. Распевая песни, девочка словно оттаивала, прекращала дичиться и смотреть на всех волчонком, а потом опять замыкалась в себе, отворачивалась, не отвечала на вопросы, грубила. Видно, сильно ее обидело, что родители изгнали ее из дома, что мать предпочла ей старшего брата. Да тут еще и бабушка по незнанию подливала масла в огонь, жалеючи называя внучку «сироткой», – и это при живых-то родителях! Правда, живы они или нет, Галя понятия не имела; получая приличную зарплату, отец ни копейки не выделял на свою кровинку. Впрочем, он почти все время находился где-то далеко. Горячее время – начало коллективизации, «кулаков раскулачивают». Тут только поспевай. До детей ли ему? До семьи?…

Мама тоже не спешила баловать свою единственную дочь, не то что денег, даже писем никогда не слала. Для нее Галя – отрезанный ломоть. Недоразумение, которое и рожать-то, по-хорошему, не следовало. Чужая, нелюбимая, ненужная.

Зато бабушка баловала внучку, потакая ей во всем. То платьице из своей старой юбки сошьет, то варежки свяжет. Дядя Андрей – типаж Иванушки-дурачка, младший в семье, бесхитростный, добрый. Все что зарабатывал, отдавал матери и племяннице, работал как вол, часто отказывая себе даже в обеде, но все в дом.

Андрея в Кронштадте считали блаженным или дурачком: разве путевый мужик вместо того, чтобы завести собственную семью, станет возиться с племянницей? А он растил, не считая это чем-то из ряда вон. Тетя Катя, папина сестра, весь день на работе, а вернется – еще и по дому шустрит.

Два мужских образа из детства Галины Павловны Вишневской: ярый коммунист отец с его злостью и яростью и кроткий, добродушный Андрей, отдающий чужому ребенку последнее. «Отец мой, с юношеских лет убежденный коммунист, окончил реальное училище, а в 1921 году, семнадцати лет от роду, уже участвовал в подавлении Кронштадтского восстания, стрелял в матросов. Сын потомственного рабочего, стрелял в своих. Это оставило страшный отпечаток в его душе, изуродованной ленинскими лозунгами. Всю свою дальнейшую жить он упорно искал и, видно, не находил себе оправдания. Каяться, просить прощения у Бога он не мог – в Бога он не верил.

А что делает в таком случае русский человек? Он начинает пить. В пьяном виде отец был страшен, и не было тогда в моей жизни человека, которого я бы ненавидела так, как его. С налитыми кровью глазами он становился в позу передо мной – ребенком – и начинал произносить речи, как с трибуны:

– Тунеядцы!.. Дармоеды!.. Всех перрр-естррр-ляю! Мы – ленинцы! За что борр-олись? Мы делали революцию!..

А я стояла, разинув рот, слушала, и в этом в дымину пьяном ленинце была для меня все революция, все ее идеи».

Вот такие два мужчины, два образа: один навсегда убил в Гале все иллюзии «светлого коммунистического будущего», которым грезили ее ровесники, второй показал, что значит доброта безусловная, любовь беззащитная, кроткая, ничего не требующая взамен. Две главные женщины ее жизни – непостижимая, но прекрасная и далекая, как звезда, мать, и добрая, терпеливая бабушка, без криков и лозунгов делавшая то, что было необходимо. Все, что было в ее силах, и, как водится, немного сверх возможного.

О роли матери в жизни Галины Павловны можно говорить что угодно, но одно бесспорно: Галина всю жизнь тянулась к ней и в той или иной степени пыталась повторить эту недоступную ей холодную красавицу, чью любовь она так и не заслужит.

До самого последнего дня Галина будет думать, что Зинаида отвергла ее, потому что она уродилась не такой красивой как мать; та ведь – редкое сочетание: блондинка с черными глазами и черными же бровями и ресницами. Пройдут годы, и однажды, посетив умирающую от рака мать в больнице, Галина с ужасом для себя обнаружит, что волосы у той чернее вороньего крыла, и лишь на концах светлые. Мать всю жизнь осветлялась и красилась!

Получается, на самом деле и мать, и дочь были в одну цыганскую породу, но, как говорится, «ничто так не красит женщину, как перекись водорода».

Уму непостижимо: такое чувство, что мать стеснялась черноволосой дочери, потому что сама на самом деле была такой же. В детективной литературе очень часто можно встретить утверждение, будто зачастую мотив преступления невозможно вычислить, потому что люди подчас убивают друг дружку по самым незначительным и не стоящим того причинам. Кто-то выиграл последний рубль в карты, кто-то купил машину или завел себе красивую подружку. В результате мгновенная вспышка, ссора и убийство. Здесь мать всю жизнь скрывала от дочери, что красит волосы. Куда уж проще было вопреки всему на свете покрасить волосы ребенку, и пусть весь мир хоть желчью изойдет от зависти. Зинаида предпочла тихо ненавидеть девочку, напоминающую ей ее же саму! Непостижимо!

Любопытно, что когда у Галины появятся дети, они тоже будут воспитываться не ею и не Ростроповичем. Дочерей нашей героини воспитает домработница Римма, о ней дальше. Вообще, если говорить о традиции воспитания детей, то исстари на Руси не было такого, чтобы женщина одна поднимала всю ораву ребят, которую ей удастся родить, сохранить и вырастить. Жили большими семьями: бабушки, дедушки, прабабушки, прадедушки, нередко все под одной крышей. Муж с женой идут в поле работать, ребятишки остаются под присмотром бабушек, дедушек. И это правильно: пока человек в силах выполнять тяжелую работу, он тянет лямку, с малолетками же сидят те, кому в поле уже или еще не выйти. При этом детей с самого раннего возраста приучают к труду и заботе о младших. Революция погубила не только деревню, она разрушила вековой семейный уклад. Теперь молодые люди стремились жить со своей семьей отдельно, в идеале – на какой-нибудь прогрессивной стройке, где никаких бабушек-дедушек нет и в помине. В результате на женщину свалились все семейные хлопоты, плюс ее еще заставляли работать смену на какой-нибудь фабрике (у нас ведь, когда не надо, равные права мужчин и женщин), потом тащиться домой и уставшей заниматься хозяйством. Или сидеть в четырех стенах, исполняя всю работу по дому и выращивая детей. Ноша не из легких.

Галина Вишневская с бабушкой. 1932 г.

В доме у дедушки и бабушки Гале жилось привольно. Дедушка работал печником и считался мастером – золотые руки. Всегда старался принести внучке гостинчик, при этом чем пьянее возвращался с заработков, тем был щедрее. Умная девочка эту связь быстро обнаружила. Бабушка привычно ругала пьяного старика, а он только отмахивался, ну что, мол, сделаешь, традиция на Руси такая. Сделал дело, обмой его смело. А не обмоешь, еще неизвестно, как сия печь работать станет. А вдруг дымить начнет, а ему потом обидный укор. Впрочем, бабушка тоже нет-нет, да и прикладывалась к стоящей в буфете чекушке. «Бабушка моя из крестьянской семьи. – Вспоминает Галина Павловна. – Худенькая, небольшого роста, очень энергичная – целый день на ногах. Рано утром уже бежит на базар, в магазин, чтобы подешевле купить что-нибудь для еды. Получала она после дедушки пенсию – 40 рублей в месяц, а масло в то время стоило 16 рублей килограмм. Как мы умудрялись жить – не понимаю. Отец подбросил меня в Кронштадт – и забыл, денег не посылал. Бабушка стирала белье на чужих, шила – этим и жили. Любила водочки, конечно, выпить. Одиннадцатого числа каждого месяца она получала свою пенсию и по дороге домой покупала себе «маленькую» за 3 руб. 15 коп. Чекушку держала в буфете. Бывало, убирает, готовит, стирает, потом подойдет к буфету и рюмочку выпьет – так, глядишь, к вечеру чекушку и прикончит. Но это

только с пенсии или с получки Андрея. Еще она курила папиросы, самые дешевые – «Ракета», 35 копеек стоили, она меня за ними в лавку посылала. Было у нее несколько подруг. Обычно собирались они у нас дома в день пенсии. Выпьют, песни начинают петь». Вот такая жизнь – нищая, пьяная, да ведь другой она и не знала. С пьяного деда всегда можно было получить слипшиеся в единый облепленный махоркой комок леденцы, бабушкины подружки выдавали девочке копейки на мороженое, лишь бы она ушла из дома куда подальше и не мешала им о своем, о бабьем разговаривать. Получив мзду, Галя меняла домашние обрезанные валенки (тапок не водилось) на обычные валенки или латаные-перелатаные ботинки и до вечера болталась невесть где.

Подруг у нее почти не было, зато мальчишки принимали как свою. Все ведь знали: Галя Иванова не предаст, не наябедничает. На третьем году обучения перевели ее в новую школу, так в первый же день какой-то мальчишка выстрелил ей из рогатки прямо в лоб. Причем ровнехонько попал между глаз; чуть-чуть в сторону, и Галина лишилась бы глаза. Все понимали, что она не могла не видеть, кто это сделал, но Галя ничего не сказала, как ни пытали. За такую стойкость ее в классе сразу полюбили.

Учителям такое упрямство и несговорчивость, разумеется, поперек горла, но Галя – кремень, убить легче, чем перевоспитать. Так что в конце концов ее оставили в покое. Впрочем, что с нее, с «сиротки», возьмешь. Все ведь знают, бабушка с дедушкой жилы тянут, чтобы воспитать кровинушку. Дома Галю работой не загружали, домашние задания не проверяли, во-первых, некогда, во-вторых, некому: дядя Андрей преподавал в школе физкультуру, как ему доверишь склонения да дроби проверять, остальные не шибко-то грамотные. В результате Галина училась только по тем предметам, которые ей нравились, отвергая все точные науки без исключения; а зачем они, коли девочка в артистки пойдет?

Артисткам химия с физикой без надобности. Галя ходила на хор, в драмкружок, участвовала во всех вечерах – песни на Ленинскую тему, на конкурсах творчества юных пела. Голос, природой самой поставленный, сильный, как у взрослой. Репетировать дома начнет – весь двор, замерев, слушает, как Галка-артистка выводит:

Братишка наш, Буденный, с нами весь народ!
Приказ – голов не вешать и смотреть вперед,
Ведь с нами Ворошилов, первый красный офицер,
Идем вперед, вперед за СССР!

На всех конкурсах Галка Иванова первая. Без нее ни один концерт обойтись не может.

Однажды Галя влетела в квартиру и бегом к бабушке, в руках сверток – подарок за первое место в певческом районном конкурсе. Развернули – три метра ситца, белого в горошек. Это произошло, когда Галина училась еще только в первом классе! Из ситца бабушка сшила ей платье с воланами. Будет в чем на концертах выступать.

После этого Галка и вовсе загордилась, решила новое платье каждый день во двор трепать. Пусть все видят, как ее наградили. Бабушка запретила, так вздорная девчонка чуть ли не до утра в ванной комнате, закрывшись, проревела. Соседей умываться не пустила, а ведь это коммунальная квартира, народу человек сорок, все после работы злые. Бабушка то и дело к двери подойдет, прислушается, а внучка ей оттуда рассказывает, как вот она здесь помрет, и как они с дедом и дядей Андреем понесут ее хоронить. Наверняка ведь это самое платье на покойницу наденут и плакать станут. Вот тогда она посмеется!

А потом еще завыла зычным голосом:

«Вечер вечереет,
Работницы идут.
Маруся отравилась,
В больницу повезут».

Бабушка ее давай уговаривать да ужином завлекать, а она, точно тетерев на току, ничего не видит, не слышит:

«Спасайте не спасайте,
Мне жизнь не дорога:
Я милого любила,
Такого подлеца».

– Да вытащите ее оттуда, безобразие, людям помыться не дадут, – стучит в дверь соседка.

А Галя, заткнув уши, продолжает:

«Приходит к ней мамаша
Свою дочь навестить.
А доктор отвечает:
«При смерти она лежит»».

В общем, так допелась, что все это себе натурально вообразила, лежит на полу и плачет о своей безвинно загубленной жизни.

Во второй школе Галя познакомилась с учителем пения Иваном Игнатьевичем, который услышал Галю в хоре и как-то велел ей остаться после репетиции. В тот день они разучивали:

«Сталин – наша слава боевая,
Сталин – нашей юности полет!
С песнями, борясь и побеждая,
Наш народ за Сталиным идет».

Гале было весело петь вместе с другими, учитель же буквально закидал ее вопросами: что пела? Где пела? Кто преподаватель? И поняв, что девочка, по сути, самоучка, попросил ее что-нибудь исполнить, и Галя завела:

«По долинам и по взгорьям
Шла дивизия вперед,
Чтобы с боем взять Приморье,
Белой армии оплот».

С Иваном Игнатьевичем Галя узнала о том, что такое гаммы, и они ей понравились. С ним же она начала разучивать «Весеннюю песенку», которую девочка должна была исполнить на Первомайском концерте.

«Приди, весна, скорее,
Приди к нам, светлый май,
Нам травку и цветочки
Скорее возвращай!
Верни нам, май, фиалки
У тихого ручья,
Верни весенних пташек —
Кукушку, соловья».

Странная песня, непривычная и одновременно с тем сладостная. Петь такое – все одно, что в дивный сон погружаться, где только море и солнце, замки, рыцари и прекрасные принцессы. Даже странно для других такое исполнять, после

«Щорс идет под знаменем, красный командир», но исполнила. В зале зрители аж прослезились. А на следующем концерте Галя с другой девочкой, что в хоре до нее все время солировала, пела дуэтом «Баркаролу». «Впервые я почувствовала красоту слияния голосов – хотелось, чтобы никогда это не кончалось. Иван Игнатьевич нам аккомпанировал и совершенно растворялся в блаженстве. Этот дуэт мы пели на детской олимпиаде, и я получила в награду клавир оперы Римского-Корсакова «Снегурочка»».

«Снегурочка» – роковой подарок. Придет время, и Галина споет в Большом свою Купаву, да так, что зрители сделают закономерный вывод: «Мезгирь, он что, совсем дурак? Как мог он поменять страстную, красивую Купаву, на отмороженную Снегурочку?». Но чудеса еще не закончились, и вслед за клавиром Галина получила еще один необыкновенный подарок. Пришло письмо от матери, и та предлагала привезти Галю к ней на пару дней в Ленинград. Первый юбилей – десять лет, и подарок соответствующий – самый настоящий патефон, и к нему комплект пластинок оперы Чайковского «Евгений Онегин». Татьяну пела Кругликова[12], Онегина – Норцов[13], Ленского – Козловский[14].

Галина Вишневская в роли Татьяны из оперы «Евгений Онегин». 1950-е гг.

Женский голос как ветер несется,
Черным кажется, влажным, ночным,
И чего на лету ни коснется —
Все становится сразу иным…

(Анна Ахматова. «Слушая пение». Стихотворение посвящено Галине Вишневской. 1961 г.)

Татьяна Ларина – первая роль Галины Вишневской в Большом театре, куда она поступит через пятнадцать лет. Причем первым Онегиным для нее будет все тот же Норцов, в голос которого она влюбилась еще в детстве. Знаменитый артист как раз заканчивал свою карьеру, а Галина начинала. Так и хочется сказать: дождался ее. Что это, если не судьба?

Музыка Чайковского и стихи Пушкина произвели на Галину необыкновенное впечатление, ошеломили ее, потрясли. Теперь она могла целые дни напролет слушать эти пластинки, не обращая внимания на просьбы соседей о тишине.

Но Галина уже далеко, она нашла дверь в волшебный мир и теперь не в силах покинуть его надолго. Она слушает Пушкинскую поэзию и невольно осознает, насколько этот язык далек от языка, на котором говорят вокруг нее, даже от языка, на котором поют песни. Сравните хотя бы слова Татьяны: «Я пью волшебный яд желаний, / Меня преследуют мечты!» и «Маруся отравилась, / В больницу повезут». Вроде тоже яд, но совсем иной, Галю охватывает восторг, когда она представляет, как пьет из хрустального бокала волшебный яд, как кружится на балу, как… Меж тем подходит очередной день получения пенсии, и у гостеприимной бабушки собираются ее подруги.

– Спой, Галенька, Марусю. Как там… – и запевают все вместе.

«А милый идет сзади,
Кричит: «Прости, прощай!
Прости, прощай, Маруся!
Прости, прости меня!
Я знаю, что Маруся
З-за меня умерла».

– Спой, а мы тебе за это на мороженое дадим.

– Хорошо, спою, – с радостью соглашается Галина, и вдруг неожиданно для себя:

«Я пью волшебный яд желаний,
Меня преследуют мечты!».

Немая сцена.

Вскоре, под воздействием Пушкина, Галя поняла, что просто обязана повторить судьбу Татьяны, с ее несчастной и оттого такой романтической любовью, но для этого прежде всего нужно было найти своего Онегина. Онегин в среде плохо одетых, дурно причесанных школьников долго не мог обнаружиться, но все-таки

не иголка в стоге сена, нашелся. Им оказался мальчик из хорошей семьи, с прямым, ровным пробором и в аккуратном костюмчике. Галя влюбилась и решила подобно Татьяне написать ему возвышенное письмо о своих чувствах. Текст, разумеется, спионерила у Пушкина. Сначала хотела что-то изменить, а потом поняла, лучше все равно не скажешь. В общем, сплагиатила и была этим довольна.

«Онегину» письмо было вручено на переменке, он прочел его и… скорее всего, ничего не понял. Во всяком случае, Галя не услышала от него никакой ответной арии.

Пушкинский язык, который очаровал Галину, был непонятен ее окружению, что же до Галки-артистки, она вдруг постигла, что не может больше жить, не соприкасаясь с высокой литературой, которой она теперь буквально дышала. В результате она превратилась в запойную читательницу, читала все, что попадалось под руки, в библиотеке просила русскую классику, а потом постепенно открывала для себя и других писателей.

Теперь она проигрывала все эти книги в себе, обращаясь то бедной Лизой, то Анной, которую выдали замуж за пожилого чиновника, то…

В драмкружке она не отказывалась ни от каких ролей, танцевать, правда, не любила, но зато испытывала подлинное наслаждение, стоя у балетного станка. Утомительный экзерсис воспринимался Галей как сложная придворная церемония, вот она – гордая королева с прямой спиной, делает красивые, округлые движения руками, приветствуя своих подданных. Величие и спокойствие: так и только так должна ощущать себя подлинная царица. Это ощущение она пронесет через всю жизнь.

Глава 2
Мы живем, под собою не чуя страны

Цель музыки – трогать сердца.

Иоганн Себастьян Бах

Но невозможно уйти в мир фантазии навечно, уйти так, чтобы не видеть и не слышать окружающего безумия. Шли годы ежовщины, кипели шпионские страсти, то тут, то там созревали всемирные заговоры, планировались полные злого коварства покушения. Враги, враги, кругом одни враги. По улицам ездит приметный черный воронок, затормозит у парадной, сидишь и слушаешь, на каком этаже остановится лифт. На нашем! К кому? На этаже всего две квартиры. К соседям или к нам? Соседей жалко, у них детей мал-мала, но уж лучше к ним, чем к нам. Приглушенный звонок в другой квартире во всеобщем напряжении звучит неестественно громко. Ну, слава богу, пронесло.

Когда родителей увозят на черном воронке, уже понятно: скоро они будут объявлены «врагами народа». А их дети – «детьми врагов народа». В школах от таких старались избавляться, потому как яблоко от яблоньки.

«Уводили тебя на рассвете,
За тобой, как на выносе, шла.
В темной горнице плакали дети,
У божницы свеча оплыла.
На губах твоих холод иконки,
Смертный пот на челе… Не забыть!
Буду я, как стрелецкие женки,
Под кремлевскими башнями выть.
Семнадцать месяцев кричу,
Зову тебя домой.
Кидалась в ноги палачу,
Ты – сын и ужас мой»[15].

Если есть заговоры, стало быть есть и те, кто эти самые заговоры плетет, кто копает под нашу прекрасную партию, которая ничего не жалеет ради своего народа. 1 декабря 1934 года убили красавца Кирова[16]. Кто убил? Враги.

Враги повсюду, заграница вербует шпионов, будь начеку,

товарищ. В 1937 троцкисты в лице высших советских военачальников устроили заговор с целью захвата власти. А ведь офицеры вполне могут поднять не понимающих, что происходит, солдат, военную технику и устроить вооруженный переворот. В результате накануне войны армия оказалась обезглавлена.

Впрочем, пока об этом еще никто не знает. Народ читает газеты и диву дается, откуда вдруг столько врагов повылазило? И как хорошо, что наш вождь сумел их вовремя раскрыть. «Спасибо, товарищ Сталин, за наше счастливое детство!»

Санкт-Петербург. Площадь Труда. 1930-е гг.

Везде, куда ни сунься, натыкаешься на портреты великого вождя – «Сталин – это Ленин сегодня!», поэты посвящают ему стихи, стихи с легкой руки композиторов обращаются в песни:

«На дубу зеленом,
Да над тем простором
Два сокола ясных
Вели разговоры.
А соколов этих
Люди все узнали:
Первый сокол – Ленин,
Второй сокол – Сталин.

А кругом летали
Соколята стаей…»

Неудивительно, спрос рождает предложение, и если на сцену можно пробиться только через прославление великого вождя, то к чему стесняться? Если у тебя в семье нет врага народа и родственников за границей, то в СССР перед тобою открывается любая дорога. Главное правило: не думай, ходи в ногу, равняйся на кого сказано, и все получится.

А чтобы никакие «враги народа» не пробрались в твою чистую биографию, следи зорко, и как только что заметишь, сразу же беги к старшим товарищам. Поймай, разоблачи шпиона. Никто не назовет тебя предателем, если ты разоблачаешь оборотня, продавшегося за американские доллары шпиона. Если же среди твоей родни все-таки затесался подлый предатель, прояви стойкость, откажись от него, отрежь, как гниющий член, чтобы не заразилось все тело.

Еще в 1933 году Осип Мандельштам[17] написал роковое:

«Мы живем, под собою не чуя страны,
Наши речи за десять шагов не слышны,

А где хватит на полразговорца, —
Там припомнят кремлевского горца.

Его толстые пальцы, как черви жирны,
А слова, как пудовые гири верны.

Тараканьи смеются усища,
И сияют его голенища.

А вокруг его сброд тонкошеих вождей,
Он играет услугами полулюдей.

Кто свистит, кто мяучит, кто хнычет,
Он один лишь бабачит и тычет.

Как подковы кует за указом указ —
Кому в пах, кому в лоб, кому в бровь, кому в глаз.

Что ни казнь у него, – то малина
И широкая грудь осетина».

Местом для премьерного чтения была выбрана какая-то неказистая улочка в районе Тверских-Ямских, где точнее, никто

уже не скажет. Да и не концерт это был, просто шли друзья-поэты, выпивали, балагурили, а потом Осип прочитал вполголоса: «Мы живем, под собою не чуя страны…», при этом зрителям пришлось подойти ближе, чтобы прислушиваться, так как рядом постоянно скрипели ломовые извозчичьи телеги, цокали лошадиные копыта, то и дело слышалась брань возниц. Дослушав до конца, Борис Пастернак сказал: «То, что вы мне прочли, не имеет никакого отношения к литературе, поэзии. Это не литературный факт, но акт самоубийства, который я не одобряю и в котором не хочу принимать участия. Вы мне ничего не читали, я ничего не слышал, и прошу вас не читать их никому другому». К сожалению, они были не одни, кто-то тут же донес на Мандельштама. Началось следствие, так что 13 мая 1934 года поэта Мандельштама и его жену Надежду Яковлевну отправили в ссылку. Собственно жену ни в чем не обвиняли, она пошла за мужем, как некогда шли знаменитые декабристки. С той лишь разницей, что тем могли помочь и помогали, о них пели песни и сочиняли романы, а Надежда Яковлевна[18] отправилась, надеясь лишь на себя и на Бога. Потому как на мужа-поэта не обопрешься. В Чердыни Мандельштам при первой же удобной возможности выбросился из окна. Не убился, но стало не легче.

Понимая, что супруг не вынесет ссылки, Надежда Яковлевна писала во все советские инстанции и ко всем знакомым. Добралась до Николая Бухарина[19], а он передал прошение Сталину. После чего положение дел сдвинулось с мертвой точки, и Мандельштаму разрешили самостоятельно выбрать место для поселения. Они решают ехать в Воронеж. Там О. Э. Мандельштам подрабатывает в местной газете и в театре. Живут в непролазной нищете, большая часть друзей в страхе отступилась от политического ссыльного, есть несколько человек, которые время от времени помогают деньгами. Но этих людей мало, да и что они могут дать? Даже если оторвут от себя последнее? Все нищие, все обездоленные. Время от времени в Воронеж приезжает Анна Ахматова. Все знают, в 1921 году был расстрелян ее первый муж Николай Гумилев, а сын Лев уже четыре года в тюрьме (пробудет там до 1940 года, после чего еще на 10 лет отправится в ссылку). Ее визит не в помощь, а как раз наоборот, власти вполне могут решить, что двое отверженных и обиженных, собравшись вместе, плетут заговоры.

«В страшные годы ежовщины я провела семнадцать месяцев в тюремных очередях в Ленинграде, – напишет Анна Ахматова 1 апреля 1957. – Как-то раз кто-то «опознал» меня. Тогда стоящая за мной женщина с голубыми губами, которая, конечно, никогда не слыхала моего имени, очнулась от свойственного нам всем

оцепенения и спросила меня на ухо (там все говорили шепотом):

– А это вы можете описать?

И я сказала:

– Могу.

Тогда что-то вроде улыбки скользнуло по тому, что некогда было ее лицом».

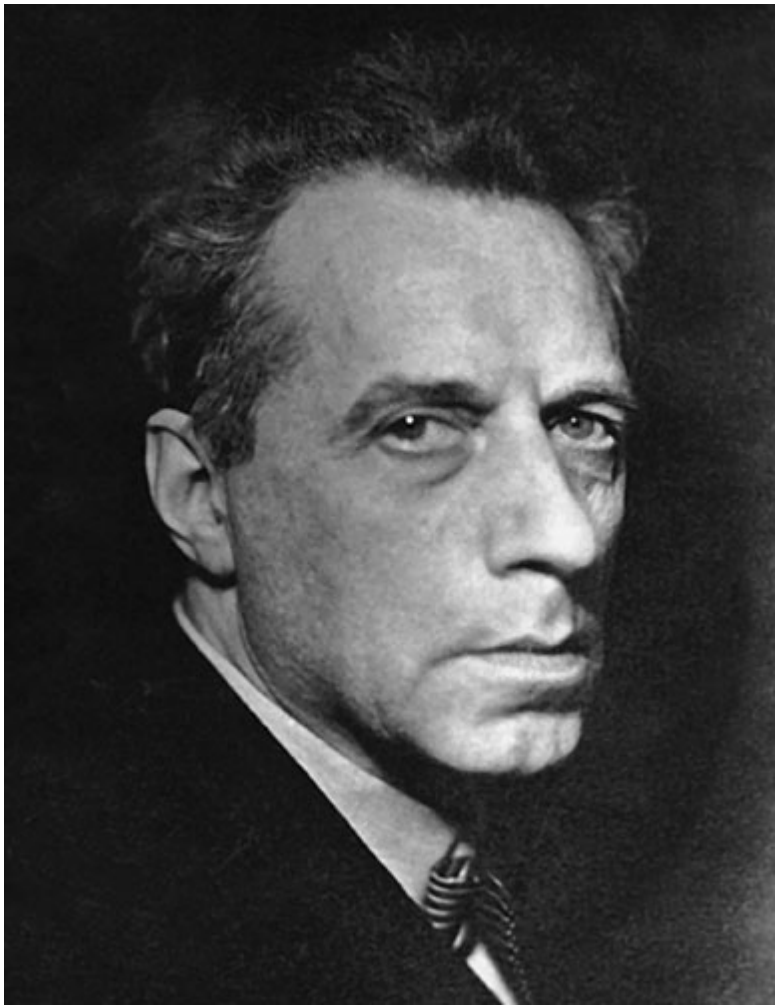
В мае 1937 года, через пять лет после произнесения приговора, Мандельштаму неожиданно разрешили выехать из Воронежа. В 1938 в защиту поэта выступили Иосиф Прут[20] и Валентин Катаев[21], оба страшно, смертельно рисковали, оба не могли поступить иначе. Тем не менее, в ночь с 1 на 2 мая 1938 года Осип Эмильевич был арестован во второй раз, посажен во Внутреннюю тюрьму НКВД, а потом в Бутырскую тюрьму. Из обвинительного заключения: «Следствием по делу установлено, что Мандельштам О. Э., несмотря на то, что ему после отбытия наказания запрещено было проживать в Москве, часто приезжал в Москву, останавливался у своих знакомых, пытался воздействовать на общественное мнение в свою пользу путем нарочитого демонстрирования своего «бедственного» положения и болезненного состояния. Антисоветские элементы из среды литераторов использовали Мандельштама в целях враждебной агитации, делая из него «страдальца», организовывали для него денежные сборы среди писателей. Мандельштам на момент ареста поддерживал тесную связь с врагом народа Стеничем[22], Кибальчичем[23] до момента высылки последнего за пределы СССР и др. Медицинским освидетельствованием Мандельштам О. Э. признан личностью психопатического склада со склонностью к навязчивым мыслям и фантазированию. Обвиняется в том, что вел антисоветскую агитацию, то есть в преступлениях, предусмотренных по ст. 58–10 УК РСФСР. Дело по обвинению Мандельштама О. Э. подлежит рассмотрению Особого Совещания НКВД СССР».

В конце лета Особое совещание при НКВД СССР приговорило Мандельштама к пяти годам заключения в исправительно-трудовом лагере. 8 сентября он был отправлен этапом на Дальний Восток. 27 декабря 1938 года Осип Мандельштам скончался в пересыльном лагере, не выдержал организм. Хоронить не стали, не захотели возиться с заледеневшей землей, тем более, что не один он такой там был. Другие тоже умирали.

Тела, сваленные в один «зимний штабель», ждали оттепели. Позже они будут захоронены в братской могиле. На этом фоне кажется пророческим стихотворение грузинского поэта Н. Мицишвили[24], которое еще в 1921 году перевел Осип Мандельштам:

«Когда я свалюсь умирать под забором
в какой-нибудь яме,
И некуда будет душе уйти от чугунного хлада —
Я вежливо тихо уйду. Незаметно смешаюсь с тенями.
И собаки меня пожалеют, целуя под ветхой оградой.
Не будет процессии. Меня не украсят фиалки,
И девы цветов не рассыплют над черной могилой».

Меж тем события чередовались с какой-то колдовской неизбежностью. 20 июня 1939 года в Ленинграде был арестован режиссер Всеволод Эмильевич Мейерхольд[25]. В то же время в его московской квартире был произведен обыск. Неудивительно, что действия правоохранительных органов сильно не понравились жене режиссера Зинаиде Райх[26], кому это вообще могло понравиться? Во всяком случае, в протоколе обыска зафиксирована жалоба Зинаиды Николаевны.



Всеволод Эмильевич Мейерхольд (1874–1940) – русский советский театральный режиссер, актер и педагог. Теоретик и практик театрального гротеска, автор программы «Театральный Октябрь» и создатель актерской системы, получившей название «Биомеханика». Народный артист РСФСР (1923)

Три недели Мейерхольда, уже пожилого человека, истязали в застенках, выбивая из него показания. «…Меня здесь били – больного шестидесятишестилетнего старика, клали на пол лицом вниз, резиновым жгутом били по пяткам и по спине, когда сидел на стуле, той же резиной били по ногам, боль была такая, что казалось, на больные чувствительные места ног лили крутой кипяток…», – писал Мейерхольд В. М. Молотову[27] в январе 1940 года.

В результате 1 февраля 1940-го Всеволод Эмильевич был приговорен к расстрелу. Приговор приведен в исполнение на

следующий день, 2 февраля.

На обработку в следственном изоляторе знаменитого режиссера ушел 21 день, если считать с момента ареста, а на 24-ый, в ночь с 14 на 15 июля 1939, двое неизвестных вломились в квартиру Мейерхольда в Брюсовском переулке и зверски убили его жену актрису Зинаиду Райх. Женщина отчаянно сопротивлялась, на ее теле были обнаружены семнадцать ножевых ранений, в своей книге Г. П. Вишневская пишет, будто бы глаза актрисы были выколоты. Актриса скончалась по дороге в больницу. Тайна ее смерти остается нераскрытой по сей день. Следствие подозревало друга Всеволода Эмильевича Заслуженного артиста РСФСР, солиста Большого театра Дмитрия Даниловича Головина[28], а также его сына, режиссера Виталия Головина[29], действовавших якобы по прямому приказу Лаврентия Берии. Оба вскоре оказались в ГУЛАГе. После аналогичное обвинение было предъявлено В. Т. Варнакову, А. И. Курносову и А. М. Огольцову – все они были расстреляны.

По свидетельству Татьяны, дочери Зинаиды Райх от ее первого мужа Сергея Есенина[30], «мою маму убили в ночь на 15-е июля. Ее уже похоронили на Ваганьковском кладбище недалеко от могилы Есенина. Почти никто не пришел, были родные и несколько посторонних почти людей; из тех, кто ходили всегда, никто не пришел… Они ничего не взяли, не ограбили, они пришли, чтобы убить, и ранили 7 раз около сердца и в шею, и она умерла через 2 часа, а Лидию Анисимовну побили по голове, и она жива… Кто это был, их было двое, и их не нашли»[31]. «Райх зверски, загадочно убили через несколько дней после ареста Мейерхольда и хоронили тишком, и за гробом ее шел один человек», – писала в своем дневнике 13 марта 1941 года Ольга Берггольц[32].

В общем, в такое неспокойное, жестокое и бурное время росла будущая дива Большого театра, будущая народная актриса СССР Галина Вишневская, тогда Иванова.

Страшное время. Но если взрослые, знавшие и другие, лучшие времена, могли что-то противопоставить окружающему кошмару, по крайней мере, сравнивать и вспоминать, что говорить о детях, отравленных с самого рождения. Школьник стремится стать октябренком, октябренок – пионером, потом комсомолец, членом партии, выше, живее, смелее. Иди по дороге, выбранной для тебя, другой все равно не существует. Герой-пионер, всем детям пример – предатель Павел Морозов[33], тот самый, что пожертвовал своими родными ради великой цели и погиб от рук кулаков. Всем равняться на Павку Морозова! Ать-два.

«Я помню свой первый настоящий триумф: мне девять лет, и я пою в школьном концерте, посвященном дню рождения Ильича, песню – конечно, о Ленине, – пишет Г. П. Вишневская. – И сегодня слышу еще этот жесткий маршеобразный мотив и слова:

«Песня наша, греми,
Набегай волной на мир!
Ленин жив, Ленин жив,
Ленин движет нами.
В городах, в деревнях
Грозный вал вздымается, бурля,
Громче песня – наше знамя!
Слышишь, Ленин? – дрожит земля!».

Когда я кончила петь, в зале началось что-то невообразимое – так все орали! Орали дети, орали родители – мне пришлось повторить песню еще два раза! И я сама орала ее неистово, как одержимая, как трибун, как фашистка: «Слышишь, Ленин? – дрожит земля!!!». А ведь я была ребенком – мне было только девять лет! О, я хорошо помню это первое мое ощущение сценического экстаза, истерического возбуждения. Но как же я должна была верить в то, о чем пою! Иначе мое выступление ни на публику, ни на меня не произвело бы такого громадного впечатления, что вошло в мою память на всю жизнь».

Вообще, такие черты как бешеный темперамент, взрывной характер, экстатичность, весьма свойственны нашей героине. Сама Вишневская связывает это с горячей цыганской кровью. Однажды, во время гастролей Галины Павловны в Саратове, ее пригласили петь «Тоску» в их театре. Так, в сцене убийства она чуть реально не прирезала их баритона, полоснув его по уху ножом. На самом деле нож должны были положить бутафорский, ни в одном профессиональном театре никогда не используют настоящее оружие. Вишневская в пылу сценического экстаза не поняла, что у нее в руках не легкая бутафория, а реальный, причем острый нож. Загадочная история, хоть детектив пиши, – кто решил убить или изуродовать артиста руками нашей героини?

Другой похожий случай произошел с Галиной в Вене: когда она играла в той же «Тоске», у нее на голове неожиданно загорелся искусственный шиньон. «В ажиотаже этой безумной по драматическому напряжению сцены я бегала с ножом в поднятой руке вокруг корчившегося в предсмертных судорогах Паскалиса, не зная, что произошло только что за моей спиной… как вдруг мой слух пронзил женский визг (первой закричала сидевшая в

зале моя австрийская подруга Люба Кормут). В ту же секунду я услышала над своей головой треск, будто зашипела ракета фейерверка. Я почувствовала, как весь мой огромный шиньон поднялся вверх. В глазах замелькал ослепительный свет, и сквозь него я увидела вскочившего на ноги «убитого» мною Скарпиа… С криком «Фойер, фойер!» он ринулся ко мне и, схватив за руки, повалил меня на пол. Как молния мелькнула мысль: горит платье!.. Инстинктивно ухватившись за ковер, я пыталась зарыться в него лицом… Моих рук коснулось пламя… горят волосы!.. Схватив горящий шиньон обеими руками, я что есть силы стала рвать его и, наконец, выдрала вместе с собственными волосами… Вскочив на ноги, я увидела бегущих ко мне из всех кулис людей… Почему не слышно музыки?.. ведь я не докончила акта… почему меня уводят со сцены?..» И финал: «Видя, что я стою на ногах, директор выбежал перед занавесом и объявил, что, кажется, нет серьезных ожогов. Меня же заботила только одна мысль, что нужно срочно надеть новый шиньон и продолжить спектакль.

– Скорее принесите другой шиньон, слишком большая пауза!..

На меня смотрел директор театра как на кретинку.

– Вы что, собираетесь петь?

– Конечно… скорее принесите шиньон!

Я не замечала, что врач бинтует мне руки, что у меня сгорели ногти на обеих руках. Для меня во время исполнения роли все, что я делаю на сцене, так важно, как вопрос о жизни и смерти. Если бы мне отрезали голову, только тогда я не смогла бы допеть спектакля».

Летом 1941 года отец Гали отправился на новое место службы в Эстонию и, небывалое дело, пригласил дочь ехать с ним, с тем, чтобы к началу учебного года она вернулась в Кронштадт. Тарту сразу же понравился девочке, никогда прежде не бывавшей в ближнем зарубежье. Правда это теперь тоже был СССР, Эстония только-только «добровольно» присоединилась к нашей стране, так что эта поездка не считалась заграничной. «Какая была поразительная разница между той жизнью, которую я знала, и той, которую увидела! Я попала на другую планету. Люди так красиво одеты, и так вкусно они едят, и такая чистота на улицах! А живут все в отдельных квартирах, коммунальных здесь и не бывает. А за что же мне говорят «спасибо» в магазине? За то, что мне привалило счастье, и я купила эти сказочные туфли?! Нет, этого не может быть, тут что-то не так. Ну, конечно, все это происки капиталистов. Заманить, одурманить советского

человека, а потом… Да нас не проведешь, нам об этом по радио каждый день говорят, это у нас и ребенку известно. Да и папаша мой ведет разъяснительную работу:

– Ничего, скоро прикончим эту сволочь, разожрались, паразиты!»

Великая Отечественная война застала Галю в Тарту, она спешно выехала вместе с летней воинской частью. Посадили в автобус с летчиками, и домой. «За эшелоном шел спецотряд – взрывали за собой мосты. Ехали днем и ночью. Да это было и не отступление, а просто паническое бегство. Остановились и опомнились уже в Торжке. Так началась для меня война. Так кончилось мое детство. Мне было четырнадцать лет».

Галина Вишневская в детстве. Ок. 1929 г.

Глава 3
Война

Линия фронта – это улыбка войны.

О'Санчес

Школы продолжали работать, и 1 сентября никто не отменял. Просто теперь наряду с обычными предметами там преподавали науку войны – нужно было уметь перевязать раненого, гасить зажигательные бомбы, обращаться с оружием.

Теория стремительно превращалась в практику. Прямым попаданием разрезало огромный линкор «Марат», стоявший в Петровской гавани. «Когда мы прибежали туда, глазам нашим представилось страшное зрелище: сотни матросов в одних тельняшках, среди них масса раненых, вплавь добираются до берега и в изнеможении падают на землю… Здесь же им оказывают первую помощь. Вода в гавани красная от крови. Первая кровь… Так вот что такое война!..»

А немцы уже под Ленинградом, бомбежки, обстрелы каждый день. И вот уже Галина голыми руками разбирает развалины только что, буквально минуту назад рухнувшего дома, чтобы вытащить оттуда хоть кого-нибудь. Тут же появляется первое горькое знание – «мертвые тяжелее живых», в воздухе запах битого кирпича и опаленного железа. В Ленинграде горят Бадаевские склады с продовольствием. Вывод напрашивается сам собой – урежут паек. То, что Кронштадт попадет в положение осажденного города, никто и не представлял.

Вообще, мы много говорим о блокаде Ленинграда, но ведь полностью зависящий от него Кронштадт страдал не меньше.

Война началась 22 июня, а уже 20 ноября 1941 года рацион хлеба составлял 125 граммов на иждивенческую карточку и 250 на рабочую. Кроме этого давали 300 грамм крупы и 100 грамм масла на месяц. А потом стали выдавать только хлеб. Спастись могли лишь те, у кого были какие-то запасы.

В домах и даже школах перестали топить, электричества нет совсем. Дома все сидят у коптилок – баночек с горючей жидкостью, из которой торчит маленький фитилек. В результате у всех прокопченные лица, копоть заполняет поры, морщины, собирается в уголках глаз. Никто не умывается, тем более не моется. А как мыться, когда в доме холоднее, чем на улице? Да и

воду нужно таскать в квартиру ведрами. Перестали мыться – появились вши. Поначалу еще работали столовые, где можно было за талончик на 20 г крупы получить тарелку жидкого супа. Хоть что-то теплое, уже хорошо.

Губная помада, у кого она была, намазывалась на хлеб, от нее зубы были красные, как у вампира. А по улицам ночью шастали самые настоящие вурдалаки, те, кто потихоньку отрезали у мертвецов куски мяса. Непонятно, как они потом умудрялись готовить трофеи? Ведь почти все жили в коммуналках, а мясо, вари его или жарь, весьма сильно пахнет.

Если кто-то терял карточки, было понятно, что он вряд ли продержится до следующего месяца, поэтому многие не спешили выносить из домов покойников, продолжая получать хлеб на их карточки. Трудно представить, каково это было, жить в одной комнате с трупами.

В Галиной семье дядя Коля[34] и дядя Андрей ходили опухшие от голода, а бабушка так ослабла, что уже не могла подняться. Она ужасно мерзла и все время сидела возле буржуйки, на растопку которой пошли уже все шкафы, столы, досочка за досочкой уходил паркет.

Старались сохранить книги. Обливаясь слезами, отрывали переплеты и топили ими, только не любимые тексты, не любимых героев, не волшебные стихи, согревающие сердца, помогающие хотя бы ненадолго сбежать в волшебный мир. И еще работало радио, где кроме сводок с фронта звучали довоенные радиопостановки и стихи…

> «У Фонтанного дома, у Фонтанного дома,
> У подъездов, глухо запахнутых,
> У резных чугунных ворот
> Гражданка Анна Андреевна Ахматова,
> Поэт Анна Ахматова
> На дежурство ночью встает»[35].

31 августа 1941 года повесилась Марина Цветаева в доме Бродельщиковых в Елабуге, куда вместе с сыном была определена на постой. За два года до этого ее муж Сергей Эфрон был расстрелян, еще раньше их дочь Ариадна[36] попала в тюрьму. Эфрон был арестован НКВД 10 ноября 1939 года. Был множество раз пытан, но так и не согласился дать показания против близких ему людей. 16 октября 1941 года на Бутовском полигоне НКВД вместе с ним расстреляли 135 человек, нужно было спешно «разгрузить» переполненные тюрьмы.

«Широка страна моя родная,
Много в ней лесов, полей и рек.
Я другой такой страны не знаю,
Где так вольно дышит человек».

Лилась «Песня о Родине» Исаака Дунаевского[37] на стихи Василия Лебедева-Кумача[38] из фильма «Цирк». Песня написана в 1936 году.

В результате Ариадна провела 8 лет в исправительно-трудовых лагерях и 6 лет в ссылке в Туруханском районе. Реабилитирована только в 1955 году.

Неудивительно, что Цветаева не нашла в себе силы продолжать неравную борьбу. Перед смертью поэтесса написала три предсмертные записки: тем, кто будет ее хоронить, «эвакуированным», Асеевым и сыну[39]. Записка сыну: «Мурлыга! Прости меня, но дальше было бы хуже. Я тяжело больна, это уже не я. Люблю тебя безумно. Пойми, что я больше не могла жить. Передай папе и Але – если увидишь – что любила их до последней минуты и объясни, что попала в тупик».

Записка Асеевым: «Дорогой Николай Николаевич! Дорогие сестры Синяковы! Умоляю вас взять Мура к себе в Чистополь – просто взять его в сыновья – и чтобы он учился. Я для него больше ничего не могу и только его гублю. У меня в сумке 450 р. и если постараться распродать все мои вещи. В сундучке несколько рукописных книжек стихов и пачка с оттисками прозы. Поручаю их Вам. Берегите моего дорогого Мура, он очень хрупкого здоровья. Любите как сына – заслуживает. А меня – простите. Не вынесла. МЦ. Не оставляйте его никогда. Была бы безумно счастлива, если бы жил у вас. Уедете – увезите с собой. Не бросайте!».

Записка «эвакуированным» (сама записка была изъята в качестве вещественного доказательства и затем утеряна. Текст ее был скопирован сыном Марины Георгием Эфроном): «Дорогие товарищи! Не оставьте Мура. Умоляю того из вас, кто сможет, отвезти его в Чистополь к Н. Н. Асееву. Пароходы – страшные, умоляю не отправлять его одного. Помогите ему с багажом – сложить и довезти. В Чистополе надеюсь на распродажу моих вещей. Я хочу, чтобы Мур жил и учился. Со мной он пропадет. Адр. Асеева на конверте. Не похороните живой! Хорошенько проверьте».

Могила Цветаевой, так же как могила Мейерхольда, утеряна.

Однажды во время блокады отец нашел Галю и пригласил ее

в гости. В то время Павел Иванов работал на продовольственном складе, он жил в Кронштадте вместе со своей новой любовницей Татьяной. В 1942 году, убежденный большевик, ленинец, он встречал свою похожую от голода на тень дочь богато убранным столом, на котором чудо-птицей возвышался зажаренный гусь!

«Павел, что это дочка-то твоя такая худенькая?» – поинтересовалась Татьяна.

Уходя, Галя попросит отрезать кусочек чудо-птицы для бабушки, и Татьяна выдаст ей лакомство.

Удивительный контраст: в этом доме не только не голодали, а словно и не знали об окружающем их голоде и горе, словно не было трупов на улицах, не было ужаса, не было войны.

Павел Андреевич Иванов – отец Галины Вишневской

От богатого довольного жизнью отца Галя вернулась в

холодную комнату к бабушке, поделиться с ней нечаянным подарком. Вскоре девочка узнает, что еще не видела самого худшего в этой жизни. Однажды ночью, когда Галя спала, на бабушке загорелась одежда, услышав крики, девочка бросилась к ней, накинула одеяло, сбила пламя, но старушка уже получила множественные ожоги, которые было нечем и, главное, некому лечить. Два дня Галя мужественно ухаживала за пострадавшей, делала марганцевые примочки, бабушка могла только плакать и призывать смерть, которая, наконец, милостиво избавит ее от страданий. На третий день девочка не выдержала и, завернув бабушку во все одеяла, повезла ее в госпиталь. Там старушка и умерла через пару дней.

Пришедшая после очередного дежурства на крыше Галина не только не нашла своей любимой бабушки, а даже не смогла выяснить, где ее похоронили. Всех мертвых увозили при первой возможности, никто никого не ждал, да и мог ли кто-то гарантировать, что вернется?

Теперь Галя сидит одна в непротопленной комнате, плохо понимая, что делать дальше. Когда-то здесь стоял высокий адмиральский шкаф с резными цветами, его пришлось сломать, чтобы топить буржуйку. В этом шкафу бабушка собирала Галино приданое – серебряные ложки и вилки, но с начала войны их пришлось заложить. Была еще страховка на Галино имя: удивительное дело, приятель деда, тоже бывший печник и тоже горький пьяница Иван Глот, которого в доме подкармливали из жалости, так как работать он уже не мог, пил, побирался, а умерев, оставил Гале совершенно невероятное наследство – страховку на целую тысячу рублей на ее имя. Когда дядя Ваня помер, хоронить его собрались всего два человека – Галина бабушка и дядя Андрей, вошли в его комнату, а там – шаром покати. Все пропил подчистую, только в углу черный гнилой матрас, и у стены – сундучок. Открыли, а там на самом дне бумага на имя Галины Павловны Ивановой. Вот же как бывает, сам голодал, а страховку для неродной ему девочки оплачивал. Только где теперь эта страховка? Бабушка положила ее в сберкассу на Галино имя, да только теперь какие сберкассы? Ищи-свищи.

Появилась возможность эвакуировать детей и женщин, их перевозили на машинах через замерзшее Ладожское озеро. Немцы об этой лазейке, разумеется, знали и бомбили. Многие машины с людьми ушли под лед, тем не менее, эвакуация не была остановлена. Никто не хотел упускать шанса спасти хоть сколько-нибудь людей! Тетя Катя с тремя детьми и дядей Андреем решились рискнуть. Галя не захотела ехать с семьей и не сразу

узнала, что, успешно перебравшись на другую сторону, двое младших кузенов набросились на хлеб, впервые с начала войны наелись досыта и через день померли в мучениях. В результате Катя осталась со старшим сыном. Андрея на берегу она так и не дождалась. Ехал на другой машине, может, погиб на «дороги жизни», может потом куда-то распределили. Писем от него позже тоже не было. В общем, сгинул.

Тем же маршрутом уехал идейный коммунист Павел Иванов со своей новой женой Татьяной и ее детьми. Но и о собственной кровинушке, надо отдать ему должное, вспомнил. Да не просто так, заявился в холодную адмиральскую квартиру и оставил там восьмидесятилетнюю Танину бабушку. Она-де Ладожской дороги все одно не перенесет, а так вам веселее вдвоем будет.

Голодать, что ли, веселее? Карточки бы свои да Татьянины что ли оставил! «Так и сидела несчастная старуха на диване. Сидела и все молчала. И умерла вскоре. Соседки из квартиры напротив зашили ее в одеяло, а хоронить некому. Два дня лежала она на полу возле моей кровати. Мне страшно, я спать не могу, в квартире ни единой души больше… Все чудится мне, что она под одеялом-то шевелится… Потом пришли какие-то мужики, взяли ее за ноги – так волоком по полу, потом по лестнице вниз и потащили. Поднять да нести, видно, сил не было. Бросили на тележку и увезли».

Так и осталась Галя совершенно одна в пустой холодной квартире. Сил что-либо делать не было. Лежала и грезила наяву, представляя себя в каких-то роскошных дворцах, среди веселых, танцующих людей. И сама она не опухшая, синюшная с цинготными пятнами, а красавица, в розовом платье с зелеными лентами. И вокруг нее цветущие сады, белые беседки, фонтаны и музыка, музыка, музыка… Много всего она тогда себе навыдумывала, чтобы с ума не сойти.

Очнулась от того, что кто-то тряс ее за плечи.

– Жива? С кем ты тут? Одна? Да разве ж можно одной? Айда с нами.

Галя посмотрела – девушки, чуть старше ее, все в каких-то комбинезонах, веселые. Отчего же не пойти, там люди, там жизнь. Пошла.

Так Галя оказалась в штабе МПВО (местной противовоздушной обороны). Ее зачислили в отряд, состоявший из 400 женщин. Жили, разумеется, на казарменном положении. Командиры – старики, которых по возрасту и болезням не взяли на фронт. Галя получила такой же как у ее новых знакомых серо-голубой комбинезон и паек. Отогрелась и снова почувствовала себя живой.

Дежурили посменно на вышках. Если где пожар вспыхнет, куда бомба попала, где был обстрел, обо всем следовало незамедлительно докладывать командованию. Выкапывали заваленных в разбитых взрывами домах, отводили обессиленных в бомбоубежища, оказывали медицинскую помощь. А пока не было обстрела, работали по расчистке города. Деревянные строения разбивали, разламывали на дрова, после чего дрова раздавались населению.

Как расчищали? Да уж не кранами и экскаваторами со специально приспособленными для таких дел ковшами: ломами, кирками, лопатами, топорами. И все это делали голодные, озябшие, непрерывно болеющие женщины и девушки, многие, как Галина, – подростки. Войну она встретила четырнадцатилетней Джульеттой, ну или берите героиню поближе – Наташей Ростовой, которой в начале романа всего тринадцать. Тогда она еще влюбляется в Бориса Друбецкого, который живет со своей матерью поблизости от Ростовых. Помните первый бал… изящное платье, красивая прическа, туфельки. А тут валенки на ногах, лом в руках, и спешит наша героиня отнюдь не на бал, а идет тяжелой, почти мужской походкой чинить городскую канализацию. «После страшных морозов везде полопались канализационные трубы, и, как только земля оттаяла, надо было чинить канализацию. Это делали мы, женщины, – «голубая дивизия». Очень просто делали. Допустим, улица длиной 1000 м. Сначала нужно поднять ломом булыжную мостовую и руками оттащить булыжник в сторону. Выкопать лопатой и выбрасывать землю из траншеи глубиной метра два. Там проходит деревянный настил, под которым скрыта труба. Отодрать ломом доски и… чинить там, где лопнуло. Рецепт прост и ясен, как в поваренной книге. Вот так я и узнала, как устроена канализация. Стоишь, конечно, в грязи по колено, но это неважно – ведь мне дают есть».

На службе действительно кормили просто по-царски. Иждивенцам полагалось всего 125 г, здесь же хлеба отмеряли целых 300 г. Правда, его отдавали утром одним куском, и нужно было иметь недюжинную силу воли, чтобы не съесть весь сразу, а оставить хоть сколько-нибудь про запас. Еще полагался кусочек сахару и 20 г жиру. На обед – суп и каша, на ужин – каша. Всего немного, совсем чуть-чуть, но для блокады это вообще царская еда, и, что немаловажно, так кормили не от раза к разу, а каждый день!

Наш человек везде может выжить, в любых условиях, но Галина вряд ли смогла бы выдержать выпавшие на ее долю испытания, не получись у нее снова петь. Какой смысл в такой жизни, где нужно махать киркой, и при этом только мечтать о

сцене? Поэтому едва отогревшись и хоть немного отъевшись на новом месте, она стала посещать джаз-оркестр при стоящей рядом морской военной части. Там она пела популярные песни, романсы и даже оперные арии.

На репетиции, разумеется, ее не командировали и не отпускали, она сама, закончив тяжелый рабочий день, натаскавшись булыжников и бревен, умывалась и бежала на спевку, чтобы после отправиться на концерт на один из кораблей, которые стояли в фортах вокруг Кронштадта.

Неудивительно, что такая работа требовала чего-то более согревающего, чем просто суп. Пили спирт, только так можно было надеяться, что организм выдержит полдня в грязи и холодной воде.

Жили все вместе комната на двадцать кроватей, в центре – железная печь, где все сушат одежду, и стол. Никаких шкафов, все свое складывается в сундучках под кроватью, есть еще тумбочка, но это для самого необходимого.

Все женщины разных возрастов, с разным жизненным опытом, кто-то замужем не однажды, кто-то уже детей успел перехоронить, кто-то, как Галина, еще и не целовался. А вокруг полно военных моряков, город-то морской. Неудивительно, что многие женщины пошли в разгул и пьянство, некоторые откровенно занимались проституцией, получая за свои услуги спирт, шоколад, махорку, кто-то довольствовался статусом ППЖ – походно-полевая жена. Дома у мужчины семья – жена, дети, а здесь под боком другая жена, все это знают, но никто не осуждает. А что делать? Такая жизнь. Впрочем, многие ППЖ позже изменяли свой статус: мужчина разводился с первой семьей и женился уже официально на своей военной подруге.

Галина Вишневская в «голубой дивизии». 1943 г.

После каждого концерта артистам ставили стандартное угощение – тарелка супа, кусок хлеба и стакан водки. Можно, конечно, попробовать выменять водку на хлеб, любителей этого дела во все времена было с избытком, а во время войны и подавно. Галя как-то возвращаясь в часть пьяная после концерта, попала под ледяной ливень. И ничего, выжила, вернулась веселой и довольной. Бросила мокрые вещи на печку сушиться, и спать. После этого уверовала в целительную силу спиртного.

А потом Галя влюбилась в молодого лейтенанта с подводной лодки «Щ № …» – «Щука», как шутливо называли ее моряки. «Петр Долголенко – веселый, красивый лейтенант, – никогда больше я не слышала такого заразительного смеха, как у него. Он был большой и добрый – с таким ничего не страшно! Когда он меня в первый раз поцеловал – это было на улице, – я в полном смысле слова от счастья потеряла сознание на несколько секунд. Очнулась – сижу на скамейке, надо мной его лицо, а вокруг него в небе звезды вертятся!»

Ради своего любимого Галя убегала в самоволку, вылезала в окно и привет. Обратно через тоже окно, если, конечно, никто в комнате не догадается его закрыть. Много раз ее ловили, отправляли на губу, в затопленный водой подвал, или вне нарядов гальюны чистить. Отсидит или отработает свое, и снова за старое.

Раз отправили ее в подвал, сапоги резиновые дырявые, а в подвале воды по колено, льдинки плавают. Если девушка в такой воде постоит, себе гарантированно все застудит, а какая из нее после этого работница, я уже не говорю, какая мать?

Галя так и сказала персонально конвоирующему ее начальнику. А он: «Ничего, на нарах отсидишься, не барыня».

Галина так обиделась, что стянула с ног бесполезные сапоги да со всей дури запустила ему в рожу. А сама все равно на нары не залезла. Так и осталась стоять. Больше часа держала характер, пока, наконец, не вернулся супостат, новые сапоги принес: «Держи, артистка!».

За самоволку полагалось 5 суток, но ей впаяли все 10, должно быть, за швыряние сапогов в начальственную физиономию по уставу еще 5 полагалось. Такая математика.

Возможно, от злости, или как раз оттого, что перед этим она целовалась с Петром, Галя умудрилась не заболеть.

А через два дня ее неожиданно освободили от отсидки, так как настало 23 февраля, концерт в честь Красной Армии, а единственный соловей в подвале заперт. Непорядок.

19 января 1943 года была, наконец прорвана блокада. Галя сидела в казарме одна, слушала радио и вдруг такое сообщение. «Что тут началось! Это было почти безумие. Хотя впереди еще много горя, но мы уже не отрезаны от своих, есть уже маленькая дверца, щель, через которую к нам могут прорваться люди с помощью!»

Казалось бы, блокада прорвана, возможно, скоро и войне конец, еще немного, и жизнь наладится, Галя и Петр строят планы послевоенной жизни.

Весной добавились работы в огородах. Нужно было землю пахать, посадить картошку, овощи. Работа, конечно, тяжелая, достали где-то плуг, а лошадей нет, пахали на себе, по очереди впрягались и тащили. А что сделаешь. Но это все равно уже не то, что в блокаду, сама природа помогает, травка зеленеет, солнышко приятно спину греет, птички на деревьях заливаются, красота. Да и Галина тоже поет, радуется. Голос чистый, звонкий, далеко летит. И тут баба одна, из их же дивизии, вдруг распрямилась над грядкой и кричит:

> «– Галька, а «Щучка», на которой Петька-то твой служил, – погибла!
>
> И зубы у нее оскалены – то ли в злобе, то ли в смехе. Как стояла я в грядке на коленях, так лицом в землю и ткнулась…
>
> Опять одна…».

Вот так закончилась ее первая любовь.

Глава 4
Учеба

Балет и опера – это трехмерные комиксы с музыкальными субтитрами.

О'Санчес

После смерти Петра Галину как подменили: вдруг увидела она, кем на самом деле окружена, какие люди собрались в голубой дивизии, какие жестокие, злобные стервы, которым чужое счастье жить спокойно не дает, чужая радость – кость в горле. Стала тогда она проситься отпустить ее в Ленинград учиться. Сначала не хотели, не положено, мол, военное положение, кто вместо нее работать станет? Но Галина упорно гнула свое. В конце концов начальник сжалился и отпустил, да и как оставишь после той выходки, еще неизвестно, чем бы дело закончилось. Если бы Галя с обидчицей не расквиталась, скорее всего, та от страха ее бы по-тихому зарезала.

В 1943 году рабочая хлебная карточка в Ленинграде – 400 г; вывод: первым делом следует устроиться на работу, чтобы обеспечить себя хоть какой-то едой. Устроилась в Выборгский дом культуры помощником осветителя сцены. Сидит, бывало, под сценой, там прежде располагались осветительные будки, дергает рычаги, дающие свет, и при этом заучивает репертуар. Память молодая, цепкая. В результате она все роли наизусть знала, и актерам вместо суфлера реплики подсказывала.

Потом начали собирать собственную оперную труппу, и Галя перешла к ним. Работали в зале Михайловского театра. Первый спектакль – «Пиковая дама» Чайковского. Зал не топят, холодина, зимой зрители сидят в шапках и шубах, а певицы с голыми плечами. Германа пел Сорочинский, Лизу – Кузнецова, Графиню – Преображенская[40], Полину – Мержанова[41], Прилепу – Скопа-Родионова[42]…

В 1959 году Вишневская будет петь Лизу в опере «Пиковая дама», когда же на своей передаче Дмитрий Дибров[43] спросит ее, отчего же она предпочла уйти из театра, а не осталась, дабы играть графиню, Галина Павловна решительно откажется от такой чести. «Уходить надо вовремя». Хотя она признавала, что Преображенская была лучшей в этой роли: «такого драматического меццо-сопрано я уже за всю свою жизнь не

услышу».

Запомнились исхудавшие за блокаду актеры, Лиза с синими, тощими как палки ручками, перед спектаклем ей мазали белым гримом плечи и руки, иначе смотреть было страшно. Они поют, а изо рта валит пар.

Постепенно город оживал, уже работала музыкальная школа им. Римского-Корсакова. Галя пошла учиться. Педагогом был Иван Сергеевич Дид-Зурабов[44], армянин, когда-то учившийся пению в Италии. Он был прекрасным тенором и, как вскоре выяснилось, плохим педагогом. У Галины был природный очень сильный голос, «дело в том, что у меня была природная постановка голоса – маски, грудного резонатора и дыхания, что в пении самое главное. Певцы годами учатся правильному дыханию, но часто так и не постигают этой основной тайны пения. Мне это было дано от Бога, я родилась с умением певчески правильно дышать, и его-то и лишил меня мой первый педагог. Он не должен был ломать моих природных данных, ему надо было осторожно вести меня, развивая музыкальность, общую культуру, давать разучивать нетрудные арии и т. д. Диапазон у меня был две с половиной октавы. Иван Сергеевич, постоянно говоря на уроках о крепкой опоре, о крепкой диафрагме и не объясняя, что это значит, в результате заставил меня зажать диафрагму, и сразу у меня перекрылось дыхание, сжалась гортань, и – прощай, верхние ноты! Да и вообще голос стал мельче».

«Живя раньше в Ленинграде, я, конечно, знала, что существует привилегированная часть общества, что не все ютятся, как я, в коммунальных квартирах. Но до поступления в Большой театр я и вообразить себе не могла численность господствующего класса в Советском Союзе». (Галина Вишневская)

Новое несчастье обрушилось с внезапностью падающего дома, который вдруг погреб под собой не только ничего не понимающую девочку, а еще и ее будущее оперной певицы. Точно по мановению палочки злого колдуна она лишилась половины своего дара. Как? За что? Вопросы не находили ответов. Куда мог деться голос? Был и нету.

Точно безумная, Галина бродила по улицам города, не находя себе места. Голос нужно было восстановить, но во время войны этим никто не занимался, она продолжала учиться, но учение теперь не шло впрок. При этом на Галину засматривались мужчины, с ней все время кто-то пытался познакомиться, развлечь, так что ничего удивительного, что летом 1944 года самый настойчивый кавалер добился, наконец, того, что Галина

согласилась с ним расписаться.

Так Галина Иванова сделалась Галиной Вишневской. Других приобретений брак не дал, и через неделю они разошлись, чтобы уже никогда друг друга не видеть. Обстоятельства, разделившие Галину и Георгия[45] оказались сильнее, чем она могла себе это представить, молодой муж запрещал ей идти на сцену! Ревновал к престарелому педагогу, в общем, сама, конечно же, виновата, нужно было сначала узнать, как видит совместную жизнь морской офицер Георгий Вишневский. Впрочем, разведясь, она оставила себе звучную фамилию, которую вскоре прославила. Фамилия – это конечно не квартира с машиной, но тоже трофей.

После учебы Галя устроилась в Ленинградский областной театр оперетты, директором которого был Марк Рубин[46].

Галине было 17, она пела, неплохо двигалась, внешние данные выше всех похвал. Зарплата стандартная – 70 рублей при норме 20 спектаклей в месяц, плюс рубль пятьдесят суточных, если театр на гастролях. Для сравнения, примадонна театра получала 120 рублей в месяц. При этом главной партии нужно находиться на сцене почти весь спектакль, а статисты появляются там время от времени, и зачастую это изображение окружения главных героев. Работа поначалу оказалась несложной – массовые сцены. Здесь изобразить толпу, там – гостей во дворце. Первый же спектакль – «Продавец птиц», роль – дама на балу. Взглянула на себя Галя в зеркало и обомлела, да ведь это то самое розовое платье с зелеными лентами, как тогда в блокадном Кронштадте ей представлялось! Должно быть, видение пророческим было. Затянули ей талию корсетом, на голову – пудреный парик, мушка на щеку, туфельки на каблучках, и случилось чудо. Никогда прежде не носившая каблуков и вообще не знавшая ничего подобного, Галина чувствовала себя в этом платье так, словно в жизни ничего другого и не носила. Ее не нужно было учить, как обращаться со шлейфом, куда девать руки. Полная органика.

Выступали в воинских частях, ездили по разрушенным городам: Новгороду, Пскову, Волхову… Театр двигался вслед за армией, которая упорно вытесняла с наших земель фашистов.

Условий никаких: холод, на стенах снег, голод, крысы полчищами, на ночлег хорошо, если устраивают в жилых домах, а нет, так и на голом полу, подстелив у кого что есть. Декорации самые примитивные, чтобы в одних и тех же можно было разные спектакли играть. За три месяца работы Галина выучила практически весь репертуар, и когда вдруг актриса-субретка сломала ногу, Вишневская сумела подменить ее, с одной репетиции войдя в основной, он же единственный актерский состав. Так она получила роль Поленьки в оперетте Стрельникова

«Холопка». А на следующий день уже репетировала Христину в «Продавце птиц». Работа закаляла, постепенно Галина приучилась репетировать в любых условиях. Играть приходилось в прокопченных землянках, в промерзших клубах, да хоть на железнодорожной платформе. Одна из актрис, с которой Вишневская сдружилась, тридцатипятилетняя Шура Домогацкая, умерла прямо на сцене от кровоизлияния в мозг. Ее похоронили в театральном гриме, не из уважения перед актерским и человеческим подвигом, а просто, потому что нужно было торопиться. Костюм был снят с покойницы и отдан Вишневской, к которой теперь переходил и весь Шурин репертуар.

В театре Галина научилась делать невозможное – петь с ангиной, с нарывами в горле, с высоченной температурой. Об отмене спектаклей и речи быть не могло. Если бы вдруг она сошла с дистанции, другая актриса взяла бы ее роли на себя, а театр поехал бы дальше.

Актер театра, бывший белый офицер, в финале оперетты «Свадьба в Малиновке», когда дед Нечипор говорит под занавес: «Власть больше не меняется!», цедит сквозь зубы: «Посмотрим».

Галине было 18, когда она сошлась со своим директором театра, скрипачом Марком Ильичом Рубиным. Гражданский муж был старше ее на 22 года, отношения выстраивались по принципу «отец и дочка». Он принял ее неопытной зеленой девчонкой на работу, растил, учил, сделал солисткой оперетты.

Брак не регистрировали, после войны на такие формальности мало кто обращал внимание. Просто все знали, что теперь Галина его жена. После чего наша героиня перевезла свои пожитки к Марку. Квартира, разумеется, коммунальная, но это не важно, рядом с Рубиным Вишневская чувствовала себя защищенной, у них были общие интересы, совместная работа, они прекрасно понимали друг друга, а что еще нужно для счастья?!

Прошло совсем немного времени, и Галя, к своему ужасу, поняла, что беременна. Этого еще не хватало, а ведь только-только жизнь начала налаживаться! Конечно, в своих мечтах Вишневская время от времени видела себя матерью семейства, но не сейчас же! Во-первых, она еще очень молода, во-вторых, сначала беременность, потом роды и уход за малышом, из-за ребенка ей придется оставить сцену, и еще неизвестно, на какое время. Не мотаться же по нетопленным клубам с грудничком на руках… это уже не забота, а форменное убийство.

С другой стороны, в «Голубой дивизии» она уже наслушалась рассказов про аборты, и как после них женщины раз и навсегда теряли саму возможность стать матерью. Вывод: надо рожать.

Темп работы остался прежним – 20 спектаклей в месяц вынь

да положь, причем в основном по другим городам. В ужасающих условиях, с клопами, тараканами, крысами… А крыс такое количество, что они гуляют по городам, как когда-то кошки.

Тогда же в Кронштадт и Ленинград были специально завезены эшелоны котов и кошек, которые, едва добравшись до места назначения, тут же приступили к своим профессиональным обязанностям – ликвидации серого полчища грызунов. В Питере и сейчас среди дворовых Васек живут потомки тех самых героических котов, спасших город.

Вместе с театром занесло Вишневскую в Восточную Пруссию, присоединенную в то время к Советскому Союзу. Вместе с ними буквально в одном вагоне ехали бывшие пленные немцы, возвращались по домам. Все больные и голодные. Солдат – человек подневольный, собой не распоряжается, получил приказ, выполнил приказ. Шаг вправо, шаг влево – расстрел. Поэтому солдата нельзя обвинять, солдат не виноват. Но это сейчас хорошо так рассуждать, наше поколение блокады не знало, с войной не знакомо. В своей книге Галина Павловна пишет, что они делили хлеб с повстречавшимися им немцами. А ведь она все потеряла во время войны, всю семью, но не сломалась, не перестала оставаться человеком.

Город Кенигсберг, после 1946 он получит имя Калинин, практически сровнен с землей, от развалин до сих пор исходит специфический трупный запах, зато дороги расчищены, только что не вымыты с порошком, пленных немцев заставили. Кирпичи, обвалившуюся штукатурку убрали, а разбирать развалины и вытаскивать оттуда тела уже и у них сил нет.

Кругом полно голодных, цинготных немцев, просящих подаяние, похожих на скелеты старух, детей в обмотках на ногах вместо обуви. Что поделаешь, пришлось и их подкармливать, потому как если уж преломил хлеб с бывшими врагами, не станешь ненавидеть стариков и детей. Эти не воевали и никого не убивали.

Закончив очередные гастроли, Марк повез жену домой рожать, ни о каких платных клиниках в то время не знали. Собственно, таковые где-то определенно имелись, но Галина на такой блат рассчитывать не могла. Когда начались схватки, Вишневская сама пришла в больницу, а там «мест нет, да и время вам еще не подошло, завтра только родите, идите домой». А она ни с места: «Какое домой? Первые роды, я одна, страшно! Вдруг что-то пойдет не так?». Уперлась, да так восемнадцать часов без еды, без питья и просидела в коридоре на жесткой деревянной скамейке, пока реально воды не отошли, и ее не отвели в родильную палату. Двое суток Галина мучилась, не в силах

выдавить из себя ребенка.

Галина Вишневская с мужем и дочерьми. 1959 г.

Наконец свершилось. Сын. Живой. Галя только и успела, что на дитятю глянуть да лоб перекрестить, как новая напасть: родовой припадок эклампсии[47]. Судороги перекручивали тело, хорошо, медсестры успели ей ложку в рот вставить, чтобы она язык себе не откусила.

Пройдут годы, и своего второго ребенка Вишневская придет рожать в шикарную больницу, где к ее услугам будут врачи и медсестры, все для нее, оперной дивы и красавицы. Отдельную палату – пожалуйста, да хоть личного массажиста, кремлевские врачи свое дело знают, как царицу обслужат. Жуткий контраст с теми, первыми родами, когда 18 часов на жесткой скамье в коридоре, и хоть бы кто воды подал.

В результате кое-как выбралась, считай, с того света. Сын достался Галине на загляденье крупный, сильный, казалось бы, живи да радуйся. Но снова не оставляет Галину злая судьба. Полопались соски, началась грудница, это значит, нарывы на

обеих грудях, разумеется, с высокой температурой. Пока в больнице между жизнью и смертью находилась, медсестры еще подкармливали как-то богатыря Илюшу, а как через десять дней жар спал, да нашу героиню выписали домой, все плохое и началось. Дома за ней ухаживать некому, она сама больная, нарывы только подживут, а сын уже есть просит, разрывает деснами больную грудь и сосет материнское молоко пополам с гноем. Боль дикая, и так каждые три часа. И никого рядом нет, чтобы помочь, ребенок голодный, а никакой еды ему, кроме материнского молока, нет. В итоге Илья отравился и вскоре умер, Галина чуть с ума от горя не сошла, несколько часов лежала без памяти около его постельки. Думала, может, тоже умрет, чтобы избавиться, наконец, от страданий. Не получилось.

Нашел ее в таком состоянии Марк, когда с работы домой вернулся, поплакали вместе, после чего сколотил он из досок маленьких гробик, и повезли они ребеночка на кладбище, а сами начали собираться на гастроли. Сроку на приведение себя в относительный порядок две недели. Марк был прав, какой смысл Галине оставаться в Ленинграде одной в четырех стенах, где все будет напоминать ей о недавней трагедии? О том, что она будет петь и играть на сцене, речь не шла. Для начала он просто хотел, чтобы она была рядом, а уж потом как-нибудь сама оправится и, даст бог, распоется и выйдет на сцену. Галине было всего девятнадцать лет.

Меж тем события приняли неожиданный оборот, отец нашей героини и по совместительству пламенный коммунист Павел Иванов, оказывается, рассказывал по пьяному делу политические анекдоты, за что и загремел по 58-й статье на 10 лет.

Галина приняла известие почти спокойно; когда она, полуживая, валялась дома с нарывами и отравленным ребенком на руках, этот, с позволения сказать, родитель навестил ее, но, едва взглянув на первого внука, тут же поспешил ретироваться, а ведь прекрасно видел, что они оба на грани гибели. Нет, если Галина по доброте души еще могла простить отцу, что тот откровенно бросил ее во время блокады, прощать гибель сына она ему не собиралась. Оттого и не печалилась, когда известие пришло. Оставалось только надеяться, что, имея отца – «врага народа», она не лишится работы. Короче, «любимый» папочка мог навредить, даже находясь в местах не столь отдаленных.

В 1946 году А. А. Жданов обрушился с критикой против Зощенко и Ахматовой. И если Зощенко он сравнивал с мещанином-пошляком, видящим в советском человеке только плохое и не замечающим его трудового и гражданского подвига,

Ахматову Жданов громил с таким остервенением, словно она была не великой русской поэтессой, а его личным, причем кровным врагом: тематика Ахматовой насквозь индивидуалистическая. До убожества ограничен диапазон ее поэзии, – поэзии взбесившейся барыньки, мечущейся между будуаром и молельной. Основное у нее – это любовно-эротические мотивы, переплетенные с мотивами грусти, тоски, смерти, мистики, обреченности. Чувство обреченности, … мрачные тона предсмертной безнадежности, мистические переживания пополам с эротикой – таков духовный мир Ахматовой.

Открытое выступление такого высокопоставленного чиновника означало только одно: вот-вот начнется травля.

«Перехожу к вопросу о литературном «творчестве» Анны Ахматовой. Ее произведения за последнее время появляются в ленинградских журналах в порядке «расширенного воспроизводства». Это так же удивительно и противоестественно, как если бы кто-либо сейчас стал переиздавать произведения Мережковского, Вячеслава Иванова, Михаила Кузьмина, Андрея Белого, Зинаиды Гиппиус, Федора Сологуба, Зиновьевой-Аннибал и т. д. и т. п., т. е. всех тех, кого наша передовая общественность и литература всегда считали представителями реакционного мракобесия и ренегатства в политике и искусстве», – заливался Жданов. Имя Мережковского – удивительно, что он его вообще упомянул, после того, как в 1932 году Дмитрий Сергеевич с женой отправились в Италию по личному приглашению Муссолини и прожили там целых три года. После того, как он получил грант от того же Муссолини на книгу о Данте. После того, как поддержал Гитлера, которого писатель «считал удачным «орудием» в борьбе против «царства Антихриста», каковым считал большевизм». Наконец пропагандистское ведомство Муссолини, желая поднять боевой дух своих войск, направленных на Восточный фронт, изготовило пропагандистский текст, вырезав из работы Мережковского «Тайна русской революции» (о «Бесах» Ф. М. Достоевского) все касавшееся романа Достоевского и добавив «актуальные пассажи о священной миссии Германии»… Под заголовком «Большевики, Европа и Россия. – Большевизм и человечество» этот текст увидел свет в 1942 году[48]. После всего этого было понятно, что никакого писателя Мережковского в Советском Союзе знать не хотят.

Галине было жаль Ахматову, стихи которой она очень любила, но особенно задуматься о происходящем не находилось времени и элементарной информированности. Опять последовала

волна арестов. Для восстановления страны требовалась дармовая рабочая сила, а как ее получить, если не привычным способом?

Нападкам подверглись композиторы Шостакович и Прокофьев, их обвиняли в формализме. Сталин вообще разработал безошибочный метод воздействия на такие высококвалифицированные кадры, к которым принадлежали люди искусства: сначала до смерти напугать, опустить, заставить покаяться, после чего отечески простить и поднять на небывалую высоту. «Именно так поступили с Дмитрием Шостаковичем. В какой-то мере с Борисом Асафьевым[49], которого в 1936 году обвиняли в двурушничестве («преклоняется перед немецкими экспрессионистами Шенбергом[50] и Бергом[51], а сам пишет доступную музыку!»), но уже в 1948-м именно его назначают председателем Союза композиторов. Теоретически финал мог быть другим – смерть в лагере или расстрел, как это произошло с Мейерхольдом. Однако то ли из-за любви Сталина к музыке, то ли в силу его понимания, что музыкальное искусство – уникальное явление, где гении встречаются редко, композиторы почти не подвергались серьезным репрессиям[52]».

В 1934 году в газете «Правда» выходит наделавшая много шума статья «Сумбур вместо музыки!» об опере Д. Д. Шостаковича «Леди Макбет Мценского уезда». В статье опера Шостаковича подвергалась резкой критике за «антинародный», «формалистический» характер. Статья была анонимной. В разное время она приписывалась творчеству то самого Сталина, то П. М. Керженцева[53], то Б. Резникова. По архивным данным, в конце концов удалось установить, что настоящим ее автором был Д. Заславский[54].

После того, как распустился слух, будто статью написал сам Сталин, стало считаться хорошим тоном пинать Шостаковича. Одновременно с этим Дмитрий Дмитриевич нажил себе врага в лице Ивана Ивановича Дзержинского[55], который написал оперу «Тихий Дон» по одноименному роману Михаила Шолохова. Шостакович в своей статье, опубликованной 4 января в газете «Вечерняя Москва», назвал оперу слабой. Собственно, поступил по совести, и надо же такому случиться, чтобы ту же оперу посмотрел Сталин и остался ею доволен. Получилось, что тихий и никогда не стремящийся лезть на рожон Шостакович посмел охаять то, что поддержал отец народов!

После этого Шостакович признается формалистом и чуть ли не врагом народа.

С Прокофьевым вообще была нестандартная ситуация: в 1918 году он уехал за границу по разрешению властей, заграничный

паспорт ему передал лично Луначарский. После чего время от времени приезжал в Советский Союз с концертами. В 1936 году Прокофьев решил окончательно вернуться на Родину и вернулся. Кто его мог остановить? Он ведь не бежал, не предавал, соответственно, ему и каяться было не в чем. По меткому суждению художника Юрия Анненкова[56], «Прокофьев симпатизировал коммунизму, но признавался, что предпочитает жить и творить в атмосфере покоя и удобств капиталистического мира со всеми вытекающими из этого выгодами».

Дмитрий Дмитриевич Шостакович (1906–1975) – русский советский композитор, пианист, музыкально-общественный деятель, доктор искусствоведения, педагог, профессор; народный артист СССР (1954), Герой Социалистического Труда (1966), лауреат Ленинской премии (1958), пяти Сталинских премий (1941, 1942, 1946, 1950, 1952), Государственной премии СССР

(1968) и Государственной премии РСФСР имени М. И. Глинки (1974)

«Музыку надо сочинять большую… Мелодия должна быть простой и понятной…», – писал Прокофьев в 1934 г. И уже перед отъездом в Советскую Россию: «У нашего рабочего слушателя в последнее время сильно возрос интерес к советской музыке…».

Вернувшись в Советский Союз, он сообщает властям, что собирается создать «Ленинскую кантату» для хора, симфонического оркестра и народных инструментов, целиком построенную на цитатах из произведений вождя. Из доклада Керженцева Молотову: «Поддерживая всячески желание Прокофьева создать кантату, мы указали ему неприемлемость построения кантаты целиком на цитатах из Ленина, случайно собранных и между собой не связанных». Оттуда же: «Мы считаем, что такое обращение с ленинскими цитатами (особенно в условиях вокального исполнения) не может быть оправдано ни политически, ни художественно». Тут же композитору была предложена разумная альтернатива: заменить ленинские цитаты стихами советских поэтов. Прокофьев отверг эту идею и сказал, что в таком случае он будет цитировать великого Сталина. Что ему, разумеется, также не позволили. В то время на сцене вообще было запрещено изображать Сталина; тем не менее, в театре Вахтангова 13 ноября 1937 года в рамках торжеств в ознаменование 20-й годовщины Великого Октября на премьере «Человека с ружьем» Погодина[57] на сцену вышел Сталин. Вождя играл Симонов. «В результате недопустимой спешки актер вышел на сцену неподготовленным, топтался на месте, держался неуверенно»[58]. Сталин безмолвно проторчал на сцене перед строем красногвардейцев и исчез за кулисами.

В общем, в конце концов Прокофьев тоже был причислен к формалистам. Причем если Шостакович предпочитал переносить свое горе молча, чередуя прием сердечных капель с водкой, вредный Прокофьев еще и старался нажаловаться на притеснения куда повыше. В общем, крайне неспокойный вариант.

Как уже говорилось, Дмитрий Дмитриевич Шостакович в 1934 году отпраздновал выход оперы «Леди Макбет Мценского уезда». Премьера состоялась в ленинградском Малом оперном театре и затем сразу же в московском Музыкальном театре им. Немировича-Данченко. Это был настоящий успех, за два сезона опера прошла в Ленинграде 83 раза, а в Москве – около 100 раз. Отзывы же в прессе поделились поровну, и если одни кричали «Шостакович гений», другие не менее громко вопили о формализме, натурализме и еще каких то «измах». В свою защиту

Шостакович опубликовал отзыв в газете «Известия» от 3 апреля 1935: «В свое время я подвергался сильным нападкам со стороны критики главным образом за формализм. Эти упреки я ни в какой степени не принимал и не принимаю. Формалистом я никогда не был и не буду. Шельмовать же какое бы то ни было произведение как формалистическое на том основании, что язык этого сочинения сложен, иной раз не сразу понятен, является недопустимым легкомыслием».

Как видите, несмотря на клеймо «формалиста» никто не помешал Дмитрию Дмитриевичу не только ответить в прессе, но и представить на суд публике в Большом театре, то есть с главной сцены страны, не только оперу «Леди Макбет», но и балет «Светлый ручей».

Кстати, в роковом 1937 Шостакович создал одно из своих лучших произведений – 5 симфонию, которая была исполнена 21 ноября 1937 года в Ленинграде Ленинградским филармоническим оркестром под управлением Евгения Мравинского. По словам Мстислава Ростроповича, присутствовавшего на премьере, «симфония получила овации со слезами на глазах, длившиеся по крайней мере 40 минут».

С 1934 года все объединения композиторов были упразднены, и основные силы объединились в «Союз композиторов»: впрочем, это были все те же пролеткультовцы, с которыми воевал Шостакович.

Чуть разобрались с «формалистами», советская власть взялась за «космополитов». Начали с репертуаров театров, из которых тут же исчезли многие идущие там годами произведения. В приказном порядке театры теперь обязывали ставить современные советские, выдержанные в заданной идеологии пьесы.

С одной стороны, это было и неплохо, партия давала дорогу молодым писателям и композиторам, пиши – не хочу, но с другой стороны, по этой дороге можно было идти только так, как это было предписано свыше. Правило было просто – славь вскормивший тебя строй, и тебя признают. Малейшее отклонение от курса – прижмут хвост, да так, что можешь и не выбраться. Впрочем, искусство выкручивалось, как только могло: Эйзенштейн[59] снимал свои исторические ленты, Александров[60] радовал публику замечательными комедиями, работали прекрасные актеры, музыканты, поэты… все это, конечно, проходило через горнило цензуры, многое вырезали, заставляли переснимать, но все же это была творческая работа, позволяющая

людям жить, занимаясь своим делом.

В 1948 году Шостаковича выгнали из Ленинградской и Московской консерваторий, где он вел классы композиции и имел единственный гарантированный заработок. Повод для увольнения – профнепригодность. А ведь Шостакович был, есть и остается по сей день композитором мирового масштаба. Его музыка была широко известна за границей. Его же обвинили в профнепригодности, то есть в том, что у него полностью отсутствует какой-либо талант, и он вообще не является композитором и педагогом.

Удивительно, что этот, казалось бы, раздавленный человек найдет в себе силы не сдаться, а продолжать работать. Когда же выйдет запрет на исполнение его ранее написанной музыки, и театры перестанут покупать новые произведения, Дмитрий Дмитриевич найдет себе место в кино. На самом деле это неудивительно: композитору было всего 42 года, он хотел и мог работать. Таким образом, всего за четыре года им была написана музыка к фильмам «Молодая гвардия», «Мичурин» и «Падение Берлина», кроме того, оратория «Песнь о лесах», «Десять поэм на слова революционных поэтов», кантата «Над родиной нашей солнце сияет». Как трудно пробиться в кино, каких это порой стоит жертв, слез, на какие компромиссы приходится идти! Шостакович же пошел в кино просто потому, что не мог не работать, да и деньги просто так ему никто не выдавал. И что же – Сталинская премия за ораторию «Песнь о лесах», музыку к «Падению Берлина» и «Десять поэм для Хора». Удивительно! Каким же нужно быть гением, чтобы снова и снова подниматься из собственного праха, да еще и петь столь чисто, летать так высоко!

В театры на советские пьесы, правда, стали ходить не в пример меньше, обычно туда загоняли военнослужащих и школьников. «Чтобы не быть обязанной вместе с дружным коллективом хором кричать «ура!», когда хочется кричать «караул! «, я предпочла уйти. Это не было политическим протестом. Просто мне стало невыносимо противно от повальной, патологической лжи. Захотелось залезть в нору, спрятаться от людей, быть одной», – пишет в своей книге Галина Вишневская.

Впрочем, жанр, в котором она на тот момент времени работала – эстрада, позволял ей делать сольные концерты, на которых она исполняла песни и романсы. Желая быть рядом с женой, Марк тоже оставил театр и сделался ее администратором. Они купили машину «Победа» и разъезжали теперь по деревням и селам, прихватив с собой аккомпаниатора или чтеца. Кто-то ведь

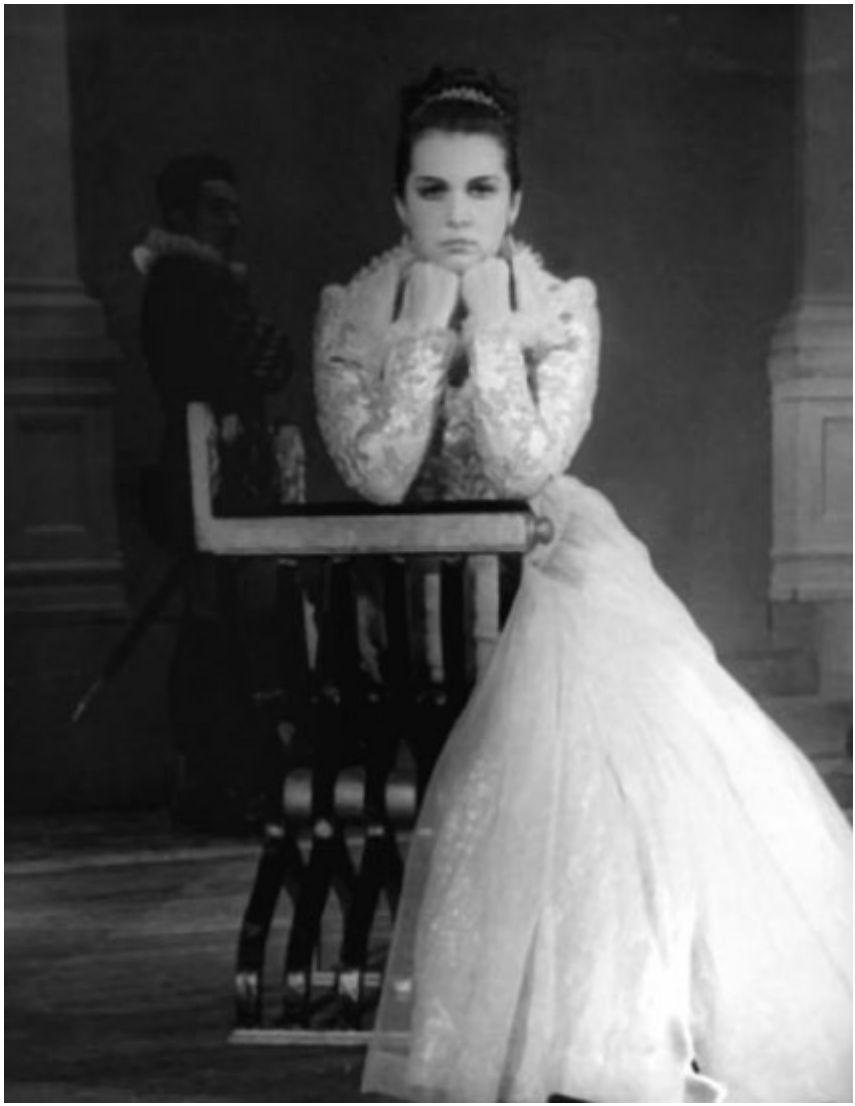
должен был находиться на сцене, пока певица меняет платье.

Достаточно быстро Галина освоила репертуар Клавдии Шульженко. Ставка – 30 рублей за концерт, вполне себе приличные деньги, если считать, что та же «Победа» обошлась в 1600 рублей. Поработав пару месяцев, Галина имела возможность после еще два месяца отдыхать, посещая театры и филармонию. А потом снова в машину и понеслось…

Меж тем, после тринадцатилетней разлуки в Ленинград вдруг приехала Зинаида – Галина мама. Вот сюрприз! Но радостной встречи не получилось, уж слишком они разные, слишком непохожие. Мать даже не узнала Галю, когда увидела. Хотя странно, ведь знала же, что дочь придет, стало быть, была уже настроена на то, что зазвонит звонок, и в дверях – она…

Все равно не узнала.

На этот раз мать приехала в Ленинград не просто так: рак матки в запущенной стадии. Спасти невозможно.



Галина Вишневская в роли Катерины в постановке «Укрощение строптивой». 1956 г. «Я создавала вокруг себя стену, через которую люди не могли пробиться ко мне, а сама я не шла им навстречу. Эта черта была во мне всегда». (Галина Вишневская)

Глава 5
Найти и тут же потерять

Единственно умное в музыке –
это отсутствие текста.

О'Санчес

Судьбоносной для Галины Вишневской стала встреча с Верой Николаевной Гариной, волшебницей, которая вернула нашей героине ее голос. Жила Вера Николаевна на улице Маяковского и зарабатывала на жизнь частными уроками, прося со своих учеников 10 рублей в месяц. Правда, с Вишневской, так как она работала и неплохо зарабатывала, Вера Николаевна брала целых 15. Что значит 15 рублей в месяц, когда она за один концерт получала 30? Гроши. Почувствовав, что попала в умелые руки, Галина была готова ей и больше заплатить, но старушка тактично отказалась. Чай есть, сахар есть, чем покормить кота, найдется. Восемьдесят лет. Что еще нужно? Ничего.

«В комнате – шкаф, кровать, стол с четырьмя стульями, пианино фабрики Коха… На высокой – под самый потолок – изразцовой печи всегда сидел огромный верный котище Цыган. Часто во время пения учеников он прыгал оттуда, летя через всю комнату, как черная пантера. На стене висели старые, пожелтевшие афиши концертов Веры Николаевны и несколько истлевших лент от венков и букетов». В результате голос восстановился в полном объеме, но Галина, уже уверовав в добрую волшебницу и свою спасительницу, продолжала заниматься у нее, совершенствуя то, что еще совсем недавно считала утраченным навсегда.

В качестве тренировочных упражнений они разучивали арии из опер Верди[61], Пуччини[62], Чайковского… Несколько месяцев они занимались каждый день без перерывов, успех был ощутим, казалось, еще совсем чуть-чуть, и можно будет, забыв про эстрадную карьеру, попробовать себя в опере, но неожиданно весной на Галину накатила страшная усталость, появилась одышка, она потеряла аппетит. Поначалу к врачу не обращалась, кто же станет беспокоить районного терапевта с такими ничтожными жалобами. Все хандрят по весне. Обычное дело. Ничего, скоро все пройдет. В результате Галина отправилась на гастроли в Крым, но, не успела она доехать до места, у нее пошла горлом кровь. Врач диагностировал грипп. А как же кровь?

Бывает, наверное, сосудик какой-нибудь порвался. Галина чуть ли не силой вырвала у него направление на рентген и… диагноз: открытая форма туберкулеза. Либо немедленно делать пневмоторакс – операцию на легкие, после которой карьера певицы невозможна, либо смерть.

Галина выбрала смерть. А действительно, какой смысл в жизни, в которой не будет не малейшей радости?

Она убежала буквально с операционного стола, с криком: «Не трогайте меня, не смейте, не смейте!..» растолкала врачей и дала деру. Позже главный врач все же заставил ее дать подписку об отказе от лечения, чтобы в случае смерти никого к ответственности не привлекли.

Шел 1951 год, лежа в постели, Галина читала книги, стараясь все больше и больше уходить в мир литературных героев. Думалось, что, возможно, даже не почувствует приближение смерти, может даже, умрет во сне, в каком-нибудь волшебном сне, из которого и просыпаться-то не захочется.

Но неожиданно книги дали совсем другой эффект. «За моей спиной развевается плащ… Бушует гроза, сверкают молнии, но я бегу, мне не страшно, меня в беседке ждет ОН…

Слезы льются потоком из моих глаз, падают на любимые страницы; задыхаясь от волнения, я ни на минуту не могу оторваться от сладостных переживаний.

И вдруг мне захотелось встать. Не может быть, что я должна умереть, – я так же молода, как героини этих книг. Я хочу быть! Хочу жить! Я словно увидела впереди яркий свет и пошла к нему. С этого дня я начала бороться за жизнь».

Первым делом Галина заставила себя хотя бы немного поесть, потому что откуда возьмутся силы, если неделями пила только чай. Тут же на помощь пришла народная медицина. С отвращением Галина глотала растопленное свиное сало, мед с маслом, выпивала до 10 сырых яиц в день. Муж ездил на черный рынок и покупал там стрептомицин, официально его не было в Советском Союзе. Флакон – 30 рублей. Курс – 120 грамм. 3600 рублей. При этом она не может работать, потому что больна, а муж – потому что должен быть при больной жене, и еще потому, что его профессия – организовывать ее гастроли. Пришлось продавать вещи.

Потом достали путевку в противотуберкулезный санаторий под Ленинградом. Состояние заметно улучшилось, но врачи все равно категорически запрещали петь. Поэтому Галина уходила далеко в лес, жгла там костер и в полном одиночестве пела.

Отвлечемся ненадолго от Вишневской и, перескочив сразу в 1961 год, расскажем о совсем других уроках. Считается, что

лучшая дань уважения учителю – это, выучившись, воспитать еще хотя бы одного ученика. Чтобы традиция не прерывалась. В 1961 году прославленная певица Галина Павловна Вишневская жюрила конкурс вокалистов, где к ней подошла двадцатитрехлетняя студентка Ленинградской консерватории, еще никому тогда не известная Елена Образцова[63]. «В ее красивом меццо-сопрано был большой недостаток – тремоляция[64]», – пишет наша героиня.

Вишневская, несмотря на плотный график, согласилась помочь. «Мне было лишь тридцать четыре года, я много пела в театре, выезжала за границу, мне нелегко было найти время для занятий с нею. Но мне понравился тембр ее голоса, я знала, как избавить ее от столь явного недостатка, и пообещала позаниматься с нею. Вскоре она приехала в Москву на конкурс имени Глинки, где я снова была в жюри, и я поразилась деградации ее голоса – усилилась тремоляция, и голос стал мельче, сопранового звучания. На жюри она не произвела впечатления и после первого тура оказалась в списке в последних номерах. В перерыве она подошла ко мне и разрыдалась.

– Я знаю, я плохо пела. На колени сейчас встану при всех – умоляю, помогите! Вечно буду за вас Бога молить».

В общем, Вишневская работала с ней при каждом удобном случае, часто оставаясь после спектакля. Она давала ей дыхательные упражнения, подбирала более выгодные партии, в общем, сама уходила после этим уроков чуть живая, но новая певица расцветала на глазах. Всего за неделю (сведения взяты из воспоминаний Г. П. Вишневской), занимаясь с Леной по два раза в день, она сумела подготовить ее для показа в Большом зале консерватории, где Образцова сразу же прошла в третий тур. Еще неделя занятий, и она вышла на первое место. Для заключительного концерта с оркестром Вишневская подарила ей длинное вечернее платье.

> «Вишневская написала, что у меня в молодости «качался» голос, и что она мне за неделю его успокоила, – отвечает на вопрос журналиста «Независимой газеты» 14 мая 1992 года Е. В. Образцова. – Слава богу, этого не читала мой педагог, покойная теперь профессор А. А. Григорьева[65]. У меня было много недостатков: я не умела брать высокие ноты, не могла удерживать тесситуру, были не сглажены регистры, но «качки» голоса не было никогда. И потом, профессионалу понятно, что такой недостаток как «качка» голоса, к сожалению, за неделю устранить невозможно. Если бы Вишневская действительно

обладала этим секретом, к ней стояла бы очередь бесконечная! Истины ради должна сказать, что Вишневская помогла мне сделать партию Марины Мнишек. Я благодарна ей до сих пор за участие в моей судьбе, но… Притча о подаренном мне платье тоже обошла земной шар и очень мне напомнила персонаж из повести М. Горького «В людях». Хозяйка, у которой работал в услужении Алексей Пешков, то и дело попрекала: «Я твоей матери шелковую тальму подарила», на что тот, выйдя из себя, наконец сказал: «Что же мне за ту тальму шкуру снять с себя для вас?»».

Не могу сказать, кто здесь прав, но постепенно женщины подружились, и всякий раз, приезжая в Москву, Елена приходила заниматься на квартиру к Галине. Дома же, чередуя уроки с приятной беседой и чаем, они подготовили партию Марины Мнишек и Амнерис.

Елена Васильевна Образцова (1939–2015) – советская и российская оперная певица (меццо-сопрано), актриса, оперный режиссер, педагог, профессор Московской консерватории. Герой Социалистического Труда (1990). Народная артистка СССР (1976). Лауреат Ленинской премии (1976) и Государственной премии РСФСР им. М. И. Глинки (1973)

В результате через два года Вишневская добилась для Образцовой дебюта на сцене Большого театра, где Елена спела Марину Мнишек в «Борисе Годунове». Для привыкшей добиваться своего Вишневской это был реальный риск, и случись что-нибудь – если бы Елена вдруг испугалась, все перепутала, не дай бог, сорвала голос, отвечать за провал пришлось бы Вишневской. Ведь это она кланялась Фурцевой[66], ручаясь за талантливую девушку и умоляя назначить ее на ответственную роль, минуя традиционное в таких случаях конкурсное прослушивание.

Случись что, Образцова – всего лишь студентка Ленинградской консерватории, с нее взятки гладки, а вот она, Вишневская, должна была думать, что делает. А она и думала. Одно дело – стоять перед пианино и петь арию, и совсем другое – петь ее же в костюме, гриме, перед внимающим залом. На сцене все выглядит величественнее и красивее, нежели в жизни, и Образцова в роли Марины Мнишек произвела на дирекцию театра столь сильное впечатление, что ее тут же приняли в основной состав. Но, устроив любимую ученицу в лучший по тем временам театр страны, Вишневская пошла и дальше и тут же помогла подруге выехать с гастролями в Милан. На самом деле Образцовой ехать было не положено, скажи спасибо, что вообще в спектакль вошла, ту же роль пели Архипова[67] и Авдеева[68], обе были достойны поездки, да и давно ее ждали. Но Вишневская была примой, и прима имела железный характер.

Пройдет время, и эта самая Елена Образцова подпишет донос на мужа Вишневской Ростроповича, который изменит его жизнь и, соответственно, жизнь Галины, поспособствует их выдворению из Советского союза и, что тоже нельзя не учитывать, обеспечит последующую роскошную и счастливую жизнь. Мы еще вернемся к этой теме.

Впрочем, рассказывая об ученице Вишневской, мы забежали слишком далеко вперед. Давайте же отмотаем рулетку истории и вернемся к тому времени, когда Галина еще лечилась в туберкулезном санатории.

Усилия не прошли даром, наша героиня поправилась и теперь занималась с удвоенной силой, готовя себя к оперной карьере. «Зачем? – недоумевал муж. – У тебя же есть профессия – эстрадная певица всегда может заработать на кусок хлеба с маслом. Отпашешь сезон, потом отдыхай. Свобода и независимость, чего еще нужно?»

Но Галине этого было мало, после того, как волшебница Вера Николаевна помогла вернуть утраченный голос, Вишневская уже не могла довольствоваться эстрадной карьерой. Нужны были новые пути, новые возможности, и, как по мановению волшебной палочки, они появились.

В мае 1952 года Большой театр СССР объявил конкурс в стажерскую группу. Прослушивание проводилось почти во всех крупных городах страны, неудивительно, что и в Ленинграде.

На первый взгляд удача только поманила ее, только показала сверкающие вершины, чтобы в следующее мгновение окончательно выбить из колеи. Прослушивание шло уже третий день, причем певцы записывались заранее. На счастье, Галину

узнали, концертная деятельность хороша уже тем, что, участвуя в «сборных солянках» с другими исполнителями, волей-неволей обрастаешь знакомствами. Вишневская же к моменту конкурса находилась на сцене уже восемь лет. С другой стороны, жюри тоже люди, им интересно, певица молодая, но опытная, с хорошим голосом, и это на фоне зеленой молодежи, которую еще учить и учить.

Желая поразить жюри еще больше, отчаянная Вишневская вызвалась петь Аиду. Ария труднейшая, оперная певица не всякая возьмется, а тут эстрадная…

Выступила, зал сначала замер, тишина гробовая, а потом восторг! Члены жюри позабыли, что они высокие судьи, на сцену лезут, обнимают, трясут, поздравляют…

Второй тур был запланирован в Москве в Большом театре. Обещали вызвать телеграммой. Уходя с конкурса, Вишневская летела домой, первым делом мужу рассказать и потом к Вере Николаевне.

Только Марк вовсе не обрадовался. Ведь если Галина будет петь в Большом, им, чего доброго, придется в Москву перебираться. Опять же, она станет петь в опере, пусть для начала и небольшие партии, но все же она будет при деле, а он? Он ведь из-за нее из театра ушел, собирался заниматься только ее карьерой. Теперь же Марк оставался как бы не у дел.

Впрочем, кто сказал, что в столице не нужны толковые администраторы?

Второй тур проходил в Бетховенском зале Большого театра. В жюри – М. Максакова[69], В. Давыдова[70], Е. Кругликова[71], Н. Шпиллер[72], Н. Ханаев[73], С. Лемешев[74], И. Козловский[75], М. Рейзен[76], А. Пирогов[77], главный дирижер театра Н. Голованов[78], дирижеры В. Небольсин[79] и К. Кондрашин[80], главный режиссер театра Б. Покровский[81]… Из конкурсантов до второго тура добрались более ста человек.

В ушах Галины еще звучали напутственные слова Веры Николаевны: ничего не бояться, верить в себя, ни в коем случае не просить жюри, чтобы перед Аидой позволили спеть что-либо другое – студентка может распеваться на публике, профессионал выходит и сразу же исполняет программу. «В одну эту арию я вложила столько эмоций, вдохновения, что хватило бы на целую оперу. Было во мне какое-то внутреннее торжество – мне казалось, что я иду, а передо мной раздвигаются, падают стены… Хочется петь еще… еще… Но вот отзвучала последняя нота… Тишина… и вдруг – аплодисменты! А я не могу опомниться, вернуться на землю из своих облачных далей…

Сошла с эстрады, иду снова мимо членов жюри, меня

останавливают, что-то спрашивают, а я ничего не слышу и не понимаю, во мне все трепещет. Потом доходит до сознания:

– Вы из Ленинграда?

– Да.

– В Москве родственников, квартиры, где жить, нет?

– Квартиры?.. Зачем?.. Нет, квартиры у меня нет».

Отвечает, а сама ничего не понимает, почему жилплощадью интересуются? Откуда у нее в Москве может вдруг квартира образоваться? Неужели приняли?

Конечно, приняли, не бывало еще такого, чтобы в Большом театре на приемном конкурсе молодежи артисты новичкам аплодировали – а тут овация!

Третий тур певцы поют с оркестром, из конкурсантов до него добрались пятнадцать человек. Репетиция с оркестром не предусмотрена, сразу выходишь и поешь, а она, Галина, с оркестром, с живым дирижером в жизни никогда не работала. Даже не знает, как это бывает, куда смотреть нужно. А если она знака какого-нибудь дирижерского не распознает?

Оркестр уже занял свои места, ее приглашают на сцену, а тут Ханаев как черт из бутылки подскочил, не дрейфь, мол, тебя уже приняли. Ничего не бойся.

«Как приняли? А если я плохо спою, а если? Да не имею права!»

Когда закончила, члены жюри ушли на совещание. Долго о чем-то договаривались, а когда вышли, объявили, что из всех конкурсантов Большой театр берет только двух человек: певца Нечипайло[82] и певицу Вишневскую. Вот это отбор!

Прямо с конкурса их отвели в отдел кадров, где перед каждым была положена пухлая анкета. И вот тут Галине по-настоящему сделалось страшно. У нее же отец – враг народа!

Не получится отбрехаться, мол, никогда с ним не жила, не общалась. Отец есть отец, а 58-я у родного отца – это уже приговор. Никто не возьмет в главный оперный театр страны дочь врага народа.

Анкета подробная, страниц 20, «кем были бабушки и дедушки, чем занимались до революции, владели ли недвижимостью, если умерли – то где? Родители: где родились, где учились, чем занимались до революции, чем занимаются теперь? Где живут? Если умерли – где похоронены? Есть ли братья, сестры – чем занимаются, где живут, где работают; есть ли родственники за границей, был ли кто-нибудь в плену у немцев, был ли кто-нибудь в оккупации… и т. д. и т. п.».

Когда дошло до отца, написала, что погиб во время войны. Понимала, что если правда всплывет, за ложь придется отвечать,

но в тот момент это было не важно. Она уже видела свою цель и практически достигла ее. Теперь либо пан, либо пропал. Подписала, сдала. Виктор Нечипайло во время войны вместе с родителями оказался на оккупированной немцами Украине. Из-за этого его проверяли целых два года, и он был зачислен в штат театра уже после смерти Сталина. «Пулей вылетела оттуда на улицу. – Большой театр! Так вот каков ты, «могучий колосс»… Стоишь ты на глиняных ногах, и ничтожный карлик, прячущийся за ватной дверью, легким щелчком может свернуть тебе шею. Вернулась в Ленинград уже без ликующего чувства победы. Перед глазами – анкетные листы; а в мыслях одно: докопаются они или нет? Успокаивает то, что об отце никто, кроме меня и Марка, не знает, – значит, донести некому. А вдруг все же узнали? Каждый день может прийти повестка из КГБ, а там разговаривать умеют… ученые…»

Три месяца о Большом театре не было ничего слышно, точно и не участвовала Вишневская в конкурсе, словно и не победила. Она было уже снова за свои концерты взялась, а тут телеграмма: «Приезжайте, вы зачислены в молодежную группу Большого театра. Директор театра Анисимов».

Галина Вишневская в образе Наташи Ростовой. «В молодости еще можно найти в себе силы принимать с юмором тычки и затрещины, но с годами, когда внутреннее зрение становится безжалостным, жизнь бесстыдно обнажается перед тобой и в уродстве своем, и в красоте. Ты вдруг неумолимо понимаешь, что у тебя украдены лучшие годы, что не сделал и половины того, что хотел и на что был способен; становится мучительно стыдно перед собой, что позволил преступно унизить в себе самое дорогое – свое искусство». (Галина Вишневская)

Глава 6
Большой театр

Опера – это когда человеку вонзают в спину кинжал, а он, вместо того чтобы истекать кровью, поет.

Эд Гарднер

Что такое Большой театр – это блестящая труппа, роскошные постановки, это престиж и немалая ответственность, в конце концов, это театр, куда приходит отдохнуть правительство, Сталин – большой почитатель и великий покровитель оперы, а стало быть, за этим театром наблюдают с особой тщательностью. Большой театр – это высшее общество, во всех смыслах этого слова.

Вишневской было всего 25 лет, и неудивительно, что певицы более старшего возраста воспринимали ее как конкурентку. «Они были не только старше меня, но, что самое главное, – другой школы, другого восприятия жизни. У них был свой стиль – у этих знаменитых, с барскими манерами матрон в орденах и меховых палантинах. Жили они все в прекрасных квартирах, окруженные сонмами подобострастных подхалимов. Я с изумлением оглядывалась вокруг, и мне казалось, что я поселилась в огромной семье: более ста солистов, хор, оркестр, балет, дирижеры, режиссеры…»

Наша героиня поступила в молодежную группу театра с годичным испытательным сроком. В ее рабочий план были включены сразу две партии: Татьяны в «Евгении Онегине» Чайковского и Леоноры в «Фиделио» Бетховена[83] в предстоящей новой постановке. После годичного испытательного срока театр имел право либо отчислить певицу как не справившуюся, либо перевести в основную труппу солисткой. В общем, никаких компромиссов. Постановщик «Фиделио» Борис Покровский решил, что Леонору должна петь молодая артистка, и обязательно с хорошей фигурой, так как героиня переодевается в мужской костюм. Понятно, что большегрудые раздобревшие оперные примы с такой задачей справиться не могли. В то время как Галина имела прекрасную фигурку, была тонка и изящна. Еще плюс: «Фиделио» в России до этого никогда не ставилась, а стало быть, опера должна была сделаться событием.

У каждого спектакля несколько составов исполнителей, сезон длится десять месяцев, и все это время все занятые в постановки артисты должны каждый день быть готовы к тому, что их вызовут на репетицию или замену заболевшего солиста. Никто не имеет права выехать на гастроли без специального разрешения дирекции, при этом если дирекция все же сочтет, что актер должен ехать на концерт, он туда едет, так как отказаться очень сложно. В театр проходят по специальному пропуску с фото, даже если вахтер знает тебя лично, без пропуска не имеет права пускать. Когда Вишневская только-только поступила на работу в театр, произошел весьма показательный случай: главный дирижер театра Николай Семенович Голованов, как обычно, явился на работу. Вошел в театр, вахтер попросил его предъявить пропуск. Странное дело, Голованов служил на театре десятки лет и привык, что его там все знают, но что поделаешь: вытащил пропуск, протянул его человеку в форме. Тот взял и поспешно спрятал в карман: «Вышел приказ, вы здесь больше не работаете». Вот так, без проводов на пенсию, даже вещи не дали забрать. Был человек, и нет человека. После этого хамского случая Голованов недолго прожил, должно быть, не пережил унижения.

Помня об этом, уезжая из Советского союза Вишневская сделала вид, будто забыла сдать свой пропуск, опасаясь, что уже не получит его обратно. Это стало известно во время возвращения в ельцинское время великой певицы на Родину. Галине Павловне Вишневской при всех вручили ее новый пропуск, а она сказала, что у нее еще старый сохранился. Событие зафиксировано на пленку и вошло в фильм «Галина Вишневская. Возвращение».

Но вернемся к «Фиделио»: дирижировал Александр Шамильевич Мелик-Пашаев, назначенный главным дирижером театра после Голованова. В то время ему исполнилось всего 47 лет, но он был уже очень знаменит. Все это было более чем хорошо для первых шагов примы в театре. Покровский слышал Вишневскую на конкурсе и был под впечатлением от ее голоса. Оставалось добиться расположения Мелик-Пашаева и можно считать, что журавль-мечта уже не в небе, а в руках нашей героини. Как всем известно, новый руководитель тащит за собой наверх своих людей. Были свои любимые актеры у Голованова, были они у Мелик-Пашаева. Вишневская же пока не принадлежала ни к первой, ни ко второй партии, мало этого, новый главный дирижер еще ни разу не слышал ее, и ему не могло понравиться, что Покровский тащит в его спектакль, да еще и на главную роль неизвестно кого. Разумеется, ему уже доложили, что Вишневская опереточная певичка, так что

Александр Шамильевич не ожидал от нее ничего хорошего, и, соглашаясь послушать новую певицу, скорее всего, решил, что найдет к чему придраться, да и выдворит выскочку туда, где ей и положено находиться – в оперетту, на эстраду, в кордебалет…

Что же наша героиня? Разумеется, она решила произвести на Александра Шамильевича самое лучшее впечатление, на которое только была способна и… в первый же день умудрилась опоздать на целых десять минут! Москва – место незнакомое, в тот день она ночевала у родственников Марка, ну и маленько не рассчитала время.

Она опоздала, а Мелик-Пашаев сидит ждет, и весь оркестр вместе с ним. Стыдно-то как! Другая бы наверное в обморок грохнулась, а Вишневская, вместо того чтобы оправдаться, еще и условия ставит: «А я дышу, как паровоз, – еще бы, на пятый этаж взлетела без лифта: некогда было ждать!

– Знаете, я не распелась, не успела, я распеться должна… Вы подождите минут пятнадцать в коридоре, а потом я спою…», и дальше: «Концертмейстер В. Васильев, много лет работавший с Мелик-Пашаевым и обожавший его, посмотрел на меня с таким отчаянием и безнадежностью: вот, мол, экземпляр, воспитанный советской властью». А ведь ее еще Вера Николаевна учила, что непрофессионально распеваться перед теми, на кого должна произвести впечатление! Самое удивительное, что Мелик-Пашаеву понравилась такая непосредственность, и он, забрав оркестр, отправился за дверь, дожидаться, когда им будет позволено войти. Потом Галина споет ему из Аиды, а когда тот расчувствовался и попросил спеть еще что-нибудь, она не только спела испанскую песню, а еще и станцевала, стуча кастаньетами. Концертмейстер чуть в обморок от такой наглости не грохнулся, а она вдруг завела под крышей главного оперного театра страны озорную песню из репертуара Клавдии Шульженко[84] «Простая девчонка»!

Странно, как после такого прослушивания он согласился работать с Вишневской над образом Леоноры, как сумел разглядеть. Но факт остается фактом. Галина победила, и вскоре ее официально назначили на партию Леоноры в «Фиделио».

Александр Шамильевич Мелик-Пашаев (1905–1964) – советский дирижер, композитор, пианист, педагог. Народный артист СССР (1951)

С этого момента вся ее жизнь сосредоточилась на театре, с утра до вечера она либо репетировала, либо занималась с концертмейстером, а также посещала все идущие в театре спектакли и репетиции. В общем, домой приходила только спать.

Глава 7
КГБ в императорском театре

Если дела будут идти таким манером, то у народа не останется сил даже для гражданской войны.

Леонид Шебаршин

Буквально с первых дней Галина заметила странных людей, присутствовавших почти на всех репетициях. Они тихо сидели по углам, стараясь без особой нужды не высовываться оттуда, и время от времени что-то записывали в свои блокноты. «Оказывается, это чиновники из отдела агитации и пропаганды ЦК партии». Под особый надзор попадали тематические постановки, например, спектакль «Декабристы», вот тут проверяющие тянули жилы, требовали правильно расставлять акценты. «К примеру, в «Мадам Баттерфляй» Пуччини, в постановке времен «холодной войны», американский консул – по замыслу композитора, благородный, добрый человек – по воле режиссера превратился в циничного, жестокого «дядю Сэма». Вместо того, чтобы во втором акте, ласково погладив по голове ребенка, восхищенно воскликнуть: «Ну что за волосенки! Милый, как же зовут тебя?» – он брезгливо, двумя пальцами, как к заразе, прикасался к нему, словно боясь испачкаться, хотя и слова, и музыка были те же. Подобных режиссерских «находок» в спектакле было много, ими нужно было вызвать у публики неприязнь к американцам. В «Декабристах» были заняты лучшие артисты труппы, да и всегда для спектакля, особенно на современную или революционную тему, театр выставлял обойму самых знаменитых певцов, надеясь, что те своим талантом прикроют бездарную музыку и фальшивое содержание оперы. Дирекция в таких случаях не скупилась на обещания орденов, почетных званий, квартир, прибавки к зарплате после премьеры». Вслед за несчастными «Декабристами» – опера, которую не могли довести до ума больше двух лет: по плану шла опера Кабалевского[85] «Никита Вершинин», где Вишневская была назначена на главную партию. Но Галина сразу же поняла, что роль ей не по нутру, не понравилась ни музыка, ни дурной безвкусный пафос, не лапотный бытовизм. С одной стороны, звучит странно: молодая певица без году неделю в театре, к тому же на испытательном сроке, смеет нос воротить от главной роли в

спектакле, который гарантированно будет премирован. Да может ли такое быть?! Любая другая певица за такую возможность убьет конкурентку и не поежится. Разумеется, Галина не могла просто прийти к Мелик-Пашаеву и объявить ему о своем нежелание петь в патриотической опере. К слову, он-то не брезговал ею дирижировать. В результате был придуман беспроигрышный ход: в слезах и соплях она бросилась в ноги к руководству, умоляя снять ее с роли. Причина – партия слишком высокая, а она, Галина еще совсем неопытная певица, сорвет голос, что потом будет делать? Дирекция театра была вынуждена пойти навстречу дебютантке, чему та была несказанно рада. После таким же образом она манкировала оперой Хренникова «Мать».

Большой театр – театр при любом политическом режиме прежде всего императорский! Любимый театр великого Сталина. Артисты дрались между собой за право показаться перед вождем. Государство тратило на постановки огромные деньги, каждый костюм – произведение искусства, декорации такого качества, что если на сцене стоит дом, это реальный дом, в нем при желании можно жить.

Сталин всегда сидел в ложе «А»: «…если стоять в зале лицом к сцене, слева, над оркестром, скрытый от глаз публики занавеской, и только по количеству охранников в штатском да по волнению и испуганным глазам артистов можно было догадаться, что в ложе Сам. И до сегодняшнего дня – когда глава правительства присутствует на спектакле, подъезд публики к театру на машинах запрещен. Сотни сотрудников КГБ окружают театр, артистов проверяют несколько раз: первая проверка, в дверях входа, – это не наша охрана, а КГБ, надо предъявить спецпропуск и паспорт. Потом, когда я загримировалась и иду на сцену, я снова должна показать пропуск (если в зале особо важные персоны). Конечно, во всех кулисах на сцене полно здоровенных мужиков в штатском. Бывают затруднения чисто технические – куда девать пропуск, особенно артистам балета? Они же почти голые! Хоть к ноге привязывай, как номерок в общей бане».

Любимые актеры Сталина в Большом театре – Максим Михайлов[86], бас, Наталия Шпиллер, сопрано, и Вера Давыдова, меццо-сопрано.

Большой театр – это вершина, но, даже когда ты обосновался на ней, есть тропа, ведущая еще выше, на заоблачный Олимп – на банкеты и дачи к правящим этим миром небожителям. Самые известные актеры кино и театров пели на банкетов под звон бокалов и чавканье, рассказывали анекдоты, плясали для увеселения публики, а бывший протодьякон, артист Большого

театра Михаилов пел громовым голосом «Многая лета».

Все это выглядит малоприятно, но, с другой стороны, на этих банкетах актеры имели возможность поговорить с руководителями страны однозначно, выпросить себе или близким какую-нибудь помощь, добиться того, чтобы тот, от кого зависят судьбы, выслушал и принял справедливое решение. Не все клянчили для себя шубы и дармовые квартиры с видом на Кремль, среди советских актеров были и такие, кто помогал своим друзьям раньше времени выбраться с каторги из тюрьмы или ссылки. А значит, не все плохо было в этих вакханалиях. Во всяком случае, в печально знаменитом 37-ом году никто из ведущих артистов Большого не попал под волну репрессий. А это уже немало!

В 1953 году в один день умерли великий вождь Сталин и великий композитор Прокофьев. В Колонном зале Дома союзов, где стоял гроб с телом Сталина собрали всех сопрано Большого театра, они исполняли «Грезы» Шумана. «Пели мы без слов, с закрытыми ртами – «мычали». После репетиции всех повели в Колонный зал, а меня не взяли – отдел кадров отсеял: новенькая, только полгода в театре. Видно, доверия мне не было. И мычать пошло проверенное стадо».

Вишневская осталась в полупустом театре, горевать о Сергее Прокофьеве, с которым была знакома. К слову, выяснить, где именно будет выставлен гроб композитора для прощания, было делом весьма и весьма нелегким. Средства массовой информации не сообщили о его кончине.

Все улицы перекрыты, транспорт скорбно стоит. Цветов в магазинах нет, все до последнего бутончика срезаны для вождя и учителя. Газеты не принимают некролог, о какой другой смерти можно говорить? Вождь умер! Достать машину, на которой можно будет перевезти гроб, невозможно. Пришлось нести на руках от квартиры до Дома композиторов. На гражданскую панихиду к Сергею Прокофьеву пришли всего несколько человек, причем из тех, кто жил неподалеку и мог добраться пешком, обходя заграждения.

Сергей Сергеевич Прокофьев (1891–1953) – русский и советский композитор, пианист, дирижер, литератор. Народный артист РСФСР (1947). Лауреат Ленинской премии (1957) и шести Сталинских премий (1943, 1946 – трижды, 1947, 1952)

Горюя о Прокофьеве, Вишневская и представить себе не могла, что уже очень скоро судьба сведет ее с другим гениальным композитором – Дмитрием Дмитриевичем Шостаковичем, который через несколько месяцев после смерти Сталина будет зачислен в штат Большого театра консультантом по музыкальным вопросам.

Меж тем время шло, и Марк сумел кое-как обменять комнату в Ленинграде на комнату в Москве. Об этой, с позволения сказать, комнате стоит рассказать особо. После войны жить было негде, так что коммунальным бытом, как говорится, никого не удивишь. В квартире, куда заехали Марк и Галина, было два выхода – парадный и черный. Черный выход вел, соответственно, на черную лестницу, по которой до войны ходила прислуга. Комната

Марка и Гали была создана следующим образом – взяли лестничную площадку, которая начиналась от черной двери и вела на лестницу, и отгородили ее со всех сторон фанерой. Выход на черную лестницу тоже закрыли. Получилась выгородка. Для того, чтобы солистке Большого театра попасть к себе в комнату, ей нужно было пройти через всю квартиру и кухню. Разумеется, все кухонные запахи с утра до вечера наполняли собой их более чем скромное жилище. Всего в квартире 35 человек, 7 комнат плюс их с мужем дополнительная, на все про все один туалет и ванная. При этом в ванной разрешалось только стирать белье, мыться ходили в баню. Белье же развешивали на кухне.

В свою комнату они как-то втиснули кровать, стол, шкаф и взятое напрокат пианино, прошло немного времени, и там же пришлось устраивать домработницу. Зачем в таких условиях прислуга? А хотя бы для того, чтобы готовила и по магазинам ходила, Галине нужно было работать над своими партиями: Леонорой в «Фиделио», Татьяной в «Онегине», Купавой в «Снегурочке»… с раннего утра до поздней ночи в театре. Откуда время взять еще и в очередях стоять, не говорю уже о толкотне на общей кухне?

Однажды прошел слух, будто в театре появились несколько квартир, которые профсоюз должен был распределить между сотрудниками. Вишневская в жизни ни о чем не просила, а тут собралась с силами и пошла. К тому времени она была уже ведущей солисткой Большого театра. Пела сложнейшие партии, удостаивалась чести выступать на банкетах партийной элиты. А тут днем и ночью кто-то ходит за стенкой, гремит кастрюлями, жарит, парит, варит, спускает воду в уборной… с утра очередь в туалет… ужас.

«Да как вам не стыдно клянчить у театра квартиру! – набросились на нее работники профкома. – У вас хотя бы крыша над головой есть, живете в трех минутах ходьбы от театра, а наши уборщицы…» Конечно, в стране, где провозглашена уравниловка, любой труд в почете, но это же надо было сравнить ведущую оперную приму с уборщицей. Больше Вишневская ничего и ни у кого не просила.

Четыре года прожила она в таких условиях, но была вполне счастлива. В театре новую приму, разумеется, возненавидели, а как иначе: молодая, красивая, амбициозная, ничему никогда не училась. Такое сочетание качеств для сцены не новость, только обычно такие дамы все сплошь чьи-то любовницы-наложницы. Вишневская же полагалась исключительно на свой талант и трудолюбие.

Говорили, да и теперь ходят слухи, будто бы прима Большого

театра сотрудничала с органами, на что Галина Павловна честно отвечает, что ее вербовали, и даже давали пробное задание, и отвязались только после того как сам Н. А. Булганин[87] потребовал, чтобы от нее отстали. Вот как описывает сцену вербовки сама Вишневская: «Я уже сообразила, что меня будут вербовать в сотрудники КГБ. В высоконравственном коммунистическом обществе Страны Советов через вербовку проходят все солисты Большого театра – как раньше, так и теперь. Не из-за заграничных поездок – за границу в те годы никто не ездил (опера выехала впервые в 1964 году – в Милан), – а просто следить должны все друг за другом и быть на крючке у КГБ. Я знала, что мне скоро придется пройти через «чистилище»: вербуют именно в первые годы после поступления в театр, пока артист не получил еще высоких званий, не завел важных связей и знакомств, пока его легко можно запугивать и шантажировать.

Прихожу в гостиницу «Метрополь», напротив Большого театра (они, наверное, специально там комнаты снимают, чтобы быстренько получать информацию от своих стукачей; возможно, что и до сих пор: тут ведь рядом с Большим Малый театр, и МХАТ, и Оперетта». Провели ее в комнату, усадили и понеслось:

> «– Вы вращаетесь в правительственных кругах, часто бываете среди иностранцев на приемах, банкетах… И Большой театр – вы знаете, какое это ответственное место! Наша страна окружена врагами, и долг каждого советского человека – помогать нашим органам безопасности разоблачать их».

В общем, слово за слово, зашел разговор о коллегах по театру:

> «– Вы дружны с пианистом из балета Петуниным. У нас есть сведения, что он часто высказывается против советской власти. Правда ли это?
>
> Все это – в доверительном тоне, с улыбкой. О Петунине – они правильно были осведомлены. Говорил. И вообще это была единственная тема в наших разговорах с ним. Изображаю на лице крайнее удивление:
>
> – Да что вы?! Неужели?! Я никогда от него ничего подобного не слышала.
>
> – А анекдоты он вам рассказывает?
>
> – Рассказывает.
>
> – Какие?
>
> – Ой, я не могу вам их повторить – он такой пошляк,

только похабные анекдоты и рассказывает».

В общем, понятно, Галина стояла насмерть, никого не выдала. А что дальше? Предположим, что за этим самым Петуниным наблюдает еще один завербованный агент, который докладывает, что он такого-то числа снова рассказал анекдот о Сталине, и Вишневская при этом присутствовала. А она? Галина, не зная об этом доносе, станет доказывать, что ничего подобного не было. Ее тут же поймают на дезинформации и будут правы. А что делать? Предупредить Петунина? А вдруг как раз он и есть провокатор? Вдруг у него задание рассказывать политические анекдоты, а потом доносить, кто и как на них реагировал? В этом случае предупредишь по дружбе и тем самым себе могилу выроешь. Галина нашла единственный возможный выход: старалась вообще к нему не подходить и ждать, что будет дальше.

Через какое-то время ее снова вызвали и предложили узнать про еще одного человека. Задание вроде как простенькое, ребенок справится, но все свои отчеты, даже самые идиотские, обязательно нужно записывать и подписывать. А дальше – коготок увяз, всей птичке пропасть.

С одной стороны кажется, что можно продержаться, рассказывая обо всяких ничего не значащих пустяках, с другой стороны, еще неизвестно, что пустяки, а что нет. К чему господа-товарищи прицепиться смогут, какие выводы сделают.

Вот и думай после этого, не наложить ли на себя руки, пока гэбисты тебя какую-нибудь подлость не заставят сделать или пока не раскроют перед всем честным народом твое предательство. Невольно подумаешь, на каком бы крюке повеситься, пока тебя «товарищи» с ног до головы собственной грязью не облили. В «Правде» от 21 декабря 1937 года Микоян в своем докладе к 20-летию ЧК-НКВД недаром огласил лозунг партии – ее цель: «Каждый гражданин СССР – сотрудник НКВД».

Галина Вишневская с псом Джерри. Май 1955 г. Фото А. Чупрунова

Глава 8
Суженый

Еще два такта протяни, виолончель.
Играй, свою закончи пьесу нотой гордой.
Твой звук дороже тысячи речей,
Дровами сложенных у алтаря свободы.

Александр
Розенбаум.
«Мстиславу
Ростроповичу»

В апреле 1955 года Вишневская вместе с другими ведущими артистами разных театров присутствовала на приеме в ресторане «Метрополь». Встречали какие-то иностранные делегации. Она сидела в своей компании, болтая на отвлеченные темы, когда к ним подошел интересный молодой мужчина. Его тут же представили как виолончелиста Мстислава Ростроповича. Галина взглянула на своего будущего мужа и… равнодушно отвернулась. Ростропович не произвел на нее ровным счетом никакого впечатления. Отметила только, что новый знакомый имеет весьма интеллигентный вид. Да еще запомнилось, что в то время как знакомые музыканты в один голос представляли Ростроповича как одного из лучших виолончелистов современности, тот усиленно напирал, что он-де является доцентом Московской консерватории, преподает аж с двадцати лет!

Впрочем, ей-то что, она замужняя женщина, не важно, что печати в паспорте нет. «Он рассказывал какие-то смешные истории, потом смотрю – яблоко от него ко мне через весь стол катится (как Парис в «Прекрасной Елене» – «Отдал яблоко он ей…»). Когда Галина собралась домой, Мстислав навязался ее сопровождать, прощаясь, подарил коробку конфет. Оказывается, в тот день Ростропович собирался к кому-то в гости, но так был покорен Вишневской, что пожертвовал конфеты ей.

Напрасно. Следившая за фигурой певица сладкого не ела принципиально, так что конфеты достались сладкоежке Марку.

Наглядевшись на необъятные телеса оперных див, Галина взяла себе за правило строжайшим образом следить за фигурой. Даже домработницу, я уверена, они с Марком взяли с тем, чтобы Римма ходила по рынкам, вылавливая полезные продукты, а не первое, что подвернется под руку. Пройдут годы и постаревшая, но не утратившая красоты и королевской осанки Галина Павловна будет строго наказывать своим ученицам: «Не можешь ограничить себя в еде – зашей рот», «Хочешь со мной работать, не жри». Возможно, это покажется грубостью, но искусство требует жертв.

Странно и неприятно выглядят такие «юные» героини как Татьяна Ларина, Джульетта, Аида, Элеонора в исполнении раздобревших матрон. Не случайно сам Чайковский отдал первую постановку «Евгения Онегина» молодежной вокальной труппе Московской консерватории, и только через два года спектакль увидел свет рампы московской императорской сцены, а еще через три года был поставлен в Петербурге. На сцене Мариинского театра партии Ленского и Татьяны исполняла чета Фигнеров[88]. Из письма Чайковского к Н. фон Мекк от 6 декабря 1877 года:

«Чем более я думаю об исполнении этой оперы, тем более убеждаюсь, что оно невозможно, то есть такое исполнение, которое соответствовало бы моим мечтам и замыслам. Особенно Татьяна и Ленский меня ставят в тупик, – писал композитор. – Где я найду Татьяну, ту, которую воображал Пушкин, и которую я пытался иллюстрировать музыкально? Где будет тот артист, который хоть несколько подойдет к идеалу Онегина, этого холодного денди, до мозга костей проникнутого светской бонтонностью? Откуда возьмется Ленский, 18-летний юноша, с густыми кудрями, с порывистыми и оригинальными приемами молодого поэта, а Шиллер? Как опошлится прелестная картинка Пушкина, когда она перенесется на сцену с ее рутиной, с ее бестолковыми традициями… Казенщина, рутина наших сцен, бессмыслица постановки, система держать инвалидов, не давая хода молодым, все это делает мою оперу почти невозможной на сцене… Гораздо охотнее я отдал бы ее на сцену консерватории…».

Впрочем, мы отвлеклись от наших героев. Меж тем Галина и Мстислав вскоре встретятся во второй раз, чтобы уже больше не разлучаться.

В 1955 году Большой театр готовил зарубежные гастроли, «Пражскую весну», – предложили кандидатуру Вишневской. И тут же пошли возражения: слишком молода, да мало ли что может приключиться за границей… потянет ли на «Пражскую весну»?

«Тогда встал один из начальников отделов, В. Бони, и сказал: «Не знаю, потянет ли Вишневская на «весну», но весной на Вишневскую тянет! – пишет в своей книге Галина Павловна. – После столь веского аргумента было принято решение послать меня в Прагу. Эта острота долго гуляла по Москве. (Когда мы поженились, Слава послал Бони бутылку «Вишневки» и на этикетке написал: «Если б не было Бони, / Не женились бы они».)».

В результате от Большого театра поехала наша героиня и Александр Огнивцев[89], бас. Поселили в гостинице «Алкрон», Вишневская только и успела, что забежать к себе в номер переодеться, как на завтрак зовут. Спустилась в ресторан, и тут же к ней подлетел недавний знакомый виолончелист.

«Присаживайтесь за наш столик, для вас место держим», – пришлось Огнивцеву для себя другой столик искать. А Ростропович не отстает, всерьез взялся ухаживать за Вишневской, видно, так она ему понравилась. Позже выяснилось, что, желая очаровать прекрасную даму, он взял с собой в Прагу чуть ли не весь свой гардероб. Ясное дело, мужчины в Советском Союзе плохо одевались, а тут человек галстуки с пиджаками по три раза на дню меняет.

Ростропович все верно рассчитал, не учел только, что и Галина не обыкновенная женщина, в каких кругах она привыкла вращаться. Такую фирменным пиджаком не удивишь. Она в Кремле с руководителями государства запросто общается.

Впрочем, удивил. Во-первых, Вишневской почему-то не давалось имя Мстислав, да и фамилия Ростропович не запоминалась. Поняв ее затруднения, новый знакомый предложил называть его Слава, а он тогда будет называть ее просто Галей. Опять странность: в театре к Вишневской давно уже обращались по имени и отчеству, для всех она – известная певица, дива, прима, человек, стоящий на недосягаемой высоте. Добавьте к этому наличие мужа намного старше ее. А тут такое панибратство.

С другой стороны тут же выяснилось, что чудак Ростропович никогда не слышал пение Вишневской, для него она просто красивая женщина, кстати, ровесница, так отчего же не перейти на «ты»?

Слава интересный, разговорчивый, остроумный. После завтрака Галина согласилась погулять с ним и тут же была вознаграждена за свое согласие целой корзиной ландышей. Женщина какая-то стояла у отеля и предлагала букетики, так неистовый виолончелист у нее всю корзину купил.

В другой раз заглянул к ней в номер. Без приглашения сел за рояль и начал играть… «И вдруг!.. Выскочил из-за рояля и опустился на колени! Я растерялась. Может, превратить все в шутку?

– Простите, я еще в Москве при нашей первой встрече заметил, что у вас очень красивые ноги, и мне хотелось их поцеловать!»

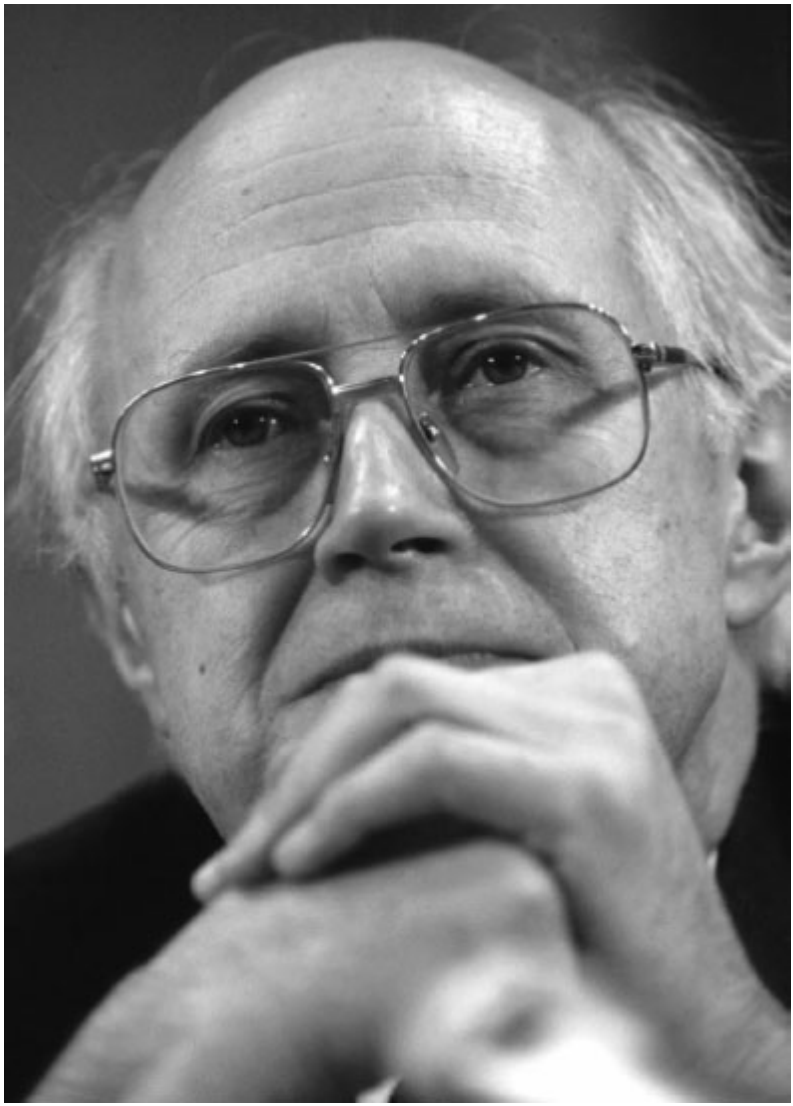
На репетиции в театре – ландыши, понятно от кого. Конечно, прима Большого театра привычна к цветам, но тут такой напор, что невольно начинаешь ему сочувствовать. После репетиции договорилась с Огнивцевым по Праге погулять, и тут Ростропович опять как черт из бутылки, вырвался и искушает, «брось этого Сашку, со мной иди».

> «– Я обещала Саше пойти с ним, и мне неудобно, он обидится.
>
> – Ваш Саша спит, как медведь в берлоге, – если его не разбудить, он не проснется до утра».

Подошли к номеру Огнивцева, а оттуда действительно храп на всю гостиницу. Постучали, подождали чуть-чуть, да и побежали чуть ли не вприпрыжку, хохоча.

Галина никогда так не развлекались, словно снова превратилась в девчонку, в Галку-артистку. Но чрезмерно увлекаться нельзя, в гостиницу возвращались поодиночке, как бы кто чего не заподозрил. А то доложат руководству театра, что замужняя Вишневская в Праге вытворяла. Одним скандалом не отделаешься.

В результате на четвертый день Галина, по ее собственному утверждению, «стала его женой». Ростропович же, заранее предвкушая, что, вернувшись в Москву, она немедленно переедет к нему, рассказывал теперь стремительно обретенной суженой всю свою жизнь в таких подробностях, что временами Галине начинало казаться, что она хорошо знает и его маму[90], и сестру[91], словно давно уже принадлежит их семье и, возможно, даже носит эту непроизносимую фамилию – «Ростропович». Впрочем, нет, это уже слишком, ее фамилия Вишневская.



Мстислав Леопольдович Ростропович (1927–2007) – советский и российский виолончелист, пианист и дирижер, общественный деятель, педагог. Народный артист СССР (1966). Лауреат Ленинской премии (1964), Сталинской премии второй степени (1951) и двух Государственных премий России (1991,1995). Пятикратный лауреат премии Грэмми

Гастроли подходили к концу, однажды, узнав, что Галина обожает соленые огурцы, Мстислав устроил дивный сюрприз, купил целый килограмм огурцов и разместил их в хрустальной вазе, щедро украсив это дело ландышами.

27 лет, Галина, наверное, в первый раз влюбилась по-настоящему: точно девчонка она, уже не думая о том, что кто-то

заметит, летела к нему на свидание. И тут гастроли закончились, Вишневскую срочно перебросили в Югославию, где в Белграде находилась наша правительственная делегация: Булганин, Хрущев, Микоян и другие, а с ними, как водится, группа артистов. Раньше господа ездили со своими цыганами, теперь с оперными певцами и певицами. Все похоже. Это был первый официальный визит советского правительства в Югославию после разрыва, произошедшего между Сталиным и Тито[92]. Речь шла о прочном мире.

Ростропович же оставался еще на целую неделю в Праге. Получив от Галины согласие выйти за него замуж, он активно изображал главу семейства, бегая по магазинам в поисках сервизов, одеял, гардин, словом, всего, что успеет и сможет купить до отъезда. «Я сделал предложение своей жене на третий день знакомства, и всю жизнь жалел лишь о двух потерянных днях», – писал Ростропович.

На самом деле в этот момент Ростропович переживал чувство, отчасти напоминающее дежавю: восемь лет назад здесь же, в Праге, разворачивался во всю красоту и ширь его роман с балериной Аллой Шелест[93], с которой они оказались в одной концертной бригаде на Первом Всемирном Фестивале демократической молодежи в Праге.

Так же как с Вишневской, были долгие прогулки, крошечные кафе с потрясающим кофе, таким, какого было невозможно отыскать в СССР, шоколадные конфеты, которые он покупал коробками и затем угощал свою избранницу. Страшное искушение для балерины, которой почти ничего нельзя…

После… она жила в Ленинграде, «он в Москве, пылкие встречи носили романтический характер, пока однажды она не заговорила с ним о браке, надеясь на встречное признание. Он смалодушничал, а мать его, женщина властная и непреклонная, так она сказала просто:

– Пока Мстислав не встанет на ноги, ни о какой свадьбе речи быть не может. Его призвание – музыка»[94].

Кроме того, мама, должно быть, сразу же поняла: будущая невеста старше ее сына на целых восемь лет! Все знают, век балерины недолог. А это значит, что уже скоро Алле придется идти на преподавателя или балетмейстера, а это сопряжено с известными психологическими трудностями. Придется сидеть с ней дома, утешать, ухаживать. Нет, с такой женой он на ноги не встанет. Пропадут оба.

После этого Алла и Мстислав не виделись год, за это время красавица Алла вышла замуж за балетмейстера и бывшего артиста балета Юрия Григоровича[95]. Ничего удивительного –

красивая женщина, да еще и знаменитость… кроме того, у них были общие интересы, темы для разговоров.

И вдруг, точно снег на голову, перед ней явился Ростропович:

> «– Собирай вещи, мы немедленно едем в Москву (Не правда ли, узнаваемый темперамент? – *Ю.А.*).
>
> – А как же мать? Ты ее ослушаешься?
>
> – Что ты чепуху несешь?! – закричал на нее. – Мать я переделаю. Я уже обставил нашу квартиру, ты будешь жить со мной! (На самом деле никакой квартиры в 1948 году у Ростроповича еще не было. Ниже будет описание коммунальной квартиры, где он жил в двух комнатах с матерью и сестрой. Свою первую кооперативную квартиру, по свидетельству Г. П. Вишневской, он купил на Сталинскую премию, которую получил в 1951 году. То есть даты не совпадают. – *Ю.А.*)
>
> – В каком качестве?
>
> – Не имеет значения! Главное, мы будем вместе!
>
> – Нет, Мориц *(А. Шелест так называла его на польский лад. – Ю.А.)*, вместе мы уже не будем.
>
> – Кто тебе мешает? Этот Черный Жук? *(Он так называет Юрия Григоровича. – Ю.А.)*. Брось его, только я должен быть с тобой! Только я! – продолжал он кричать с пафосом»[96].

> «Молодой музыкант искал в женщине не только красоту, но и ум, и талант. Он увлекался Майей Плисецкой[97], Зарой Долухановой[98], Аллой Шелест, а после их свадьбы с Вишневской в музыкальных кругах коллеги тут же пустили шутку: «Маялся-маялся, зарился-зарился, шелестел-шелестел, а подавился вишневой косточкой». Но он не обижался. Пусть говорят!»[99]

Мстислав полагал, и, кстати, с ним невозможно не согласиться, что прямо из аэропорта Галина должна ехать к нему домой, все-таки теперь она его жена и не может хотя бы ненадолго оставаться в квартире с бывшим мужем. Но Галина ни за что не соглашалась с его доводами. Нельзя просто взять и бросить Марка, не сказав ни слова. Тем более, что он ни в чем перед ней ни виноват. Десять лет вместе. И не важно, что последнее время они уже жили, что называется, по привычке, главное – до конца оставаться человеком.

Впрочем, до этого еще нужно было дожить, теперь же, в Югославии, Галину ждала еще одна судьбоносная встреча с Н. А. Булганиным. После концерта Булганин пригласил ее

ужинать за центральный стол, где уже сидели Хрущев, Микоян и Тито с супругой[100].

Наутро после банкета – огромный букет от Булганина, на другой день – то же самое. Этого еще не хватало, неужели решил за нее взяться? А как же Ростропович? Да она еще с Марком не разобралась, а тут два новых «мужа» на подходе.

Да и Булганин, положа руку на сердце, не так и плох. Да что там плох! Красивый мужчина, надежный. За таким будешь как за каменной стеной. Даже если в жены не позовет, даже на правах любовницы… «Возможно, не было бы Славы, так бы оно и сложилось», – откровенничает Галина Павловна в фильме «Галина Вишневская. Личная жизнь», снятом для канала «Культура». Но в том-то и дело, что к моменту появления в жизни Вишневской Булганина в ее сердце уже поселился виолончелист Мстислав Ростропович. Решение было принято, отступать она не собиралась.

Булганину было пятьдесят девять лет, не старый. «…среди топорных, грубых физиономий членов правительства он выделялся своей интеллигентной внешностью, мягкими, приятными манерами. Было в его облике что-то от старорежимного генерала в отставке, и ему очень хотелось казаться в моих глазах просвещенным монархом, этаким Николаем III. Всем своим обращением со мной он всегда старался подчеркнуть, что мне не нужно бояться бывать у него. Конечно, привычный властвовать, он хотел добиться своего во что бы то ни стало, но, быть может, и в самом деле любил меня», – напишет Галина Павловна много лет спустя.

«Я сделал предложение своей жене на третий день знакомства, и всю жизнь жалел лишь о двух потерянных днях». (Мстислав Ростропович о Галине Вишневской)

Глава 9
Страсти-мордасти

Между жизнью и смертью нет ничего, кроме музыки.

Мстислав Ростропович

Из Югославии Вишневская вернулась в Москву, и, едва перешагнув порог их с Марком комнаты, объявила, что уходит от него к Славе. Что тут началось! Марк умолял не торопиться и все спокойно обдумать, грозил покончить с собой.

«– Я не выпущу тебя из дому!

– Пусти, мне надо ему позвонить…

Телефон общий, в коридоре. Я вырываюсь, бегу через всю квартиру, он – за мной.

– Не смей звонить!

– Отойди!

Соседи на всех дверях уши развесили, интересно – скандал!

– Слава, я приехала.

– Я иду к твоему дому, выходи на улицу!

– Я не могу, меня муж не пускает…

– Он тебе не муж, я – твой муж! Я приду к тебе домой.

– Не смей приходить!

– Ну, так я приду к дому и буду стоять внизу, пока ты не выйдешь. Надо будет – и несколько дней простою! – и повесил трубку».

В общем, страсти посильнее, чем в опере. В результате только на следующий день Галине удалось сбежать. Причем побег тоже получился как в кино. Опасаясь, как бы Вишневская не бросила его тайком, Марк проводил ее до дверей Большого театра. Далее он следовать за ней не мог, пропускная система. А Вишневская прошла через весь театр к черному ходу, что на площадь Свердлова, и бегом до Колонного зала, туда, где своему нареченному встречу назначила.

Подлетает и застает такую картину. Стоит машина, вся изнутри украшенная ландышами, а в ней довольный и счастливый Ростропович. Мимо знакомые идут, место-то людное, в машину заглядывают, узнают, здороваются, а он сидит и сияет.

Галя сразу решила, уговорить Славу подождать месяца два. За это время она с Марком все по-хорошему уладит и…

«Никаких двух месяцев, если сегодня к четырем часам тебя не будет у меня дома, все кончено!

Ну что с таким делать?

Галя вернулась домой, но больше ничего уже говорить Марку не стала, понимала, что запрет он ее на ключ, а Ростропович, чего доброго, выполнит свое обещание. В общем, написала прощальную записку, схватила неразобранный чемодан и деру. На углу стоянка такси. Назвала адрес, Ростроповичи жили на улице Немировича-Данченко, буквально за углом, но ехать в машине показалось надежнее.

Выскочила, поднялась на второй этаж до квартиры, позвонила. Дверь открыла крупная девушка.

– Вы Галя?

– Да.

– Я Славина сестра, он просил меня вас встретить…

– А где же он сам?

– В магазин за шампанским побежал…»

За спиной Вероники появилась перепуганная, бледная мама Мстислава Софья Николаевна. Вишневская прошла в квартиру, села на свой чемодан, и вдруг горько заплакала. И женщины заплакали. Так они и лили слезы – непонятно, от радости или от вдруг схлынувшего напряжения последних дней, пока на пороге не появился Ростропович.

– Ну, слава Богу, уже познакомились!..

Квартира, разумеется, коммунальная, семья Ростроповичей занимает две комнаты, всего в квартире человек двадцать. Впрочем, некоторое время назад Мстислав заплатил за кооператив, вложив в будущее жилье всю свою Сталинскую премию. Подождать совсем чуть-чуть, и можно будет въехать в отдельную квартиру.

Разумеется, столь стремительный роман двух известных людей не мог не взбудоражить общественность, сразу же поползли слухи один неприятнее другого. Впрочем, вполне заслуженно. Вишневская и сама признавала, что была замужем, а стало быть, ее связь с Ростроповичем изначально была аморальна.

Вот как пишет об этих слухах второй муж балерины Аллы Шелест Рафаил Вагабов: «Прошло еще некоторое время, Алла вдруг узнает, что певица Большого театра Галина Вишневская, беременная, с чемоданчиком в руках пришла к Мстиславу и объявила его матери, что будет жить у них. Мстислав разом

остепенился, как ни странно, успокоилась и Алла, их жизни разошлись, притом, что из виду друг друга они не теряли»[101]. Возможно, что на свете есть женщины, способные чувствовать свою беременность на столь ранних сроках. Не могу с этим спорить, все люди разные. Вишневская была беременна второй раз, но график ее работы и постоянная нервотрепка вряд ли способствовала развитию чувствительности, свойственной скорее очень тонким, разнеженным особам, способным день напролет прислушиваться к своим ощущениям. Так что в этом плане я придерживаюсь версии самой Галины. О беременности она узнала уже после того, как вышла замуж. Впрочем, если уверений нашей героини недостаточно, сопоставьте даты: общеизвестно, что начиная с 1952 г. традицией фестиваля стало открытие 12 мая, в годовщину смерти Бедржиха Сметаны[102], а Ольга Ростропович родилась 18 марта 1956 года, следовательно, через 11 месяцев после их «помолвки» в Праге.

Первую неделю Галя не выходила из дома, опасаясь, что Марк выследит ее на улице.

К первому же завтраку новоявленный муж явился в пиджаке и галстуке, заявив, что теперь всегда будет так одеваться. На второй день сделалось жарко, и он попросил разрешения снять пиджак, на третий отказался от галстука, и вскоре уже сидел за столом в одних трусах.

Полгода Галина и Мстислав прожили в этой квартире, ожидая, когда их жилье на улице Огарево будет наконец достроено. Тогда же появились странные прозвища, которые молодые супруги дали друг другу. В воспоминаниях Галины Павловны полно сказочных образов, многое в ее жизни происходило как бы по волшебству, вот и своего мужа – остроносого и тощего, она прозвала Буратино. Деревянный мальчик, нашедший золотой ключик. Он же ласково называл ее Жабка. Как можно сравнивать прекраснейшую из женщин с жабой? А очень просто: потому что Галина – настоящая царевна-лягушка, зачарованная Василиса премудрая и одновременно с тем прекрасная, которая поймала судьбоносную стрелу. Кроме того, она обожала брошки в виде лягушек и коллекционировала различные лягушачьи сувениры.

«Музыка – это исцеление. Музыка зажигает факел добра и может переустроить, усовершенствовать мир». (Мстислав Ростропович)

На этот раз замуж Вишневская выходила молниеносно. Развод с Марком не требовался, официально они не были женаты. Так что через неделю после заселения на новом месте, с трудом преодолевая смущение, Галина и Мстислав перешагнули порог загса на Пушкинской улице «против комиссионного магазина во дворе, в правом углу, возле помойки. Не знаю, как теперь, но в

том виде он неприкосновенно оставался до самого нашего отъезда в 1974 году. Маленькое, убогое помещение на первом этаже – тут и женят, и разводят, и справки о смерти выдают».

Почему так скоро? По правилам, с момента подачи заявления должно пройти 3 месяца. Но что позволено Юпитеру, не позволено быку. Вишневская – примадонна Большого театра, Ростропович – лучший виолончелист Советского союза. Знакомства имеют. Нажали где надо, их и пропустили вне очереди. Когда нужно, могут ведь и без формальностей на квартире расписать. Были бы все необходимые печати под рукой.

Вишневскую узнали.

> «– Ах, Галина Павловна, какая радость вас здесь видеть! Слушала вас в Большом театре, я просто вас обожаю! Замуж выходите? Садитесь, пожалуйста, давайте ваш паспорт, душенька…
>
> И – к Славе, уже холодно-официально, даже с легким вздохом, дескать, бывает же людям такое счастье:
>
> – Давайте ваш паспорт тоже.
>
> Начинает писать и все приговаривает:
>
> – Ах, Галина Павловна, как вы чудно поете, нельзя ли попасть на ваш следующий спектакль? Значит, пишем: супруги – Галина Павловна Вишневская и М-стислав… Господи, какое трудное имя… Ле-о-поль-до-вич Ротр… Роср… Товарищ, как ваша фамилия?
>
> – Ростропович.
>
> – Как?!
>
> – Ростропович – моя фамилия!
>
> – Товарищ Рассупович, ну что это за фамилия! Вот сейчас у вас такая счастливая возможность – перемените фамилию и будете, – она закатила глаза и даже не проговорила, а как бы пропела: – Вишне-е-е-е-вский!»

Ну, тут уже Слава не выдержал, наотрез отказавшись менять фамилию.

В общем, расписались и домой – праздновать. Вишневская еще себя замужней дамой не успела почувствовать, новый сюрприз: оказывается, Булганин ее по всей Москве ищет. Соседей расспрашивал, куда подевалась? В театре шороха навел. Наконец министр культуры разыскал Марка и от него узнал, где Вишневская. Позвонили на квартиру Ростроповичей. 30 мая – сегодня день рождения Булганина. Прием на даче, Николай Александрович просит петь. Машина будет внизу через полчаса.

Никто не спросил, хочет певица выступать или нет? Готова ли она? В голосе или нет? А вдруг ей нездоровится? А вдруг волосы

не мыты? Вдруг?..

А Булганин уже вокруг нее крутится, в рюмочку сладкую наливку подливает, сладкие речи заводит… Вопросы задает, как же так, такая раскрасавица замуж вышла? Удивительно! Почему никому не доложила? Вот дура, вышла замуж за Ростроповича, а не торопилась бы, и могла за Булганина. Ну да ничего, если понадобится, вмиг разведут. Воистину «минуй нас пуще всех печалей и барский гнев, и барская любовь».

На следующее утро – букет на квартиру. К вечеру сам позвонил прямо из Кремля. М-да, своеобразно начался медовый месяц. Булганин решил отбить красавицу Галину. И первым делом пригласил ее поужинать в ресторан.

«Хорошо. Приду, – улыбается в трубку Вишневская. – Придем». Так и повелось: Булганин ее на свидания приглашает, Галина и Мстислав приходят вместе. Потом Николай Александрович и Мстислав Леопольдович вместе напиваются, и Галина везет благоверного домой, довольная уже тем, что в очередной раз удалось манкировать государевым ложем, сохранив верность мужу.

Потом Булганин стал блага разные Ростроповичу сулить, дачи, квартиры, за которые платить не придется, премии… в шутку даже пытался угрожать. Но молодые супруги стояли насмерть. Наверное, так продолжалось бы еще долго, и еще неизвестно, чем бы закончились визиты Ростроповича и Вишневской ко второму лицу в государстве, но однажды Мстислав не выдержал, и после очередной попойки у Булганина закатил супруге пьяный скандал:

> «– Мне надоело! Я не могу больше видеть, как этот старик на тебя смотрит! Я больше к нему не пойду!.. Тебе, наверное, нравится, тебе льстит, что за тобой ухаживает наш новый царь. Ты не видишь, что ставишь меня в унизительное положение!..».

На эти обидные слова Галина могла только разрыдаться. А действительно, что она могла сделать? Поругаться с Булганиным? А если тот отомстит? Да одного его слова будет довольно, чтобы она уже не пела, а Ростропович не концертировал.

Тогда Ростропович забрался на окно, сообщив, что выбросится. Вот как об этом пишет Вишневская:

> «И вижу я: Славка, почти голый, в одних трусах, лезет на подоконник!
>
> – А если так, то я сейчас брошусь вниз!
>
> Видно, спьяну забыл, что всего высоты – метра

четыре, но все равно ноги можно переломать! Софья Николаевна влетела в комнату, вцепилась ему в одну ногу, Вероника – в другую, я кричу в истерике:

– Стой! Куда ты прыгать собрался? Я беременная!.. Куда я денусь?

Так я объявила моему мужу, что у нас должен быть ребенок.

Как ветром сдуло его с подоконника, и он, счастливый, уже был около меня:

– Правда? Нет, правда? Что же ты молчала?

Я плачу:

– Сюрпри-и-и-и-з хо-те-е-е-ла те-бе сде-е-е-лать…».

С этого знаменательного дня Мстислав каждый вечер перед сном повадился читать супруге сонеты Шекспира и играл ей самую прекрасную музыку, какую только знал, чтобы она родила ему самого красивого и одаренного ребенка. А Галина начала думать, как бы без скандалов с последующими неприятностями покончить с их странными отношениями с Булганиным. Напрямую отказать было немыслимо, еще неизвестно, как бы он отреагировал, скажи она ему прямо. Сталинские времена, конечно, прошли, но тюрьмы оставались, и в них вполне могли попасть неугодные правящей элите лица. Скажем, весьма уже надоевший товарищу Булганину Ростропович.

Сначала Галина стала отказываться от домашних приглашений, ссылаясь на усталость и загруженность в театре, но тогда он нашел возможным нажать на любимую певицу через Министерство культуры, и ее стали чаще приглашать петь в Кремле. Если в этот день у нее была репетиция в театре, Вишневскую освобождали от репетиции. Если начинала плакаться, де плохо звучит голос, а впереди еще и спектакль, ей вежливо давали понять, что и от спектакля тоже освободят. Мало этого, освободят от выступления на радио, да и от всего остального, если понадобится.

Если Вишневскую не мог уговорить министр культуры, звонил сам Николай Александрович, недвусмысленно требуя, чтобы Галина явилась в Кремль, если не петь, то просто поговорить с ним. Картина начинала напоминать настоящие домогательства. И неудивительно, что наконец Вишневская взорвалась: «…я стояла в вонючем коридоре коммунальной квартиры и в ярости орала в телефонную трубку:

– Что вы валяете дурака? Звоните по нескольку раз в день, будто не понимаете, что мы не можем бывать у вас дома! Мне надоели сплетни вокруг меня! Я не хочу петь на ваших приемах.

Почему? Потому что мне противно! Я не желаю во время пения видеть ваши жующие физиономии… Поймите, что меня это унижает. И хотя, по вашим понятиям, это большая честь, я прошу вас раз и навсегда избавить меня от подобной чести… Все! До свиданья!..

Через несколько минут – снова звонок:

– Галя, извините меня и успокойтесь. Я прошу вас завтра со Славой прийти ко мне ужинать. Мне нужно вас видеть».

В общем «коготок увяз, всей птичке пропасть». Ничего не поделаешь, поехали. Правда, с того дня имя Галины Вишневской было раз и навсегда вычеркнуто из списка выступающих на кремлевских пьянках. А еще через несколько дней Галина и сама была рада, что не поссорилась с влиятельным покровителем. Как мы уже говорили, КГБ пыталось сделать из Вишневской своего агента. Они то появлялись, то исчезали. Иногда просто звонили, справляясь о здоровье, но не звали к себе после «Пражской весны» ни разу. А тут опять. Галина только от кремлевских банкетов с грехом пополам отделалась, приглашают явиться к ним.

В тот вечер Мстислав и Галина обедали у Булганина, и Вишневская, воспользовавшись интимностью обстановки, прямо за столом пожаловалась Николаю Александровичу, что ее преследуют работники КГБ.

> «– Это еще что такое?! Что им от тебя надо? – возвысил голос Булганин, должно быть, представляя себя в образе благородного рыцаря, которому дама сердца поручает сразиться с многоголовым чудищем.
>
> – Они требуют, чтобы я писала доносы, – уронила алмазную слезу благородная принцесса.
>
> – Что-о-о?! С ума они сошли, что ли? Федька! – кричит адъютанту. – Соедини меня с Ванькой Серовым! Ах, негодяи!
>
> И побежал в соседнюю комнату к телефону. Мы слышали, как он разносил главу КГБ, до нас долетали обрывки фраз. Вскоре он вернулся к нам.
>
> – Не волнуйся, никто больше тебе оттуда никогда не позвонит. Можешь мне поверить.
>
> И правда – с этим было навсегда покончено. Помощь в таком деле была важна именно в тот период моей жизни – дальше я уже сама набрала силу и могла отбиваться самостоятельно, да и, зная мои высокие связи, со мною были осторожны, меня уже такой Василий Иваныч – попробуй тронь! А сколько людей запуталось в этих сетях!»

В Большом театре вербовали практически всех. А человек слаб, ему намекнули, что в случае отказа он потеряет свое положение, для артиста это значит, что он никогда уже не сможет заниматься любимым делом, а зачем тогда жить? Или господа из органов вдруг обнаружат какое-нибудь еле заметное пятнышко на биографии любимого человека, родителей – у них всегда было много путей воздействовать на людей. Вот, Вишневская сумела отбиться, а сколько ее коллег в этом завязли навсегда.

Николай Александрович Булганин (1895–1975) – советский государственный деятель. Член Президиума (Политбюро) ЦК КПСС (1948–1958, кандидат в члены с 1946 года), член ЦК партии (1937–1961, кандидат с 1934). Маршал Советского Союза (1947,

лишен этого звания в 1958 году), генерал-полковник. Входил в ближайшее окружение И. В. Сталина

Однажды Галина пришла в театр послушать Георгия Михайловича Нэлеппа[103], на сцене шла репетиция оперы «Садко», в которой наша героиня не участвовала. Так получилось, что, войдя в театр, она первым делом увидела незнакомую женщину, которая явно кого-то ждала. Попросили Галину, чтобы сказала секретарю, пусть та вызовет Нэлеппа со сцены, если он свободен.

Г. М. Нэлепп спустился вниз, вежливо поздоровался, а женщина вдруг как харкнет ему в лицо: «Вот тебе, гадина, за то, что погубил моего мужа, за то, что ты погубил мою семью! Но я выжила, чтобы плюнуть тебе в рожу! Будь ты проклят!».

Как тут же объяснил, шокированной произошедшем на ее глазах Вишневской, Н. С. Ханаев, Нэлепп работал на КГБ еще со времен его службы в Ленинградском театре и многих погубил своими доносами.

Вскоре после описанного выше инцидента он умер от сердечного приступа в возрасте всего лишь пятидесяти двух лет.

Вырвав Вишневскую из когтей КГБ, вскоре Булганин пригодился ей еще раз. Наконец-то достроили кооперативный дом, за квартиру в котором Ростропович заплатил деньги, и тут выяснилось удивительное. Оказывается, они не имеют права поселиться в своей заранее оплаченной квартире. Четыре комнаты на двоих (можно сказать на троих, ребенок вот-вот появится) – это по советским законам абсолютно чрезмерно. Как будто бы они раньше этого сказать не могли, когда Ростропович еще неженатым свою Сталинскую премию на блюдечке с голубой каемочкой принес.

И что делать? Домработница не в счет. Переводить в четырехкомнатную квартиру маму с сестрой – но тогда получится та же коммуналка, а жить-то хочется в отдельной. В конце концов снова вмешался Булганин, и вопрос был улажен, лишние метры больше никого не тревожили, о них просто забыли. На самом деле Булганин давно уже предлагал Ростроповичу не валять дурака, а соглашаться на бесплатную квартиру от государства, но тот не хотел быть чем-то обязанным поклоннику своей супруги.

Беременность протекала нормально, с операми «Фиделио» и «Евгений Онегин», Вишневская съездила на гастроли в ГДР, получила свое первое звание – заслуженной артистки РСФСР, после чего записала свою первую оперную пластинку «Евгений Онегин», с дирижером Хайкиным[104] и артистами Беловым (Онегин) и Лемешевым (Ленский).

Лемешеву, лучшему Ленскому страны, в ту пору было уже 56 лет. По правилам единственная фирма грамзаписи в СССР «Мелодия» могла повторно записать оперу только через двадцать лет. То есть существуют два непревзойденных Ленских – Лемешев и Козловский. Козловский удостоился чести записаться (пластинка с его участием была у Гали, подарок от мамы на день рождение). А вот Лемешеву пришлось ждать своей очереди двадцать лет, то есть он сделал почти невозможное, умудрился сохранить свой неповторимый голос.

Когда Вишневской было поручено записывать Татьяну, она моментально сделалась врагом всех певиц Большого театра. Что и понятно, многие из них тоже много лет ждали этой записи, надеясь на лучшее и прекрасно понимая, что еще двадцати лет у них просто нет. Следующая запись, и опять «Онегина», случилась неожиданно скоро, в 1968 году, но это было исключение из правил, пластинку записывали в Париже на фирме EMI.

Впрочем, до 68 года нашей героине еще только предстояло добраться, теперь же, в 1956 году, все только и говорили, что о знаменитом докладе Хрущева, в котором он рассказал правду о культе личности Сталина, о пытках и тюрьмах, доносах, массовых расстрелах невинных, о деле врачей, уничтожении крестьянства и обезглавливании армии перед войной. Все это, конечно же, было известно и давно передавалось шепотом за наглухо закрытыми дверями, ошеломляло, что обличительные речи, за которые совсем недавно можно было отправиться в тюрьму, неслись теперь с самой вершины, что за это уже не сажали. Слухи расползались с быстротой сползающей с гор лавины, обрастая подробностями, на свет всплывали все новые имена погибших, замученных, все еще страдающих в застенках и ссылках. В каждой семье вспоминали о своих потерях, точно после длительной бомбардировки считали и не могли обнаружить соседей, друзей, родственников – пропавших, арестованных, просто исчезнувших… Главный палач Сталин мертв, разумеется, тут же принялись за поиск врагов из тех, кого еще можно наказать. Собственно, у всех, кто был наверху, так или иначе рыльце в пушку, тем не менее, главное – успеть перебежать из одного лагеря в другой, главное – кричать то, что предписано свыше, главное – не потеряться и всегда держать нос по ветру. Тем более, что и сам разоблачитель Хрущев закончил свой доклад словами: «Мы не можем допустить, чтобы этот вопрос вышел за пределы кругов партии, в особенности же, чтобы он попал в печать. Нам следует знать пределы, мы не должны давать оружие в руки нашим врагам, не должны полоскать грязное белье у них на глазах».

В печати доклад еще не был опубликован, а слухи уже

проникли в народ, по рукам ходили машинописные распечатки Хрущевского выступления. Москва гудела, но никаких открытых выступлений не последовало.

Вскоре из мест не столь отдаленных после десятилетней отсидки вернулся Павел Иванов – отец нашей героини. Годы, проведенные в неволе, не сломили верного ленинца, и, вернувшись в столицу, он первым делом отправился восстанавливаться в партии, а заодно посетил Большой театр, где донес на собственную дочь, которая посмела утаить отца «врага народа». Должно быть, администрация зоны, где находился Павел Иванов, не заботилась о духовном кормлении своих подопечных, во всяком случае, он не был в курсе относительно положения Вишневской в театре и вообще в Советском союзе. Думал, принципиальный мерзавец, ее сразу выкинут, да куда там, теперь Галина находилась на такой высоте, до которой простому смертному не так просто добраться. Кроме того, она уже начала ездить с гастрольными поездками, за выступления актеров Большого театра заграница платила золотом. Правда, сами исполнители получали из этих денег крохи, а большую часть загребало родное правительство, но как раз это и обеспечивало надежную защиту – каким же нужно быть сумасшедшим, чтобы резать курицу, несущую золотые яйца?

Галина уже была на сносях, когда Мстислав уехал на гастроли в Англию. Перед отъездом муж взял с нее слово: не рожать до его возвращения, иначе он никуда не поедет. Пришлось согласиться. Из Лондона Ростропович звонил каждый день, читал Галине стихи, умолял родных окружать ее всем красивым и отбирать страшные книги. На время Галиной беременности мама Мстислава Софья Николаевна переехала к ним, чтобы приглядывать за невесткой. В результате вечером 17 марта Ростропович вернулся домой, а на следующее утро Галину отвезли в роддом.

Да, вторые роды Галины Вишневской разительно отличались от первых, именитую пациентку, ее дожидалась белоснежная отдельная палата в Пироговской больнице, где улыбающиеся врачи и медсестры были готовы на все ради царицы оперы. «Мне казалось, что ангелы на крыльях несут меня в небесах, и в честь моего торжества вокруг звучат ликующие гимны, наполняя меня чувством неземного восторга и счастья. Моя дочь казалась мне совершенством красоты. И в самом деле – она родилась удивительно красивой, не по-детски пропорционально сложенной, с чистой белой кожей, и уже через пять минут внимательно смотрела на меня не мутными детскими глазками, а ясным, осмысленным взглядом – казалось, она хочет что-то очень

важное мне сказать. Видно, Славины ночные чтения мне сонетов Шекспира не прошли даром, и даже акушерка, принимавшая у меня роды, сказала: «Ну, Галина Павловна, сколько я в жизни своей детей приняла, а такой еще не видела». Из больницы их встречали родственники и друзья, все с цветами и улыбками. «Нет, это чудо, это просто чудо! Мама, посмотри, какая она красавица… нет, посмотрите все!!! Ведь правда, она красавица?»»– восторгался взволнованный отец.

Первенцу назвали Ольгой, не Екатериной, как мечтала сама Вишневская: муж не выговаривал букву «р» и опасался, что это будет звучать смешно.

Через две недели Мстислав Ростропович улетел в Америку. Но это было только к лучшему, теперь Галине предстояло научиться жить вместе с ребенком, жить ради ребенка. И в этом деле темпераментный супруг создавал ненужные помехи и суету.

Галина Вишневская с Мстиславом Ростроповичем и дочерьми – Олей и Леной. 1959 г. Фото Б. Азарова

Реальность изменилась до неузнаваемости, теперь наша героиня не заботилась о бытовых проблемах, хождение по магазинам, готовка и уборка были всецело на Римме. Она же старалась ни на минуту не оставлять Оленьку одну. Кормила ее грудью восемь месяцев, пеленала, купала, играла со своей

малышкой. Через несколько месяцев, когда график устаканился, Галина добавила к своим материнским занятиям музыку, после перерыва нужно было восстанавливать голос.

Когда Ростропович вернулся из-за границы, Ольге исполнилось три месяца, Галину тогда пригласили в Ленинград на пробы на роль Татьяны в фильме-опере «Евгений Онегин»: всего один рабочий день, но стоит ли он риска, оставлять грудничку на прислугу и только что вернувшегося и еще не успевшего разобраться, как вести себя с дочерью, папашу? Мстислав Леопольдович уверил супругу, что справится с новыми обязанностями, и она может не беспокоиться. Из Америки он привез массу баночек с детским питанием, которым и кормил Ольгу вплоть до возвращения супруги, перед этим благополучно вылив в раковину оставленное матерью сцеженное грудное молоко. Хорошо, что Галина отсутствовала всего сутки, так как животик груднички, ни разу не пробовавший ничего, кроме материнского грудного молока, не мог справиться с неожиданным прикормом. На счастье, доктора вовремя взялись за дело, и через несколько дней здоровье Ольги нормализовалось.

Когда малышке исполнилось четыре месяца, Галина перенесла ее кроватку в детскую, рядом была поставлена кровать Риммы, которая, не признавая никаких нянек, взялась самостоятельно опекать обожаемое чадо. Не было бы Риммы, возможно, зритель еще не скоро услышал бы волшебный голос Галины Вишневской, потому что бытовые проблемы и служба в Большом – вещи почти несовместимые. Мужчина может сочетать карьеру и семью, женщине же приходится куда как сложнее.

В 1958 году семья Вишневской и Ростроповича произведет на свет вторую дочь. Для оперной актрисы двое детей – это даже много. Беременность прошла более чем хорошо, Вишневская пела до последнего и родила здоровенькую девочку. Новорожденную назвали Еленой. И когда она родилась, никто уже и не вспоминал о том, что в самом начале Галина размышляла, а не отказаться ли от ребенка. Шутка ли сказать – перед ней замаячил столько лет уже ускользающий призрак «Аиды», оперы, о которой она мечтала, с которой она поступила в Большой театр, и которую теперь, объяви она о беременности, непременно передали бы другой певице. Вишневская бы такого не пережила.

Находясь на весьма уже приличном сроке, она участвовала в съемке «Евгения Онегина», для которого ранее она проходила пробы. На экране мы, правда, видим другую актрису, Галина Павловна поет за кадром. Но все равно забавно получилась, первая Татьяна у нее была кормящей матерью, а вторая беременной.

Всю беременность Галина затягивалась в корсеты и ушла в декретный отпуск буквально за три месяца до родов. Когда на общем собрании театра сообщили, что Вишневская в декрете, ее любимый дирижер Мелик-Пашаев встал и произнес потрясшую всех фразу: «Товарищи, когда же кончится это безобразие?!».

Собственно, второго ребенка больше хотел муж, но решение, как ни странно это звучит, должна была принять… кто бы вы думали? Домработница Римма. Дом, магазины, готовка, воспитание Оленьки – все несла на себе эта кариатида домашнего хозяйства. Когда хозяева делали попытки нанять для дочки гувернантку, эта деспотица в фартуке кидалась на пришлых, заставляя их убраться подобру-поздорову. Римма не терпела посторонних людей в доме, предпочитая трудиться днем и ночью, не переставая при этом ворчать на жизненные тяготы и эксплуатацию буржуями трудящихся масс. Вишневская очень ценила свою домоправительницу, поэтому, сообщив мужу о беременности и откровенно выложив перед ним все «за» и «против», ей пришлось призвать в качестве высокого арбитра Римму. Своей семьи у домработницы не было, да и скандалила она скорее по привычке, в общем, новость о втором ребенке фея домашнего очага приняла с полным восторгом.

> «В день спектакля мама последний раз ела в три часа дня, и только мясо без гарнира – Римма, наша помощница по хозяйству, давала ей полусырой бифштекс. И когда они с Риммой ругались, та приносила ей вместо бифштекса селедку», – рассказывает в своем интервью для «Собака. ru» Ольга Ростропович.
>
> После того, как Галина родила вторую дочку, муж прислал ей в палату коротенькую записку: «…Спасибо за дочку! Она, конечно, такая же красавица, как и ты… (в роддома мужчин не пускали, так что, говоря о красоте дочери, Ростропович может только догадываться. – Прим. Ю.А.). Я ужасно рад, что родился не мальчик. Будут расти две сестры, и когда я (но не ты!) стану старым, они будут за мной ухаживать… Если ты не против, назовем ее Леной… Елена Прекрасная…».

Глава 10
Шостакович

Пуччини писал чудесные оперы, но ужасную музыку.

Дмитрий Шостакович

Благодаря Ростроповичу, вскоре после замужества Вишневская сошлась с семьей Дмитрия Дмитриевича Шостаковича. Собственно, они были и прежде знакомы, но никогда до этого Галина не бывала дома у этого великого композитора. Впрочем, как раз дома у Шостаковича ей и не понравилось. Совсем недавно, в 1954 году умерла супруга Дмитрия Дмитриевича, оставив его с двумя детьми, дочерью Галиной 17-ти и сыном Максимом[105] 14-ти лет.

В доме не чувствовалось хозяйки, дети росли на руках домработниц, по словам Галины, она «росли очень избалованными и неорганизованными. Он любил их какой-то ненормальной, болезненной любовью и жил в вечном страхе, что с ними может что-нибудь случиться».

Для Вишневской, у которой дом полная чаша, везде чистота и красота, такая жизнь немыслима. Тем более странно видеть подобное запустение в доме, где есть прислуга. Еще больше поражал обеденный рацион великого композитора: «В те годы он был очень стеснен в средствах, и на столе обычно, кроме куска колбасы, сыра, хлеба да бутылки водки, ничего не было. Но сам он, казалось, не замечал, что ест, а гости, естественно, смотрели не на стол, а на Шостаковича». Наверное, не было бы каждый день на столе водки, цена которой в то время составляла 21 руб. 20 коп., можно было бы позволить себе еще что-нибудь, но «русские люди пьют водку, а не вино во время обеда. Дмитрий Дмитриевич тоже пил только водку, причем не любил маленьких водочных рюмок и наливать предпочитал только сам. Наливал себе полстакана и выпивал сразу. Потом начинал есть, выпивал еще столько же – это была его «норма». Пьянел он довольно быстро, особенно в последние годы, и в таких случаях незаметно исчезал – уходил к себе и больше уже не появлялся до конца вечера».

Должно быть, Шостакович тоже понимал, что без женщины дом не дом, во всяком случае, он подозрительно быстро нашел себе вторую жену, Маргариту Кайнову, сотрудница ЦК ВЛКСМ.

Ключевую роль тут сыграло внешнее сходство Маргариты с покойной Ниной Васильевной[106]. Увидел и решил, что все повторится. Решение жениться пришло к Шостаковичу молниеносно, приметил Маргариту на каком-то совещании, подошел и без лишних предисловий спросил: «Не хотите ли вы стать моей женой?», та ответила: «Хочу». Они расписались.

Отношения не сложились. Дети Дмитрия Дмитриевича не приняли мачехи, да и Шостаковичу она, судя по всему, не подходила. По словам секретаря Д. Шостаковича Зинаиды Александровны, «я говорю ей, этой Маргарите: ведь вы же вышли замуж за гения, вы должны понимать его психологию, ведь он же музыкант… И что, вы думаете, она мне ответила? «Ну и что, что музыкант, у меня первый муж тоже был музыкант – на баяне играл!»», – неудивительно, что брак вскоре распался.

Дмитрий Шостакович и Мстислав Ростропович. «Мне посчастливилось быть рядом с Шостаковичем и Прокофьевым с самой юности. И они мне очень доверяли, сердцем чувствовали». (Мстислав Ростропович)

В 1960 году на свадьбе сына Дмитрий Дмитриевич вышел проводить гостей на лестницу, шутил, смеялся, и вдруг оказался распростертым на полу. Оказалось, что у него тяжелая, мучившая его много лет болезнь, при котором постепенно отмирали мышцы. Должно быть, поэтому он все время боялся, что выйдет из строя, что не сможет содержать семью, сделается беспомощным и никому не нужным. К этому времени на шее Шостаковича находилось 15 человек: сам Дмитрий Дмитриевич с женой, дочь

Галина с мужем и двумя детьми, сын Максим, тогда еще студент, с женой и сыном, старая нянька, прожившая у него всю жизнь, домработница в московской квартире, другая домработница и истопник на даче, шофер, секретарь. Сотрудникам и прислуге Дмитрий Дмитриевич, разумеется, платил зарплату из своего кармана. «Вы подумайте, – восклицал, бывало, он, – ведь только на завтрак нужно две дюжины яиц, килограмм масла, два килограмма творога, несколько литров молока! Это моя семья – что станется с ними, если я перестану писать?..»

Работал он много, в том же 60-м году были созданы Седьмой квартет, который Дмитрий Дмитриевич посвятил памяти своей покойной жене Н. В. Шостакович. Восьмой квартет посвящен памяти жертв фашизма. «В квартет он включил все важнейшие события своей жизни, использовав музыку Первой симфонии (1924–1925), оперы «Леди Макбет Мценского уезда» (1930–1932), Второго трио (1944) – памяти И. Соллертинского[107], лучшего друга Шостаковича, умершего от голода во время войны, а также музыку Десятой симфонии, написанной сразу после смерти Сталина, в 1953 году, и Первого виолончельного концерта (1959), посвященного Ростроповичу, – последнего к тому времени сочинения крупной формы.

Четвертая часть звучит как реквием. В ней Шостакович использовал свою музыку к фильму «Молодая гвардия» – сцену казни молодогвардейцев – и включил мелодию всем в стране известной старинной песни политкаторжан, начинающейся словами «Замучен тяжелой неволей, ты славною смертью почил…». Этим эпизодом Шостакович как бы настаивает на автобиографичности сочинения». Ростропович тут же загорелся играть это замечательное произведение. Первый концерт состоялся в Ленинграде в малом зале Филармонии, М. Ростропович выступил в квартете вместе с М. Вайманом (скрипка), Б. Гутниковым (скрипка), Ю. Крамаровой (альт).

Рассказывая о жизни Галины Павловны Вишневской, невозможно обойти стороной ни ее друзей, в жизни которых она принимала живейшее участие, ни события, происходившие в жизни страны. Собственно, сама Вишневская никогда не вела жизнь серенькой затворницы, она много читала, вращалась в обществе, общалась не только с мастерами сцены, но и бывала в Кремле, где собиралась верхушка власти. В общем, она видела и слышала немало.

Одной из важнейших страниц в своей жизни Галина Павловна считает судьбу романа Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго», вернее, ту бурю, которая поднялась в СССР вокруг этого произведения. Началось все с того, что в 1953 году журнал «Знамя» опубликовал

подборку стихотворений под общим названием «Стихи из романа в прозе «Доктор Живаго»». Самого романа еще никто не видел. Возможно, издатели решили сделать такой рекламный ход, тем не менее, читатели напрасно ожидали скорого выхода самого романа. О нем ничего не было слышно еще по крайней мере три года. А весной 1956 года Пастернак отнес готовую рукопись в журналы «Новый мир» и «Знамя», а также предложил ее в альманах «Литературная Москва». Пастернак подождал до лета, после чего передал рукопись итальянскому издателю Джанджакомо Фельтринелли[108]. Возможно, на него повлияла встреча с итальянским журналистом Серджо Д'Анджело, не каждый же день общаешься с представителем зарубежной прессы. Кто решится упустить такую возможность?

В сентябре 1956 года Пастернак получил документальное подтверждение того, что в СССР его роман, скорее всего, все равно не напечатают. Вот ответ журнала «Новый мир»: «… Как люди, стоящие на позиции, прямо противоположной Вашей, мы, естественно, считаем, что о публикации Вашего романа на страницах журнала «Новый мир» не может быть и речи… Возвращаем Вам рукопись романа «Доктор Живаго».

Б. Агапов, Б. Лавренев, К. Федин, К. Симонов, А. Кривицкий».

В то же время Пастернака вызывают в КГБ для разговора, где его заставляют написать итальянскому издателю, что он отказывается издавать у них роман. Телеграмму он написал под диктовку, ее тотчас отправили, после чего автору, по всем разумным правилам, следовало забиться в самую глубокую норку и молить бога, чтобы наверху забыли о том, что его роман когда-либо существовал. А еще лучше – написать что-нибудь менее провокационное. Поначалу Борис Леонидович поступил именно так: просидел почти год, ожидая, что страсти как-нибудь сами улягутся. Но потом, буквально в августе 1957 года вдруг не выдержал и поведал итальянскому слависту Витторио Страде[109], как недавно под нажимом властных чиновников был вынужден отказаться от итальянского издания. После чего попросил передать Д. Фельтринелли просьбу не принимать в расчет «запретов» с его стороны на публикацию романа, если они еще поступят, «чтобы книга вышла во что бы то ни стало». «Он сказал мне с глазу на глаз», – писал В. Страда[110].

В результате, несмотря на запрет советских властей, в ноябре 1957 года роман издали в Милане на итальянском языке, после чего в 1958 году в Голландии тиражом 500 экземпляров было выпущено «пиратское» издание на русском языке. «Это было неслыханно! – пишет в своей книге Г. П. Вишневская. – Москва гудела, как улей, люди ни о чем другом не говорили, строили

догадки, какие меры предпримут власти против крамольного писателя».

Казалось бы, 500 экземпляров, да еще и черт знает где. Как и чем это может навредить СССР? Но тут за дело взялось ЦРУ, и книга переиздалась одновременно в Великобритании и США. Таким образом, на Всемирной выставке 1958 года ее раздают бесплатно всем советским туристам. Вместо аннотации было написано следующее: «Эта книга имеет огромную пропагандистскую ценность не только благодаря ее важному содержанию и свойству побуждать к размышлениям, но и благодаря обстоятельствам ее издания: у нас есть шанс заставить советских граждан призадуматься, что не в порядке с их правительством, если литературный шедевр человека, который слывет величайшим из ныне живущих русских писателей, не могут достать, чтобы прочесть на языке оригинала, его собственные соотечественники на его собственной родине».

В общем, произошло страшное, КГБ и ЦРУ схлестнулись между собой: последнее бывало не однажды, но на этот раз на линии огня оказался писатель Борис Пастернак, человек, неспособный, подобно мифическому богатырю, противостоять столь грозным силам.

В то время в Москве усиленно готовились к первому Международному конкурсу имени Чайковского, инцидент с первым изданием «Доктора Живаго» произошел за три месяца до начала конкурса.

Вот-вот приедут иностранные гости, не при них же расправляться с зарвавшимся писателем! Придется обождать. Тем более, что тут же обнаружилась серьезная огреха организаторов. Председателем оргкомитета конкурса уже давно числился Дмитрий Дмитриевич Шостакович, тот самый, которого совсем недавно критиковали как завзятого формалиста. С одной стороны, было бы неплохо на его место поставить другого, но да он уже заявлен как председатель, и смещение такой заметной фигуры буквально накануне конкурса, несомненно, вызовет ненужные расспросы. Можно, конечно, соврать, «мол, заболел», но ведь западная пресса тут же хай поднимет, еще решат, что композитора запытали до полусмерти.

Думали, гадали, как поступить, а потом нашли более чем разумный ход: вместо того, чтобы удалить Шостаковича, дали ему Ленинскую премию. Всегда бы так поступали!!!

Теперь получалось, что власти никакого зуба на композитора не имеют, он не только прощен, но и в явном, абсолютном фаворе. По окончании конкурса в газетах вышло партийное постановление «об исправлении ошибок в оценке творчества

ведущих советских композиторов». В общем, через 10 лет Шостакович был полностью реабилитирован, хорошо хоть не посмертно.

Про Пастернака вроде как тоже начали забывать, и тут как гром среди ясного неба: в октябре «Доктор Живаго» удостоен Нобелевской премии.

С этого момента началась настоящая рвакля. «Отклики трудящихся» в газетах начинались так: «Я Пастернака не читал…» и т. д. Тем не менее, все критиковали непрочитанный роман, но, главное, требовали публично распять писателя. По телевидению выступил секретарь ЦК ВЛКСМ (будущий председатель КГБ) Семичастный[111] и задал тон: «…паршивую овцу мы имеем в лице Пастернака… пусть убирается вон из нашей страны… Свинья не сделает того, что он сделал…» и далее все в таком же духе.

Слева направо: Иосиф Бродский, Михаил Барышников,

Мстислав Ростропович. Манхэттен, США. 1974 г. «Я благодарен Соединенным Штатам за то, что они дали мне почувствовать себя здесь просто гражданином, после того как я был изгнан коммунистическим правительством, и именно Брежневым, из своей страны. Я очень это переживал, потому что бесконечно люблю свою страну и очень предан ей, несмотря на то, что они доставили мне очень много переживаний в моей жизни, даже можно сказать, трагического порядка». (Мстислав Ростропович)

В своей книге «Отмытый роман» Иван Толстой[112] писал: «Потому что этот человек преодолел то, что все остальные писатели в Советском Союзе преодолеть не смогли. Например, Андрей Синявский[113] посылал свои рукописи на Запад под псевдонимом Абрам Терц. В СССР в 1958 году был лишь один человек, который, подняв забрало, сказал: «Я Борис Пастернак, я автор романа «Доктор Живаго». И я хочу, чтобы он вышел в том виде, в котором он был создан». И этому человеку присудили Нобелевскую премию. Я считаю, что эта высшая награда присуждена самому правильному человеку в то время на Земле».

Мало того, что против Пастернака ополчился Союз писателей; газеты и журналы, заводы и фабрики, колхозы и птицефабрики считали своим долгом разбирать ситуацию на своих собраниях. «Группу студентов Литературного института под угрозой исключения заставили идти по улицам Москвы к Дому литераторов, неся плакат: «Иуда, вон из СССР!». Наконец, состоялось общее собрание московских писателей, где все выступавшие называли Пастернака «продажным писакой», «врагом, предавшим свой народ», приветствовали исключение его из Союза писателей и требовали изгнания его из СССР… Коллеги дошли до того, что цитировали хулиганское выступление Семичастного как самое удачное в определении качеств писателя».

Неудивительно, что под таким нажимом Борис Пастернак отказался от Нобелевской премии, но это ничего не изменило. Ростроповичу и Вишневской тоже предложили выступить с критикой романа, но Галина Павловна заявила, что она книгу не читала и не может вынести собственного суждения. А если согласиться выступить с критикой, что называется, за компанию, то не исключено, что после, будучи на очередных гастролях за границей, когда ее спросят, что именно ей не понравилось в романе, она будет иметь бледный вид, так как понятия не имеет даже, о чем он. Не может же она, в самом деле, признаться, что ее заставили так сказать! Что же касается Ростроповича, то Мстислав Леопольдович вместо заседания просто уехал в

Иваново, где у него был назначен концерт.

В то время их еще не решались тронуть. Вишневская одновременно работала над несколькими операми и концертными программами. Керубино в «Свадьбе Фигаро», Катарина в опере В. Шебалина[114] «Укрощение строптивой», «Аида» и «Мадам Баттерфляй» («Чио-Чио-сан»). В общем, Галина Вишневская с ее непревзойденным голосом была нужна и востребована. Добавьте к этому, что публика уже заждалась ее после декретного отпуска. В общем, на выходку примадонны не обратили внимания, ну, или сделали вид, будто бы не обратили.

Для спектакля «Аида» Вишневская распорядилась пошить ей простое красное платье, которое выгодно смотрелось в сочетании с черной кожей эфиопки Аиды и стройной фигурой Галины. Обычно на спектаклях Аиду как прислужницу египетской принцессы Амнерис одевают так же, как принцессу, но только победнее. Идея простая – она носит то, что дарит ей ее хозяйка. Галина же решила, что костюм Аиды должен передавать ее потрясающую индивидуальность, быть простым и изысканным. Таким, чтобы с первого появления на сцене она бросалась бы в глаза.

Меж тем, в театры была введена новая мода – «декады». Например, декады искусства национальных республик. Во время «декады» отменялись все спектакли, а в театрах начинались концерты, состоящие из сольных выступлений певцов, хоров, танцевальных коллективов и музыкальных ансамблей. В течение десяти дней продолжалось это нашествие, во время которого раздавались ордена и медали, присваивались очередные и внеочередные звания.

Тогда «…министром культуры был Михайлов[115], до того много лет занимавший пост первого секретаря ЦК ВЛКСМ, а еще раньше, в буйной юности, – бандит и гроза московских окраин по кличке Каргузый», который однажды предложил ни много ни мало ввести в репертуар Большого театра оперы всех национальных республик Советского Союза. Логично: ставят же в том же Азербайджане оперы русских композиторов – Мусоргского, Чайковского, Глинки! Неизвестно, чем бы кончилась эта гениальная идея, если бы его не заменили Екатериной Фурцевой.

Новая министр Галине даже в чем-то нравилась, нормальная баба, правда, любит выпить, обожает золотые цацки, но да ведь это все можно понять. Например, согласно воспоминаниям самой Вишневской, госпожа министр не гнушалась и взятками: «Предпочитала брать валютой, что могу засвидетельствовать сама: в Париже, во время гастролей Большого театра в 1969 году,

положила ей в руку 400 долларов – весь мой гонорар за 40 дней гастролей, так как получала, как и все артисты театра, 10 долларов в день. Просто дала ей взятку, чтобы выпускала меня за границу по моим же контрактам (а то ведь бывало и так: контракт мой, а едет по нему другая певица). Я от волнения вся испариной покрылась, но она спокойно, привычно взяла и сказала: «Спасибо…»». «Были у нее свои артисты-»старатели», – продолжает Галина Павловна, – в те годы часто выезжавшие за рубеж и с ее смертью исчезнувшие с мировых подмостков. После окончания гастролей такой старатель – чаще женщина – обходил всех актеров «с шапкой», собирая по 100 долларов «на Катю», – а не дашь, в следующий раз не поедешь. Мне это рассказывали артисты оркестра народных инструментов на гастролях в Англии. Собирала у них дань подруга Фурцевой, певица нашего театра по прозвищу «Катькина мочалка» (та ходила с ней вместе в баню). Она часто ездила именно с этим коллективом. От хозяйки были у нее специальные инструкции, так что она знала, что покупать, набивала барахлом несколько чемоданов и волокла в Москву. Охочая была Катя и до водки, частенько среди бела дня появлялась пьяная на театральных репетициях и просмотрах, особенно в последние годы. И все же было в этой простой русской бабе большое обаяние».

Общаясь с работниками культуры, Фурцева обычно старалась «заговорить им зубы», придет такой-то музыкант просить отправить его за границу, а она ему давай совсем о другом рассказывать, тот невольно включится в разговор, да и забудет, зачем приходил. С Вишневской такое не проходило, она спокойно выжидала, пока Катя изложит свою точку зрения, а потом продолжала гнуть свое, та перебивает и снова уводит в свое русло, Галина выждет пару минут – и заново к своему вопросу. «Главное было – не упустить, не забыть собственной мысли и, как только Катя умолкнет, успеть эту мысль протолкнуть. Она мне про Фому – я ей про Ерему».

Фурцева нравилась далеко не всем, время от времени ее ловили, ее пытались прищучить, вынудить подать в отставку. Вот однажды «по ее распоряжению сняли ковры во Дворце съездов и ими застелили полы на даче ее дочери, а потом выяснилось, что и вся дача построена даром, т. е. за счет государства, – ведь ее же буквально поймали за руку, но она, как кошка, выброшенная из окна, моментально перевернулась и встала на ноги».

С другой стороны, благодаря Фурцевой страну наводнили самодеятельные театры, выступающая на самой прославленной сцене страны. Вишневская не одобряла непрофессиональные коллективы, но для многих эти театры стали единственной

отдушиной в жизни.

Глава 11
Песни и пляски смерти

Все страсти-мордасти – просто отсутствие актерской техники и внутреннего контроля. Темперамент – это умение себя сдерживать.

Галина Вишневская

Вишневская обожала Шостаковича, но чаще, чем с Дмитрием Дмитриевичем, ей приходилось общаться с Екатериной III – прозвище Фурцевой. Не по дружбе или взаимному влечению, по жесткой необходимости. А душа требовала чего-то другого, возвышенного и прекрасного. Она требовала новой роли, Галина очень хотела петь в «Хованщине» Мусорского[116]. Образ Марфы-раскольницы психологически словно на нее писан. Одно плохо – для Марфы нужен совсем другой голос.

Галина Вишневская в роли Марфы в постановке «Царская невеста»

В поисках новых образов и идей Вишневская пересматривала богатое наследие Мусорского и вдруг обнаружила «Песни и пляски смерти». «В расчете на какой голос писал Мусоргский свой цикл? Да ни на какой. Ему нужна была в первых трех песнях темная краска, таинственная атмосфера, и он поручил это басу. В четвертой же, в «Полководце», он слышал «фанфарную», острую подачу звука и написал ее для драматического тенора! И, не заботясь дальше ни о чем, объединил в цикл.

Я никогда не слышала этого цикла в чьем-либо исполнении – романсы и песни Мусоргского мало поются в России – и

восприняла его как новое, только что написанное специально для меня сочинение».

Мало иметь хороший голос и внешность, на сцене требуется жить, а не играть. Для того чтобы показать пляски смерти, певица должна была лично переживать столкновения со смертью, она должна была не просто играть смерть, склонившуюся над колыбелькой, она должна была показать, как это нестерпимо больно, когда умирает ребенок. Галина потеряла сына. Не просто потеряла, он умер, высасывая молоко вместе с гноем из ее разодранных сосков. А в «Серенаде» – белая ночь и умирающая девушка, которая так и не дождется своего принца, и тогда Смерть приходит к ней в образе прекрасного рыцаря. Но разве не об этом грезила умирающая Галина в холодном блокадном городе, мешая от слабости реальность со сном и бредом? А когда Смерть является пьяному мужику в образе развеселой бабы: разве когда после концертов на кораблях и в землянках, когда она возвращалась в барак «Голубой дивизии», разве не о том говорили все ее товарки?

Были в ее жизни и трупы на улицах, и засыпанные обломками домов живые и мертвые. Она сама умирала от чахотки, Смерть столько раз являлась к ней, нашептывая соблазнительные слова… «Я пришла к этому циклу уже во всеоружии сценического и вокального мастерства, имея за плечами 15 лет работы на сцене и большой жизненный опыт: мне было о чем рассказать публике».

Выступление Г. Вишневской и М. Ростроповича с этим произведением сохранилось в записи, и ее можно найти и посмотреть.

В то время, когда Галина репетировала «Песни и пляски смерти», Дмитрий Дмитриевич Шостакович закончил вокальный цикл «Сатиры» на стихи Саши Черного[117] для сопрано в сопровождении фортепьяно. Первый раз он решился показать свое новое творение Мстиславу и Галине, для чего и пригласил их к себе летом 1960 года. Исполнял, разумеется, один, пел, аккомпанируя себе на рояле. Сочинение он посвятил Галине Вишневской, ей и предстояло исполнить его на публике.

Интересно, знал ли Шостакович, что Вишневская начинала как опереточная и эстрадная певица? Если не знал, значит, так гениально угадал; во всяком случае, сам признавался, что писал в расчете на ее голос.

Оставалось пробиться с этим шедевром на сцену. Саша Черный озаглавил цикл «Потомки», а писал он его до революции, стало быть? делал далекий прицел. Опять же? добавьте сам жанр – куплеты, неважно, что они исполняются оперным голосом, все равно – эстрада, критика. А против кого критика – против нашей

же распрекрасной советской власти.

«Наши предки лезли в клети
И шептали там не раз:
«Туго, братцы, видно, дети
Будут жить вольготней нас».
Дети выросли, и эти
Лезли в клети в грозный час
И шептали: «Наши дети
Встретят солнце после нас».
Нынче, так же, как вовеки,
Утешение одно:
«Наши дети будут в Мекке,
Если нам не суждено».

Что это, если не пресловутое коммунистическое завтра? А дальше еще хлеще:

«Даже сроки предсказали —
Кто лет двести, кто пятьсот,
А пока лежи в печали
И мычи, как идиот».

Или вот это:

«А потомки? Пусть потомки,
Исполняя жребий свой
И кляня свои потемки,
Лупят в стенку головой».

Ничего бы не получилось, стихи Саши Черного хоть и напечатаны в советском издании и, следовательно, прошли цензуру, а все равно крамольные, но тут Вишневской пришла гениальная идея: назвать цикл «Картинки прошлого». Фурцева, скорее всего, в праведность такой компании как Шостакович, Ростропович и Вишневская, да еще и с Сашей Черным впридачу, не поверила, но и под каким предлогом отказать, не нашла. Премьера состоялась 22 февраля 1961, первое отделение «Песни и пляски смерти», второе – 5 романсов Прокофьева на стихи Анны Ахматовой и, наконец, «Картинки прошлого».

«Когда я запела «Потомки», я увидела, как замерли в

напряжении сидящие в зале люди. Это было уже после разоблачения сталинских и бериевских преступлений, и стихи били прямо в цель.

«Я, как филин, на обломках
Переломанных богов…»

Одни боги свергнуты, но другие уже заняли их места. Когда я закончила, в зале поднялся не крик, а рев – требовали повторения, и мы повторили. А после окончания всего цикла публика не хотела уходить, и мы целиком исполнили его еще раз».

В общем, полный успех, и неудивительно, что вскоре их пригласили еще раз исполнить весь цикл на Центральном телевидении.

Заранее понимая, что «Потомков» все равно не запишут, или запишут, но потом сообщат, что пленка по каким-то мистическим причинам загублена, Вишневская и Ростропович все же отправились делать запись. И что же – в последний момент дирекция обнаружила, что цикл длинный, и милостиво приняла решение убрать «Потомков», но оставить все остальное. Кто бы сомневался.

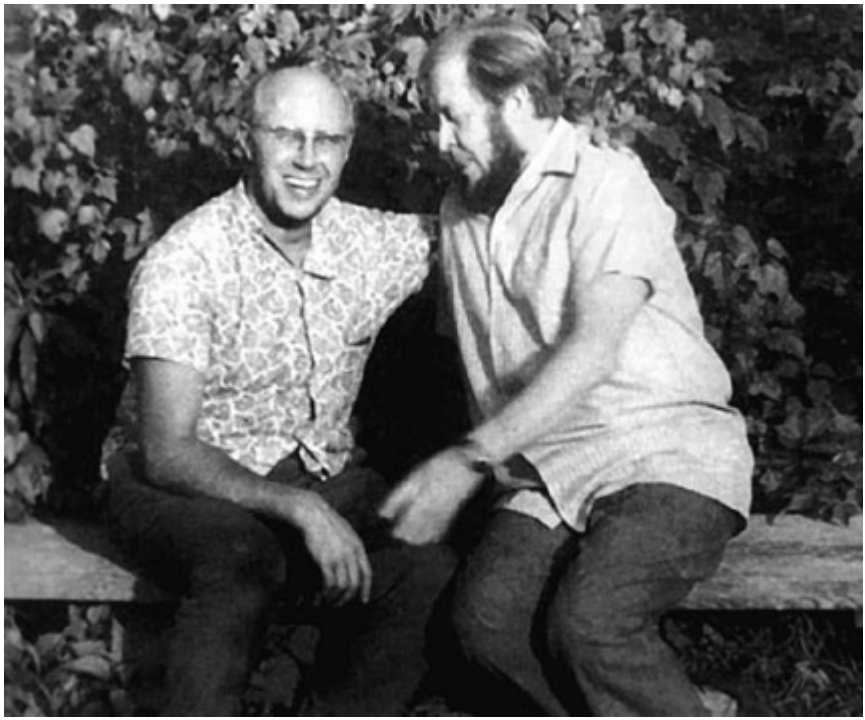
В результате передача не состоялась, а ноты Шостаковича были изданы в СССР уже после того, как их напечатали на западе.

Все в жизни связано, все переплетено, одни события подпитывают другие, те – третьи, дальше, дальше, с этого момента в наше повествование войдет еще один важный для Галины Вишневской персонаж. Человек, из-за дружбы с которым, собственно, у них с мужем через несколько лет начнутся серьезные неприятности. Я говорю об Александре Солженицыне[118]. В далеком 1961 году Вишневская еще ничего не слышала об этом писателе, тем не менее, для нашей истории он интересен именно начиная с этого года, когда Солженицын закончил «Один день Ивана Денисовича» (первоначальное авторское название – «Щ-854»). В повести рассказано об одном дне из жизни советского заключенного, русского крестьянина и солдата Ивана Денисовича Шухова. Повесть была передана в редакцию журнала «Новый мир» Твардовскому, который, понимая, что произведение, скорее всего, не допустят к изданию, написал к нему хвалебное предисловие и отправил на имя Первого секретаря ЦК КПСС, Председателя Совета Министров СССР Н. С. Хрущева с тем, чтобы вопрос решался на самом высоком уровне. Автор «Василия Теркина» мог себе это

позволить. Хрущев читал повесть не сам, этим занимался его секретарь Лебедев. Читал вслух, пока Хрущев отдыхал от праведных дел. Известно, что Никита Сергеевич был буквально потрясен услышанным, дал согласие на публикацию и даже попросил 23 экземпляра «Ивана Денисовича» для последующей раздачи ведущим деятелям КПСС.

В 1982 году в радиоинтервью к 20-летию выхода «Одного дня Ивана Денисовича» для Би-би-си Солженицын сказал: «Совершенно ясно: если бы не было Твардовского как главного редактора журнала – нет, повесть эта не была бы напечатана. Но я добавлю. И если бы не было Хрущева в тот момент – тоже не была бы напечатана. Больше: если бы Хрущев именно в этот момент не атаковал Сталина еще один раз – тоже бы не была напечатана. Напечатание моей повести в Советском Союзе, в 62-м году, подобно явлению против физических законов <…> теперь, по реакции западных социалистов, видно: если б ее напечатали на Западе, да эти самые социалисты говорили бы: все ложь, ничего этого не было, и никаких лагерей не было, и никаких уничтожений не было, ничего не было. Только потому у всех отнялись языки, что это напечатано с разрешения ЦК в Москве, вот это потрясло».

18 ноября 1962 вышел журнала «Новый мир» № 11 с «Одним днем», первоначальный тираж составил 96 900 экземпляров, но по разрешению ЦК КПСС было допечатано еще 25 000. Уже к вечеру 19 ноября около 2000 экземпляров журнала были завезены в Кремль для участников очередного пленума ЦК КПСС. После этого его переиздали «Роман-газетой» в январе 1963 года тиражом 700 тысяч экземпляров и – летом 1963 года – отдельной книгой в издательстве «Советский писатель» (тираж 100 тысяч экземпляров). Неудивительно, что Солженицын тут же стал знаменитым и был принят в Союз писателей СССР.



«Когда в моей жизни что-то не ладится, я прежде всего вспоминаю свое письмо в “Правду”, которое я в свое время написал в защиту Солженицына. Если меня попросят назвать главное деяние моей жизни, оно не будет связано с музыкой. Оно – в одной страничке этого письма. С тех пор моя совесть чиста и ясна». (Мстислав Ростропович)

Прочитав повесть, Анна Ахматова сказала Лидии Корнеевне Чуковской[119]: «Эту повесть о-бя-зан про-чи-тать и выучить наизусть – каждый гражданин изо всех двухсот миллионов граждан Советского Союза». А Роман Гуль[120] в своей статье в эмигрантском Новом журнале (1963) написал, что повесть «зачеркивает весь соцреализм, т. е. всю советскую литературу <…> не имеет с ней ничего общего. И в этом ее большое литературное (и не только литературное) значение. <…> предвестник, указание пути для всей русской литературы». В. Т. Шаламов[121] в личном письме Солженицыну писал: «Повесть – как стихи, – в ней все совершенно, все целесообразно. Каждая строка, каждая сцена, каждая характеристика настолько лаконична, умна, тонка и глубока, что я думаю, что «Новый мир» с самого начала своего существования ничего столь цельного, столь сильного не печатал».

В одном из своих интервью для телевидения Г. Вишневская

подчеркивает, что когда Ростропович пригласил к себе на дачу Солженицына, он пригласил не диссидента, не неизвестно откуда взявшегося борца за правду, и уж никак не беглого каторжника, он пригласил известнейшего писателя, которого он лично читал и глубоко уважал. То есть своим действием на тот момент он не совершил ничего противозаконного. Другого мнения придерживается их старшая дочь Ольга: «Конечно же, о Солженицыне за столом не упоминали – о нем тогда говорили шепотом в ванне при бежавшей из-под крана воде. Нам с сестрой родители все это в очень раннем возрасте объяснили, ничего не скрывая – родители сказали, что у нас на даче в пристройке будет жить такой писатель, Александр Исаевич, за одну книжку которого, если ее найдут, можно попасть в тюрьму на всю жизнь. И если мы кому-то что-то скажем об этом, всем нам будет очень плохо. Поэтому если кто-то будет звонить и звать к телефону Александра Исаевича, мы должны были говорить: «Вы не туда попали». А вот если бы позвонили и сказали, что это слесарь Михаил Антонович, которому нужно заменить трубу, тогда, наоборот, нужно было срочно бежать и звать к телефону дядю Саню, как мы с сестрой звали Солженицына, – пароль такой был. Конечно, было страшно».

Выход повести «Один день Ивана Денисовича» и создание Шостаковичем 13 симфонии, в основу композитор положит стихи Е. Евтушенко[122] «Бабий Яр», будет происходить буквально одновременно. И в этом еще одна связь Солженицына с нашей историей. Потому как во время репетиций все работающие над симфонией музыканты либо читали эту повесть, либо слушали многочисленные пересказы оной.

Впрочем, вернемся к нашему рассказу, Шостакович, живейшее участие в жизни которого принимали Вишневская и Ростропович, женился в третий раз, уже после того, как сын подарил ему внука Дмитрия. Двадцативосьмилетняя супруга Супинская Ирина Антоновна[123] была моложе дочери композитора. В силу этого пикантного обстоятельства Шостакович не спешил представить ее семье. Впрочем, она была отнюдь не беспомощной девицей из тех, что сначала сидят на шее у родителей, а потом перебираются на шею мужа. Ира работала в издательстве «Советский композитор» редактором. «Эта маленькая женщина с тихим голосом оказалась очень энергичной хозяйкой дома и быстро организовала жизнь огромной семьи. Именно при ней Дмитрий Дмитриевич, наконец, обрел домашний уют и покой. Как раз в то время он переехал с Кутузовского проспекта в дом рядом с нашим, и его молодая жена занималась ремонтом новой квартиры, перестройкой дома в Жуковке, чтобы

отделить Дмитрия Дмитриевича от шумной суеты молодежи и их разраставшихся семейств. Создав ему идеальную атмосферу для работы, она оградила его от всех хозяйственных забот, все годы безупречно, преданно относилась к нему и продлила его жизнь на несколько лет».

Вскоре после женитьбы Шостакович пригласил Вишневскую и Ростроповича к себе домой; повод – только что написанная Тринадцатая симфония. Присутствовали композиторы А. Хачатурян[124], М. Вайнберг[125], дирижер К. Кондрашин, поэт Е. Евтушенко. Год назад он опубликовал поэму «Бабий Яр», и вот уже его стихи вошли в симфонию. «Многие слышали о Бабьем Яре, – писал в своих мемуарах Д. Д. Шостакович, – но понадобились стихи Евтушенко, чтобы люди о нем узнали по-настоящему. Были попытки стереть память о Бабьем Яре, сначала со стороны немцев, а затем – украинского руководства. Но после стихов Евтушенко стало ясно, что он никогда не будет забыт. Такова сила искусства».

Тут же возник вопрос, кто будет петь? Нужен бас. Вишневская рекомендовала Александра Ведерникова[126], тот, разумеется, согласился. Шутка ли, сам Шостакович! Совершенно новая симфония! Можно сказать определенно, с такой премьерой раз и навсегда впишешься в музыкальную историю.

Галина дала Ведерникову телефон Дмитрия Дмитриевича, и на другой день Шостакович проиграл специально для своего нового солиста всю симфонию и передал ноты. Но тут же в газетах, точно грибы после дождя, стали появляться критические статьи на «Бабий Яр» Евтушенко.

Конечно, критиковать не запрещается, но когда десятки критических статей появляются, что называется, в один день, выглядит это, мягко говоря, подозрительно. «Бабий Яр» – произведение, в котором говориться о погибших в конструкционных лагерях евреях. Евтушенко обвиняли в том, что своим произведением он преуменьшает роль русского народа в борьбе с фашизмом.

Первым не выдержал и сдался Ведерников, наотрез отказался выступать, должно быть, ему уже промыли мозги.

Галине было горько, обидно, а главное стыдно за своего коллегу перед Шостаковичем. Но тот как будто бы ждал чего-то подобного. Оказывается, Евтушенко и раньше жаловался, что его просят переделать текст, в противном случае, запретят исполнение. Так что в результате Евтушенко бегал по начальственным кабинетам, вымаливая разрешение исполнить симфонию с изначальным текстом, а Вишневская спешно искала замену исполнителю. В результате им стал Виктор Нечипайло,

тот самый, с которым она в один год прошла по конкурсу в Большой театр.

Благодаря выходу повести Солженицына у Евтушенко была некоторая надежда на то, что ему удастся выхлопотать разрешение, так как по сравнению с описанием лагерного быта его «Бабий Яр» казался вообще неконфликтным произведением. Все-таки события, описанные в нем, происходили во время войны, а не в наше относительно спокойное время в фашистском, а не в советском концлагере.

Должно быть, начиналась очередная волна антисемитизма, во всяком случае, вскоре после того, как Шостакович начал работу над 13 симфонией, композитор Борис Чайковский[127] написал вокальный цикл на стихи Иосифа Бродского[128], Вишневская с радостью включила произведение в свой концерт, но его тоже запретили. Так как в стихах не было вообще никакой политики, все решили, что повлияла национальность поэта. Впрочем, последнее не доказано.

Известно другое: уже скоро, буквально 29 ноября 1963 года в газете «Вечерний Ленинград» появится статья «Окололитературный трутень», подписанная Я. Лернером, М. Медведевым и А. Иониным. Основная тема статьи – поэт Бродский, тунеядец, ведущий «паразитический образ жизни». Там же приводились цитаты, которые, как выяснилось позже, были взяты две из стихов Бобышева[129], а третья – из поэмы Бродского «Шествие», она представляла собой окончания шести строк, от которых отрезаны первые половинки. Стихотворение «Люби проездом родину друзей…» было исковеркано авторами фельетона следующим образом: первая строчка «Люби проездом родину друзей» и последняя «Жалей проездом родину чужую» были объединены в одну – «люблю я родину чужую».

Как водится, статья широко обсуждалась не только в союзе писателей, но и везде, где это только возможно, по уже проверенному принципу «не читал, но осуждаю», а 8 января 1964 года «Вечерний Ленинград» опубликовал подборку писем читателей с требованиями наказать «тунеядца Бродского». Тунеядство в СССР – противозаконное действие, другое дело, можно ли назвать тунеядцем писателя, который пишет у себя дома, а не ходит за вдохновением на завод или фабрику? Тем не менее,13 января 1964 года Бродского арестовали именно по обвинению в тунеядстве.

«Судья: Ваш трудовой стаж?
Бродский: Примерно…
Судья: Нас не интересует «примерно»!

Бродский: Пять лет.

Судья: Где вы работали?

Бродский: На заводе. В геологических партиях…

Судья: Сколько вы работали на заводе?

Бродский: Год.

Судья: Кем?

Бродский: Фрезеровщиком.

Судья: А вообще какая ваша специальность?

Бродский: Поэт, поэт-переводчик.

Судья: А кто это признал, что вы поэт? Кто причислил вас к поэтам?

Бродский: Никто (без вызова). А кто причислил меня к роду человеческому?

Судья: А вы учились этому?

Бродский: Чему?

Судья: Чтобы быть поэтом? Не пытались кончить вуз, где готовят… где учат…

Бродский: Я не думал… я не думал, что это дается образованием.

Судья: А чем же?

Бродский: Я думаю, это… (растерянно) от Бога…

Судья: У вас есть ходатайства к суду?

Бродский: Я хотел бы знать: за что меня арестовали?

Судья: Это вопрос, а не ходатайство.

Бродский: Тогда у меня нет ходатайства».

Это не отрывок из абсурдистской пьесы, а реальный протокол допроса, законспектированный Фридой Вигдоровой[130], позже он получит широкое распространение в самиздате.

Таким образом, 13 марта 1964 года на втором заседании суда Бродский был приговорен к максимально возможному по Указу о «тунеядстве» наказанию – пяти годам принудительного труда в отдаленной местности (Коношский район Архангельской области, в деревню Норинская), куда он был этапирован под конвоем вместе с уголовными заключенными.

Слева направо: Александр Галич, Галина Вишневская, Михаил Барышников, Мстислав Ростропович, Иосиф Бродский. 1974 г. «Мне ведь отрезали путь домой, и я остался на Западе с тем, что мне дороже всего, что я беспрепятственно вывез через таможню, – это мои знания и любовь к музыке, и к русской музыке, в частности. Я считаю себя на Западе посланником русской музыки, истинным русским послом». (Мстислав Ростропович)

На самом деле всего этого можно было избежать: при Ленинградской организации писателей СССР существовала так называемая Профессиональна группа писателей, созданная для тех, кого еще в союз не приняли, либо для тех, чья ситуация безнадежна. Профгруппа помогала писателям, живущим литературным трудом, доказывать родному правительству, что они не тунеядцы. Принцип работы простой: существует некий прожиточный минимум, назовем его Х, в году 12 месяцев. Умножаешь Х на 12, получаешь сумму, необходимую на год (прожиточный минимум). Раз в год писатель пишет подробный отчет, в котором указывает свои заработки. Смысл – доказать, что ты наработал на свой прожиточный минимум. Публикации в то время были редкостью, но зато тиражи огромными, таким образом, можно было, напечатав одну большую вещь, жить на нее и год и больше или, издав в разных журналах и газетах стихи и статьи, собрать в итоге требуемую сумму. Бродскому такое предложение было сделано, но он принял его только в 1965 году.

Но вернемся к ноябрю 1962 года. Приближался день премьеры 13 симфонии, шли последние оркестровые репетиции, как вдруг ни с того ни с сего Нечипайло сообщили, что именно в этот день его очередь петь в опере «Дон Карлос»! Как мы уже говорили, в Большом театре каждый спектакль делался в несколько составов исполнителей, чтобы если один певец заболеет, его можно было бы подменить. В этот день была очередь другого певца. Ошибки быть не могло, да ее и не было, просто артисту, который должен был петь в этот день, приказали «заболеть». Казалось бы – сделать ничего нельзя, Нечипайло не мог так же сослаться на болезнь или отсутствие голоса и в тот же день петь 13-ю. Спас случай: оказывается, ту же роль для концертов репетировал Виталий Громадский. Но так как он не участвовал в оркестровых репетициях, его не учли. Теперь же он оказался на генеральной репетиции, увидел, что нет исполнителя, и с радостью предложил свои услуги.

Таким образом, 13-я симфония была спасена, хотя участники проекта до последнего ожидали, что вот-вот придет приказ, запрещающий премьеру. Тем не менее, сразу же после премьеры, а она имела огромный успех, Евтушенко опубликовал второй вариант «Бабьего Яра». Укатали Сивку крутые горки. Неудивительно, что в свои ближайшие гастроли в Америку Ростропович контрабандно вывез из СССР партитуру 13-й и передал ее в Филадельфийский оркестр дирижеру Юджину Орманди.

В памятном судом над Бродским 1964 году у нашей героини состоялась еще одна судьбоносная встреча: на закрытом банкете в Восточном Берлине Галина с Мстиславом познакомились с Леонидом Ильичом Брежневым. В то время о нем еще почти никто не знал. Сидя рядом с Галиной, весь вечер Леонид Ильич галантно ухаживал за ней. Сам Брежнев производил довольно-таки приятное впечатление, в то время ему было 57 лет, он выглядел статным, с прекрасной шевелюрой мужчиной, кроме того, он знал много стихов, которые с удовольствием читал наизусть. Любимым же поэтом будущего Генерального секретаря СССР был Есенин.

«Я теперь скупее стал в желаньях,
Жизнь моя? Иль ты приснилась мне?
Словно я весенней гулкой ранью
Проскакал на розовом коне…»

В марте 1978 года этот самый любитель Есенина лишит Галину Вишневскую и Мстислава Ростроповича советского

гражданства. Впрочем, все это произойдет через далеких 14 лет, а пока, в октябре 1965 года, вернувшийся из ссылки поэт Иосиф Бродский был принят в Профгруппу переводчиков при Ленинградском отделении Союза писателей СССР, рекомендации дали Корней Чуковский[131] и Борис Вахтин[132]. В ссылке поэт пробыл два года вместо пяти. Казалось бы, жизнь вот-вот наладится;в конце 1965 Бродский отправляет в издательство «Советский писатель» рукопись своей книги «Зимняя почта (стихи 1962–1965)». Рукопись пролежала в издательстве год, после чего возвратилась к автору. И это при том, что редакторский совет был за публикацию. То есть имел место запрет печатать Бродского, пришедший откуда-то свыше.

В то время Вишневская уже не пела свою любимую «Аиду», после смерти любимого дирижера Мелик-Пашаева в 1951 она сыграла всего несколько спектаклей и вдруг поняла, что больше не хочет петь эту партию, более того, не только не хочет, а не может «…перешагнуть через это нежелание. Как будто он взял с собой в могилу все чувства, что владели мной, все мое вдохновение. Это был его спектакль, и, когда он умер, вместе с ним умерла и моя Аида».

В марте 1966 года умерла королева серебряного века Анна Ахматова. Несмотря на то, что они были мало знакомы, в жизни Галины Вишневской поэт Ахматова играла довольно-таки заметную роль. В 1961 году, послушав, как Вишневская поет «Бразильскую Баховиану», Ахматова посвятила ей стихотворение:

«Женский голос как ветер несется,
Черным кажется, влажным, ночным,
И чего на лету ни коснется —
Все становится сразу иным.
Заливает алмазным сияньем,
Где-то что-то на миг серебрит
И загадочным одеяньем
Небывалых шелков шелестит.
И такая могучая сила
Зачарованный голос влечет,
Будто там впереди не могила,
А таинственный лестницы взлет».

В период 1966–1967 в печати появились всего 4 стихотворения Бродского. А потом целый год ничего. Неискушенная публика, должно быть, решила, что поэт запил или исписался, а его просто не публиковали. Нет публикаций, значит, нечем будет отчитаться перед Союзом писателей. Значит, снова

последует обвинение в тунеядстве, снова суд, ссылка, но теперь уже без снисхождения.

В 1968 году из Лондона пришло официальное приглашение поэту Бродскому принять участие в международном поэтическом фестивале Poetry International. «Такого поэта в СССР не существует», – заявило в 1968 году советское посольство в Лондоне.

Тем не менее, о судебном процессе над поэтом уже все знают, иностранные журналисты приезжают в Россию и берут у него интервью, его приглашают в западные университеты. У него есть шанс зарабатывать за рубежом. Но власти упорно отказываются дать разрешение на выезд.

Чтобы закончить тему Бродского, скажу, что 10 мая 1972 года его просто «вызвали в ОВИР и поставили перед выбором: немедленная эмиграция или «горячие денечки», каковая метафора в устах КГБ означала допросы, тюрьмы и психбольницы»[133]. Бродский два раза лежал на обследовании в психиатрических больницах, и ему это не понравилось. Поэт выбирает эмиграцию. Таким образом, 4 июня 1972 года поэт Бродский был лишен советского гражданства.

…мир останется прежним,
да, останется прежним,
ослепительно снежным,
и сомнительно нежным,
мир останется лживым,
мир останется вечным,
может быть, постижимым,
но все-таки бесконечным.
И, значит, не будет толка
от веры в себя да в Бога.
…И, значит, остались только
иллюзия и дорога.

(Иосиф Бродский «Пилигримы». 1958 г.)

Глава 12
Америка

Музыка – истинная всеобщая человеческая речь.

Карл Юлиус Вебер

23 декабря 1959 Ростропович вернулся из Америки, где пробыл два месяца, и через неделю туда же отправилась Галина Вишневская с симфоническим оркестром. На тот момент времени она была первой оперной певицей, приехавшей на гастроли в Штаты. В Америке Вишневская получала 100 долларов за выступление – высшая ставка. Кроме того муж подарил ей целую тысячу на расходы. В общем, наша героиня чувствовала себя королевой. Вообще, если говорить о деньгах, Ростропович так же получал 100 долларов за концерт. При этом импресарио платил советскому правительству 5000 долларов за 1 выступление. Обычные гастроли – 25–30 концертов за 50 дней. Вот и считайте, сколько заработал СССР, а сколько из этой суммы получили артисты. При этом, стараясь недоедать за границей, артисты скапливали себе капиталы. Потому что для советского человека это все равно огромные деньги. За заграничные поездки буквально дрались.

Первое впечатление от американской публики – шок. Когда в Карнеги-холле наша героиня пропела письмо Татьяны к Онегину, зал орал, топал ногами, оглушительно свистел. В то время в России свист – полный провал. В Америке – высшая похвала. Хорошо, что Слава успел предупредить ее об этом.

Первые впечатления от визита Вишневской в США на следующий же день появились во всех газетах: «…в элегантном черном бархатном платье… с большим декольте!.. с бриллиантом на правой руке! (интересно – подарок мужа или государственная собственность?)… без грима!.. без губной помады!!! самый лучший экспорт, который может дать Россия…».

Вишневскую называют лучшей певицей современности. А Таубмен из «Нью-Йорк таймс» придумал афоризм: «Вишневская – нокаут в глаза и в уши».

После такого успеха Вишневской предложили сольный концерт в Карнеги-холл, билеты были раскуплены моментально. И тут же она получила приглашение «Метрополитен» в следующем сезоне петь в любой опере, какую только сама

выберет. Вишневская неожиданно для себя выбрала «Аиду», которую уже не исполняла в СССР. Далее последовали несколько концертов с тем же оркестром и сольный концерт в Бостоне, аккомпанировал Александр Дедюхин[134] – пианист Ростроповича, оставшийся после его гастролей, дабы работать с Вишневской.

Вишневская с волнением ждала гастролей 61 года, петь «Аиду» с незнакомым коллективом, в совершенно новых, непривычных для нее условиях страшно и одновременно интересно.

К сожалению, работа началась с конфликта с Джоном Викерсом[135] – Радамесом. Система работы в русских, а позже советских театрах предполагала многочасовые репетиции, в то время как в Америке певцы давно уже учили свои партии с пластинок, т. е. с чужого голоса. Вишневская любила репетиции и могла хоть целый день проводить на сцене, лишь бы уладить все технические вопросы, чтобы в итоге не забивать себе голову думами, из какой кулисы выйти, где стать, а полностью отдаваться пению, а Викерс спешил завершить репетицию, в это время его жена в Канаде рожала, а он из-за работы не мог быть рядом с любимой!

Вишневская была взбешена таким отношением. В Советском союзе, как бы много плохого о нем ни говорили, все было не так. Если иностранец заходит в магазин, продавец обязан обслужить его первым, он гость. В театре к гастролерам особое внимание, все для них, а тут…

«При всей работоспособности и актерской одаренности, она не могла сыграть женскую нежность, ласку, чистоту, доброту, восторг, наивность: всегда и во всем лезли наружу ее основные человеческие качества: злоба и надменность. – Говорит в своем интервью для испанской газеты «Ельмундо» Евгений Нестеренко[136]. – Поэтому для меня она никогда не была ни Татьяной, ни Марфой в «Царской невесте», ни Франческой. Она роскошно одевалась, лицо и руки всегда были ухожены, можно сказать, что она была красивой женщиной – некоторые виды змей тоже красивы. Но ее художественная индивидуальность подходила только для таких ролей, как Катарина в «Укрощении строптивой», Катерина в «Леди Макбет Мценского уезда», Полина в «Игроке» Прокофьева, да еще для леди Макбет в опере Верди «Макбет» – если бы голоса и техники хватило».

Мягко говоря, нелестный портрет. Впрочем, в каждой шутке, как говорится, есть доля шутки. И художник, когда пишет портрет, обычно использует не только светлые краски. Но продолжим. Не успела русская прима опомниться, как получила новый удар – принесли костюмы, в которых ей предстояло петь

«Аиду»: «Мне они не понравились: тяжелые и невыразительные, неинтересные по цвету, стилем они напоминали вечерние платья в витринах на Пятой авеню». В общем, решила выступать в собственном, специально привезенном костюме: «Это мой образ, моя роль».

Конечно, понять Вишневскую можно, она привыкла, что в Большом театре весь костюмный цех к ее услугам, ее платья шились преимущественно из атласа, из которого делались балетные туфли, очень выразительный блестящий материал. И теперь она не желала уступать достигнутого. Но и театр перед ней ни в чем не провинился. Есть такое понятие как ансамбль, это значит, что весь спектакль, все его оформление должно быть выдержано в определенном стиле, а следовательно, невозможно допустить, что весь коллектив будет одет в египетские наряды из крашенного шелка и льна, а одна певица выступит в чем-то совсем ином. А если ко всему прочему в спектакле задействованы артисты из разных стран, и соответственно, разных театров, они что, должны везти каждый свои костюмы? Представляете, какая неразбериха получится!

В результате сошлись на компромиссе: Вишневской пошили точно такое же платье, как то, к чему она привыкла, но фисташкового цвета, как раз под цвет глаз.

Третий удар подстерегал ее буквально перед выходом на сцену. Аида – темнокожая рабыня, следовательно, актрису следовало загримировать с ног до головы. И вдруг ей прислали гримера-мужчину. Так и хочется вспомнить фильм «Бриллиантовая рука» – «Руссо туристо – облико морале», который в то время, разумеется, был еще не снят. Для советской актрисы, да еще в ту пору, подобное неприемлемо. Самое время громко кричать знакомое слово «провокация» и бежать в чем есть из театра. Но куда убежишь, уже увертюра?

В общем, можно понять, в каком состоянии Вишневская выскочила на сцену, а ведь в этот раз «Аиду» предстояло петь не на родном русском, а на итальянском. Вообще, мировая практика относится к спектаклем с многонациональным составом исполнителей следующим образом: чтобы не бросать орел-решка, выбирая язык, на котором будет исполнена опера, все иностранные оперы поются на языке оригинала, и не важно, происходит дело в Нью-Йорке или Париже, где бы то ни было – оперу Верди будут петь на итальянском и точка.

На сцене Вишневская тут же забыла былые неприятности с костюмерами и гримером, сосредоточившись на своей ненависти к Викерсу, вообще на него не смотрела. А ведь по сцене они должны полюбить друг друга. Прямо скажем, жест не слишком

профессиональный, могла бы взять себя в руки, если бы захотела. С другой стороны, он бы тоже мог подойти и извиниться. Примадонны всегда в дурном расположении духа, а если женщина неправа, перед ней нужно извиниться. Хорошо хоть Викерс оказался не промах: поняв, что дальше так продолжаться не может, «он в первом же антракте, тут же на сцене, подошел ко мне, подхватил на руки и несколько раз подбросил вверх. На этом был заключен мир и уже на всю жизнь. Потом я пела с Викерсом «Аиду» в Лондоне. Я очень люблю и уважаю этого замечательного артиста».

Тем не менее, Вишневскую за рубежом ждали и другие неприятные сюрпризы: оказалось, что любого актера могут поменять буквально в последний момент, без единой репетиции. Так вдруг заменили исполнительницу Амнерис. Была египетская царевна, и нет. То есть некая Амнерис на сцене присутствует, но это уже совсем другой человек.

Постепенно ставка Вишневской возросла до 240 долларов, если ездила одна, и по-прежнему 10 долларов, если вместе с театром.

«Советское правительство поставило перед собой цель нас полностью уничтожить. А за что? За то, что мы разрешили Солженицыну жить у нас на даче». (Мстислав Ростропович)

Начиная с 1969 года Ростропович был приглашен в Большой театр и сразу же начал дирижировать операми «Евгений Онегин» и «Война и мир». Вместе с супругой он был на гастролях во Франции, Австрии, Японии. Его ставка при этом так же составляла смешную десятку, правда, в свободное время он имел

возможность подрабатывать частными концертами, что и делал с заметным удовольствием.

Удачно, что в Италию Большой театр приезжал по обмену с Ла Скала, это означало, что можно не экономить, актеров будут кормить бесплатно!

Вишневская приняла решение мужа работать в Большом в штыки. Плакала и скандалила. Шутка ли. За долгие годы она привыкла к тому, что театр – это ее собственный мир. У нее есть дом – Слава и дочки, есть театр. Дома она одна, в театре другая. В театре есть поклонники, цветы, особые театральные разговоры из репертуара примы театра, никто, будь он в трезвом уме, не стремится соединять эти два мира. Но Ростропович был неумолим, он хотел быть всегда и во всем вместе со своей избранницей и в конце концов победил. Последствия таких действий мужа ощущались с первых его шагов в Большом театре, так, у них дома начали появляться, а потом уже ходили развеселыми толпами музыканты оркестра, певцы, их дамы и их многочисленные друзья, все шли в некогда отчаянно охраняемый Галиной дом-крепость, дабы пить там водку, поднимать тосты и обсуждать – страшно вообразить! – проблемы, связанные с ее семьей. Впрочем, это следует из воспоминаний самой Галины Вишневской. Ее же дочь Ольга запомнила ситуацию по-другому: «…после напряженного спектакля в Большом театре, уже за полночь, всегда был накрыт стол, открывалось шампанское, мама никогда не возвращалась из театра одна – всегда с коллегами, поклонниками. Машин ни у кого не было, она шла из театра пешком, а следом за ней целая процессия. До глубокой ночи сидели и обсуждали, как кто пел, вовремя тот или иной певец вступил, как что-то упало за кулисами, и конечно же, доставалось дирижеру, который по большей части объявлялся бездарным *(Смеется).* У оперных певцов всегда так», – получается, что гостей водили и Галина Павловна, и Мстислав Леопольдович в равной степени.

В общем, с одной стороны Вишневская была вне себя от такого надругательства над ее привычной жизнью, но с другой стороны, работать с таким мастером как Мстислав Ростропович стоило всех этих неудобств.

Однажды, будучи уже давно женатым, Ростропович обратился в Министерство Культуры с просьбой позволить жене то время, что она не занята в спектаклях и не находится на собственных гастролях, сопровождать в его в заграничных поездках, на что ему был дан отказ. Тогда друзья предложили Мстиславу Леопольдовичу написать, что присутствие супруги необходимо ему в связи с плохим состоянием здоровья. Выслушав совет,

Ростропович написал: «В связи с прекрасным состоянием здоровья, прошу дать разрешение моей жене Г. Вишневской сопровождать меня во время моих гастрольных поездок».

В 1969 году Вишневская планировала большие гастроли в США. Сначала туда выехал Ростропович, он должен был гастролировать по разным городам в течение двух месяцев, после чего к нему присоединялась и Галина, дабы исполнить в Карнеги-Холл блоковский цикл Шостаковича, который композитор посвятил ей.

За неделю до отъезда – вот любят наши чинуши попортить нервы! – секретарь парторганизации театра выступил перед Галиной Павловной со своеобразным ультиматумом: либо прима театра посещает политзанятия, либо она не поедет за границу. На что Вишневская ответила, что никогда не посещала их и впредь посещать не собирается. Все знают, что у нее вообще нет свободного времени.

Учитывая, какие деньги зарабатывает для страны одна только Вишневская, ее вполне могли оставить в покое. Но тут должно быть произошло что-то такое, о чем мы пока еще не знаем. В результате Большой театр не подписал ее характеристику, и гастроли были автоматически отменены. Галина тут же позвонила мужу и предупредила, что не сможет приехать.

Понимая, что решение не пустить за границу приму Большого театра, да еще когда концерты объявлены и билеты раскуплены, может только Фурцева, Галина даже не подумала идти к ней на поклон. Понимая, что ничего в такой ситуации не поделаешь, Ростропович предпочел разорвать контракт и вернуться домой. Не очень-то удобно объяснять прессе, что приключилось с Вишневской. И главное, зачем певице политика? О чем и известил руководство.

Далее все пошло как по писаному: Ростропович заявил в посольстве, что если не выпустят Вишневскую, он тоже уедет в Москву, предварительно уведомив «Нью-Йорк таймс» относительно причины отмены гастролей. Назревал самый настоящий скандал, Фурцева получила нагоняй и тут же вызвала к себе Вишневскую.

Затем представление напоминало шекспировские страсти: Фурцева била себя в грудь, уверяя, что ничего подобного не приказывала и даже понятия не имела, какие дела творятся в Большом, и какие враги там окопались. Первым делом она напустилась на присутствующих на встрече представителей парторганизации театра:

«– Кат-т-т-ерина Алексеевна, дело в том, что Галина

Павловна не п-п-посещает п-п-политзанятий…

– Ка-а-ки-е такие политзанятия?! Как вы смеете! – и хвать кулаком по столу. – Это вам не 37-й год!!! Привыкли действовать теми методами, так пора их забыть! Чему нас учит партия?!

От такого ее мозгового завихрения мы все вылупили на нее глаза, а она зашлась, орала на них, недавних партнеров по игре, как на мальчишек, и они, красные от стыда, что все это происходит в моем присутствии, молча слушали ее бабий разнос.

А дальше мы уже вдвоем кричали, как на базаре.

– Галина Павловна, клянусь честью, я разберусь во всем, а сейчас я прошу вас успокоиться и ехать на гастроли!

– Какие еще гастроли?! Вы мне сначала все нервы издергали, а теперь гастроли! Никуда я не поеду!

– Но там Слава нервничает! – взвизгнула Катя.

– Ну и нечего ему там сидеть, пусть домой возвращается, я здесь еще больше нервничаю! До свиданья!..»

Далее разговор продолжился на уровне ЦК:

«– Но там Ростропович волнуется, требует, чтобы вы приехали.

– А я ему позвоню сегодня, чтобы он немедленно возвращался в Москву, – довольно с него, он уже два месяца валюту для государства из Америки выколачивает.

– Надеюсь, вы понимаете, что вы говорите!

– Надеюсь, что и вы понимаете, над кем издеваетесь, ведь это я и Ростропович.

– Ну что ж, будете так себя вести, так мы ведь можем создать новую Вишневскую и нового Ростроповича, а вас прижмем…».

На что Вишневская ему спокойно ответила:

«– Уже поздно. Прижимать меня нужно было 15 лет назад, вы опоздали. Теперь я уже есть, и Ростропович есть, и другого не будет. Гения нельзя создать, его можно только убить».

На самом деле, нужно понимать, насколько господам из ГБ подчас трудно иметь дело с такими личностями как Ростропович

и Вишневская. С одной стороны – они оба гении, можно сказать, народное достояние. Тронешь, зарубежные СМИ поднимут хай до неба. Опять же, приносят такие деньги в казну, ни в сказке сказать, ни пером описать. Другое дело, если бы они еще и на норов свой вовремя намордник надевали, было бы и вовсе здорово. Возьмите, к примеру, Ростроповича: за границей гонорары за него получало советское правительство. А потом вдруг пошли частные заказы, и, соответственно, Мстислав Леопольдович получил прямой доступ к большим деньгам. «Непорядок», – решили в Кремле и велели виолончелисту сдать валюту, и что же он? Купил на весь огромный гонорар великолепную хрустальную вазу, принес к Фурцевой, а когда та уже руки протянула подарок забрать, взял и выпустил вазу, так что она грохнулась на пол и разбилась на тысячи осколков. Ростропович извлек из кучи хрустальных осколков кусочек, положил его в нагрудный карман. «Вот моя часть, остальное ваше». И вышел.

Ну как такого терпеть?

В 1965 году Вишневская снимается в фильме-опере «Катерина Измайлова» по опере Д. Шостаковича «Леди Макбет Мценского уезда». Снимали 8 месяцев на Ленфильме. История, о которой идет речь, имеет остро сексуальный подтекст. Но в Советском Союзе, как известно, секса нет. Да что там секс, по сценарию героиня должна то и дело оказываться в постели со своим любовником Сережей. Разумеется, полностью одетые, и не дай бог кусочек тела будет виден. После фильма ей еще долго пеняли за бесстыдство и порочность: «Как же вы, такая знаменитая артистка, мать семейства, могли позволить себе подобное бесстыдство?». Исполнителю главной мужской роли Сергея Артему Иноземцеву[137] пришлось на этой съемке несладко, так как выяснилось, что у него заросшая черной густой шерстью грудь, какой же советский человек выдержит такое неприличное зрелище? Пришлось брить перед каждой съемкой.

Мстислав Ростропович на Красной площади. 1993 г. «Я не возьму российского гражданства, чтобы не быть предателем по отношению к тем людям, которые мне так помогли во время моего изгнания. Так и получилось, что я стал гражданином мира. Хотя не имею никакого гражданства вообще». (Мстислав Ростропович)

В начале сентября, когда все уже было закончено, и занятые в съемках актеры паковали чемоданы, вдруг выяснилось, что забыли снять финальный эпизод – Катерина и ее соперница Сонетка (Татьяна Гаврилова[138]) тонут в реке. Пристань снята в городе Николаеве под Одессой, но так как там не досняли именно этот эпизод, пришлось «топиться» в водах Финского залива под Ленинградом. Температура воды – восемь градусов по Цельсию, «самое время для купания», причем оперным примам. Вообще-то киношникам следовало отправить в воду пару дублерш и снимать их издалека. Но ведь тогда не будет крупных планов, и весь драматический накал пропадет. «Начинался кадр с гладкой поверхности воды, из которой вдруг появляются, казалось бы, уже утонувшие Сонетка и Катерина. Увидев уплывающую от нее соперницу, Катерина догоняет ее, наваливается на нее всем телом и снова увлекает ее с собою под воду».

Желая уберечь актрис от переохлаждения, их намазали жиром и велели надеть толстое шерстяное белье, можно подумать, что оно у них не промокает. Добавьте к этому арестантскую одежду, платки, шинель… «Холод продирал до костей, намокшая толстая шинель, как камень, тянула ко дну…

Пришлось несколько раз репетировать: нужно было уйти под воду и сосчитать про себя – ей до пяти и вынырнуть на поверхность, мне же до десяти и тоже вынырнуть, затем догнать ее, и уже с нею вместе снова уйти под воду, и снова считать до десяти… Для оперной певицы эпизод не такой уж простой! Наконец, сняли первый дубль.

– Вылезайте скорее, нужно камеру перезаряжать.

– Если вылезу, то никакие силы обратно меня в воду не загонят – будем в воде ждать… Скорее!

Уцепившись руками за плот, мы старались не шевелиться, чтобы под одеждой не менялась вода. Наконец, сняли второй дубль. Мы пробыли в воде сорок минут, и съемки «Катерины Измайловой» закончились.

Тут же в автобусе, раздев догола, нас растерли спиртом. Для верности я выпила залпом полбутылки водки, и меня отвезли домой. Я проспала целые сутки и не то что не простудилась после ледяной ванны, но даже и не чихнула».

В том же 1969 году Галина, наконец, познакомилась с писателем Солженицыным, которого читала и о котором много слышала. К слову, Ростропович свел знакомство с Александром Исаевичем за год до нее, во время своих гастролей в Рязани. Солженицын занимал крохотную квартирку, в которой вместе с ним проживали жена[139] и две престарелые родственницы жены. Был у него и садовый участок – стандартные 6 соток с летней постройкой. Туда Солженицын переезжал с ранней весны и жил до глубокой осени, так как врачи советовали дышать деревенским воздухом, да и писателю во все времена полезно уединение и покой. «Впоследствии она выросла, с помощью вранья КГБ, до прекрасной подмосковной дачи, о чем мы узнали из немецкого журнала «Штерн», а затем из московской «Литературной газеты»», – уточняет в своей книге Вишневская. В результате такого лечения легких обострился радикулит. Получалось, что Солженицына нужно срочно вывозить из холодной времянки в город, но там он не мог писать. В результате Ростропович предложил новому знакомому поселиться у них на даче. К тому времени семья Ростроповича и Вишневской владела большим и гостевым домами, так отчего же не предоставить гостевой дом Солженицыну? Свежий деревенский воздух, ни за что не нужно платить, и главное, по соседству всегда будут люди, которые, если нужно, и врача вызовут, и купят все что понадобится.

Солженицын согласился. В то время ему очень была нужна поддержка, прошли времена, когда он был любимчиком Хрущева, когда власти носились с его «Одним днем Ивана Денисовича». Кстати, вдохновленный откликами читателей, особенно бывших

заключенных, он тогда же начал писать «Архипелаг ГУЛАГ». Потом подготовил к печати в «Новом мире» первые 4 главы романа «В круге первом». Там же в 1963 у него вышел рассказ «Для пользы дела». После чего редакция «Нового мира» сочла возможным выдвинуть «Один день Ивана Денисовича» на соискание Ленинской премии, но премию повесть не получила.

Тогда, должно быть, обидевшись, Солженицын впервые обратился к самиздату, выпустив в 1964 году цикл стихов в прозе «Крохотки». В том же году «Новый мир» принимает к публикации пятую по счету редакцию романа «В круге первом», и Твардовский снова пишет Хрущеву, прося его ознакомиться с новым гениальным романом Солженицына «Раковый корпус», а театр имени Ленинского комсомола принимает к постановке его пьесы «Свеча на ветру».

Во Франкфурте в журнале «Грани» (№ 56) «Крохотки» выходят под новым названием «Этюды и крохотные рассказы», напечатаны в октябре 1964 года. Самиздат на то и самиздат, что автор издает свое произведение не только на свои кровные, но и на собственный страх и риск. То есть это произведение не прошло цензуру, а значит, публикация его на западе может расцениваться в СССР как довольно-таки нехороший поступок. Пастернак уже проходил по этому пути. Неудивительно, что вскоре КГБ начинает разработку Солженицына и для начала проводит обыск на квартире его друга В. Л. Теуша, у которого Солженицын хранил часть своего архива, и изымает рукописи стихов, «В круге первом», «Крохоток», пьес «Республика труда» и «Пир победителей». Взбешенный Солженицын пожаловался в ЦК, если формально они обыскивали Теуша, для чего понадобилось изымать архив Солженицына?

И точно в поддержку писателя, в США вышел сборник «Избранное», в который вошли «Один день…», «Кочетовка» и «Матренин двор»; в ФРГ в издательстве «Посев» – сборник рассказов на немецком языке.

Неудивительно, что Хрущев перестал поддерживать писателя. Когда же к власти пришел Брежнев, Солженицына вообще перестали печатать, а в 1965 КГБ конфисковало его архив. Отсутствие возможности издаваться Солженицын компенсировал всевозможными выступлениями, встречами, давал интервью для иностранных журналистов, в общем, реализовывался как мог и снова прибегнул к самиздату, выпустив «В круге первом» и «Раковый корпус». Весной 1967 года написал и разослал «Письмо съезду» Союза писателей СССР, которое тут же растиражировали на западе. В результате к моменту знакомства с Ростроповичем было понятно, что Солженицына того гляди исключат из Союза

писателей. Есть мнение, кочующее по сайтам интернета, что в этом деле очень необычно повел себя писатель Д. Гранин[140], который, по некоторым данным, во время обсуждения вопроса об исключении А. Солженицына выступил против, и его решение было широко разрекламировано на западе. Этим он добавил себе известности, а буквально на следующий день позвонил в секретариат Союза писателей, сказав, что всю ночь думал и решил, что все же Солженицын виноват, и его нужно исключить, благодаря чему не вылетел из Союза писателей.

Из стенограммы выступления писателя Даниила Гранина, посвященного А. Солженицыну (печатается по Золотоносов М. Н. «Гадюшник. Ленинградская писательская организация»: Избранные стенограммы с комментариями (Из истории советского литературного быта 1940—1960-х годов). – М.: Новое литературное обозрение, 2013).

> «Как вы, очевидно, знаете, 4 ноября состоялось общее собрание писательской организации Рязани, на котором было решено исключить Солженицына из членов Союза. 5 ноября собрался секретариат Союза писателей РСФСР, на котором этот вопрос обсуждался. Солженицын был приглашен на это заседание, но он сказал, что явиться не может и просил дать ему возможность присутствовать на этом заседании после праздников. Мы обсуждали этот процедурный вопрос. Три из членов секретариата – Таурин[141], Барто[142] и я – сочли нужным удовлетворить эту просьбу Солженицына и перенести обсуждение этого вопроса, поскольку желательно было провести это обсуждение в его присутствии. Однако было решено этот вопрос обсуждать, и приступили к обсуждению этого вопроса».

Итак, заметьте, изначально действительно Д. Гранин против того, чтобы обсуждать этот вопрос без Солженицына.

«В процессе обсуждения был предъявлен ряд обвинений Солженицыну. Таурин проинформировал о том, как происходило общее собрание в Рязани, рассказал о тех претензиях, которые предъявлялись Солженицыну, затем все товарищи, члены секретариата, также выступили и говорили о том, что Солженицын поставил себя в совершенно исключительное положение, противопоставив себя Союзу советских писателей, что два года тому назад секретариат Союза писателей СССР после съезда на основании письма Солженицына разбирался с этим вопросом в присутствии Солженицына, этот разбор длился в течение 6 часов, и на нем Солженицын предъявил ряд встречных

претензий Союзу писателей.

Претензии его сводились к тому, что его не печатают, ему не создают условий, и это он ставил как бы условием к выполнению того требования, которое ему предъявлялось, а ему предъявлялось требование, чтобы он отмежевался от тех статей и выступлений, в которых его имя использовалось для антисоветской пропаганды. Он отказался фактически это сделать». – Неудивительно, что не отмежевался, он же их на запад и посылал для публикации, при желании, это можно было легко доказать. – «…И эта кампания продолжалась в течение двух лет, имя его всячески использовалось враждебными кругами на Западе, противопоставлялось нашей советской литературе, имя его связывалось с самыми реакционными выпадами против нашего советского общества, и он никак на это дело не реагировал, не протестовал, никаких заявлений по этому поводу не было сделано.

Произведения его печатались за границей, и не только его произведения, но его выступления, письма, ряд документов публиковался на Западе. Как это происходило – это тоже вообще не совсем понятно, и товарищи говорили, что это, очевидно, не без его участия, ибо если бы он был непричастен, он должен был бы протестовать.

Говорилось также о том, что он фактически стал тем центром, той опорой, на которую ориентируются враждебные антисоветские круги за границей, опираясь на его литературные и не литературные работы.

Далее говорилось также и о том, что в рабочих аудиториях, в читательских аудиториях наши читатели задавали и задают вопросы о том, на каком основании Союз писателей терпит в своих рядах Солженицына и почему не исключает его из Союза.

Все это, вместе взятое, предъявили как обвинение, и в результате обсуждения, в котором выступили все члены секретариата, исключение Солженицына было утверждено секретариатом РСФСР. Голосовали все за исключением меня, я воздержался при этом голосовании по мотивам таким, что я считал все-таки необходимым присутствие Солженицына на этом заседании, поскольку я хотел какие-то вещи услышать от него, чтобы его позиция окончательно для меня определилась». – Вот тот самый единственный голос «против», о котором шла речь выше. А теперь будет голос «за»: «Однако последующие действия Солженицына сняли необходимость этого его личного присутствия для меня, поскольку они сводились к следующему. В ту же ночь, как известно, он позвонил в Москву, а утром уже японское радио передало о факте его исключения из Рязанской

организации. Далее, Солженицын, будучи в Рязани на общем собрании, записал выступления всех товарищей. Там велся протокол, стенограммы не было. И подробная запись выступления в Рязани появилась через несколько дней в «Нью-Йорк таймс».

Эта апелляция к Западу, к буржуазной печати, конечно, полностью определила для меня позицию Солженицына и его поведение, его антиобщественное лицо, а может быть, и более того, не только антиобщественное, стало для меня совершенно ясным. Поэтому решение секретариата РСФСР об исключении Солженицына стало единогласным».

Исходя из вышеизложенного видно, что речь не идет о звонке в Союз писателей, который писатель Д. Гранин якобы сделал после бессонной ночи, он сначала узнал о звонке Солженицына в Москву, скорее всего, тот пытался выяснить, исключили его или нет. Затем послушал «вражеские голоса», которые сообщили об исключении Солженицына, и, наконец, дождался, когда сам виновник событий на новом собрании в Рязани застенографирует выступление своих товарищей, чтобы переслать их затем в США, после чего, опять же, прочитал сообщение в «Нью-Йорк таймс». На это ему одной ночи явно было мало. Таким образом, понятно, Гранин все сделал правильно и честно, Солженицына изгнали за то, что он сотрудничал с западными СМИ, и он тут же доказал на деле, что действительно сотрудничал. Так что его исключение законно. И Гранин поступил, как подсказывала ему совесть.

Итак, с Граниным разобрались, а теперь вернемся к нашим героям. К моменту исключения из Союза писателей Александр Исаевич жил на даче Ростроповича и Вишневской. В домике для гостей две комнаты, кухня, ванная комната, паровое отопление, гараж. Из вещей Солженицын привез «старый черный ватник, стеганый, как лагерный, до дыр заношенный. Им была обернута тощая подушка в залатанной наволочке, причем видно, что заплаты поставлены мужской рукой, так же, как и на ватнике, такими большими стежками… Все это аккуратно связано веревочкой, и на ней висит алюминиевый мятый чайник. Вот это да! Будто человек из концентрационного лагеря только что вернулся и опять туда же собирается». В общем, контраст огромный. Позже он перевезет письменный стол, и знакомый столяр сделает ему дополнительное рабочее место в саду, приехала и его жена Наталья Решетовская.

Переезд состоялся в сентябре, а в ноябре Солженицына изгонят из Союза писателей. Прекрасно понимая, к чему все клонится, он не мог не отдавать себе отчета в том, какому риску подвергает невинных в сущности людей. Собственно, и они понимали, кого у себя принимают, хотя вряд ли могли

представить размеры последующего бедствия. Не случайно же Ольга Мстиславовна, вспоминая, как родители сообщили им о странном бородатом госте, сказали, что за одну его книгу могут посадить в тюрьму на всю жизнь. Я уже приводила фрагмент интервью с ней. В книге Вишневская этот вопрос обходит стороной, делая акцент на том, что они предоставили кров из обыкновенного человеколюбия. В Жуковке, где располагался загородный дом Ростроповича и Вишневской, они соседствовали с Шостаковичем и Сахаровым[143]. Вообще дома изначально были построены по приказу Сталина для ученых, но двое из них продали свои владения. А Ростропович и Шостакович их купили. Желая собрать для Солженицына на новом месте приятное общество, Мстислав Леопольдович свел его со знаменитыми соседями. После чего Солженицын действительно сдружился с Сахаровым, а вот с Шостаковичем общения не получалось. Да и как может получиться, когда Шостакович и Солженицын имели прямо противоположные взгляды на отношения творчества и политики. Дмитрий Дмитриевич считал, что если ты писатель – то сиди и пиши, и незачем тебе тратить время и силы на грызню с властью. Солженицын же ставил политическую борьбу на первое место. Ему не могло нравиться, что в последние годы Шостакович фактически отказался от борьбы.

Это не мешало Дмитрию Дмитриевичу строить планы о новой опере по мотивам повести Солженицына «Матренин двор».

> «– Не тратьте зря силы, работайте, играйте… Раз вы живете в этой стране, вы должны видеть все так, как оно есть. Не стройте иллюзий, другой жизни здесь нет и быть не может.
>
> А однажды высказался яснее:
>
> – Скажите спасибо, что еще дают дышать», – передает слова композитора в своей книге Вишневская.

Кроме того, Солженицын не мог не знать, что Шостакович то и дело выступает на всевозможных собраниях и съездах, подписывает письма и петиции, которые ему подсовывают партийные активисты. Скорее всего, он даже не особенно вникал в то, что подписывает, и делал это по принципу «подпишу – отстанут». Не подпишу – душу вынут. Что все это, если не суета, шелуха и сор… через год после смерти Шостаковича выйдет альбом пластинок «Говорит Шостакович», где собраны его публичные высказывания, сделанные в разные годы жизни. Мол, посмотрите на вашего Шостаковича, он такой же, как и мы. Но кто помнит эти выступления сегодня? Когда мы произносим имя Шостаковича, мы слышим только его музыку. А значит,

композитор победил.

Первая зима с Солженицыным прошла более-менее спокойно, он вообще был соседом не шумным.

По приглашению Караяна[144] Галина готовила партию Марины Мнишек для записи пластинки в Берлине. Приглашение советскому певцу или певице традиционно делалось загодя, на западе отлично знали, как медленно и тщательно порой работает бюрократическая машина в СССР. Так получилось, что сама Вишневская находилась в Лондоне, когда Караян получил официальный отказ на свое приглашение за личной подписью начальника отдела внешних сношений Калинина и не преминул приехать в Англию и лично вручить документ Галине. Та обещала разобраться в Кремле.

> «…по возвращении в Москву я помчалась в Министерство культуры и взбешенная влетела в кабинет заместителя министра Попова, где в это время как раз находился и Калинин.
>
> – Кто посмел запретить мне запись с Караяном?
>
> Те двое в один голос:
>
> – Впервые об этом слышим, успокойтесь!
>
> – Впервые? А это подпись – чья?
>
> Попов весь побагровел и набросился на Калинина:
>
> – Ах, растакую вашу мать! Вы что, на персидском базаре торгуете или в Министерстве культуры работаете?
>
> – Но у нас было мнение…
>
> – Я должна петь – и к черту ваше «мнение»! А вам полезно было бы прислушаться к мнению Караяна – он не хуже вас разбирается в музыке, как ни странно вам это слышать».

После скандала Вишневская полетела в Берлин, где они с Караяном осуществили запись.

Казалось бы, мелкий эпизод, сколько таких бывало и прежде, тем не менее, отношение власти к нашей героине уже начало меняться.

«Я убеждена, что женщине, чтобы блестяще выглядеть всю жизнь, нужен хороший, надежный муж, которым она могла бы гордиться и ходить с высоко поднятой головой». (Галина Вишневская)

Эпилог

Шло время, Ольга и Елена Ростроповичи поступили в музыкальную школу при Московской консерватории. Их воспитанием по большей части занималась Римма, родители работали в театрах, гастролировали по всему свету, иногда их гастроли совпадали, и они оставляли дочерей почти одновременно, иногда сменяли друг друга или вдруг не без удивления обнаруживали, что они оба дома, как в старые добрые времена.

Мстислав Леопольдович много раз пытался заниматься с девочками музыкой, но все уроки заканчивались слезами, руганью и просьбами срочно принести валидол. «Я не хотела заниматься музыкой, валялась с книжкой на кровати, зная, что папа ушел, – рассказывает Ольга Ростропович. – А он вдруг вернулся – забыл что-то дома. Увидев, что я прохлаждаюсь, а не сижу с инструментом, взлетел на второй этаж, схватил несчастную виолончель за гриф и с криками: «Остановись! Остановись немедленно! «– понесся за мной. Я вылетела через калитку из дома на дорогу – в чем была. Представьте картину: я несусь по дороге мимо дач к лесу, за мной мчится разъяренный папа, потрясая виолончелью, а невдалеке гуляет Дмитрий Дмитриевич (имеется в виду Шостакович. – *Прим. Ю.А.*). Увидев несущегося Ростроповича, он настолько растерялся, что смог повторить только: «Славочка! Славочка! Побойтесь Бога!». Папа вынужден был остановиться и раскланяться с Шостаковичем, а я умчалась в лес пережидать, когда буря утихнет».

Не нравилось ему и то, что дочери выросли и начали носить джинсы, которые привезла им из Америки добрая мама.

> «– Почему девчонки в джинсах, а не в платьях? Как у них с учебой?.. Где ты была? С кем была?.. Почему у Лены такие длинные волосы?.. чтоб мальчишкам нравиться? Римма, где моя дирижерская палочка? Римма, куда вы дели мой галстук, он только что на мне был?..»

Они купили уже третью машину, но все равно работали как заведенные. Скоро им придется бросить все нажитое непосильным трудом, уже скоро…

А пока Ростропович привез откуда-то из-за границы жутко колючий кустарник и приказал высадить его вокруг забора. Зачем? Чтобы кавалеры, которые ходят вокруг их дома-крепости и

заглядываются на девочек, клочки своих штанов на шипах оставляли.

> «Он совершенно не мог видеть джинсы на своих дочерях – не нравилось, что зады им обтягивает, соблазняет мальчишек, – и мне выговаривал, зачем привезла им их из-за границы.
>
> Приехав как-то после дневного спектакля на дачу, я застала там полный мрак и траур… по земле стелился густой, черный дым… на открытой веранде нашего деревянного (!) дома уже догорал костер… На полу лежала кучка пепла, а над нею стояли трое – торжественный Ростропович и зареванные Ольга и Лена.
>
> – Что случилось?!
>
> – Больше эти проклятые джинсы не будут отравлять мне жизнь… я облил их бензином и сжег! Все!»

Любопытно, что когда в 1974 году Вишневская увезет дочерей из атеистического СССР, первым делом она устроит девочек в монастырь-пансион в Швейцарии, «…где учились только девицы, воспитательницами были католические сестры-монахини и не разрешалось выходить за пределы монастыря. Мы, привыкшие к обществу блестящих друзей наших родителей, оказались среди монахинь, с которыми не могли ни о чем поговорить уже хотя бы потому, что совершенно не знали французского языка. За полгода его освоили, но поначалу было очень тяжело, – рассказывает Ольга Ростропович в своих воспоминаниях о родителях. – После этого мы с Леной учились в Джульярдской академии в Нью-Йорке. Родители снимали нам там квартиру, а сами жили в Париже. У папы и мамы было много друзей, которым они поручили шефство над нами».

Записав «Бориса Годунова» с Караяном, на полученный за работу гонорар Вишневская смогла купить себе только сапоги и белую песцовую шапку. Вернувшись, она сразу же отправилась в Жуковку, где ее ждало известие. Солженицын получил Нобелевскую премию, и, разумеется, тут же началась организованная травля. Возмущенный, что кто-то смеет выливать помои на его друга, Ростропович написал письмо в защиту Солженицына, которое собирался разослать в газеты.

Это был очень серьезный шаг, последствия которого ударили бы не только по автору письма, но и по близким ему людям. Что могли сделать? Например, выгнать супругу нового правдоруба из театра, а его сестру-скрипачку – из оркестра. Или оставить в театре, но при этом лишить всех заграничных поездок. Но

Ростропович был готов идти до конца, и даже предложил Галине оформить фиктивный развод. При этом, однако, он упорно отказывался покинуть дом и жить где-нибудь на съемной квартире. Не подействовало даже романтическое предложение тайно лазить к своей экс-супруге через колючие заросли.

В результате решили не разводиться курам на смех. Все равно после того, как порог их дома перешагнул Солженицын, напротив калитки все время дежурили представители КГБ, они бы быстро рассказали, что развод фиктивен. Да и в доме позже будет обнаружено прослушивающее оборудование.

Решили идти до конца. Слава разослал письма по отечественным изданиям, Галина отвезла и передала несколько за границей. Так что вскоре письмо Ростроповича транслировали все иностранные радиостанции.

Ответ советского правительства был быстрым и болезненным: «Первое, что я узнала, вернувшись в Москву, что фильм о моем творчестве, законченный незадолго до того на студии Московского телевидения, к показу запрещен. Так он на экраны никогда и не вышел».

Но вернемся к Солженицыну: он сошелся с новой дамой, которая в 1970 подарила ему сына Ермолая[145]. Оказалось, что писатель уже давно подавал на развод, но жена ему его не давала. Крестным Ермолая стал Ростропович. После Наталья Дмитриевна[146] подарит ему еще двоих сыновей[147], буквально одного за другим. И все они будут рождены вне брака.

Когда родился Ермолай, будущую жену диссидента выгнали с работы, той же участи была подвержена мама Натальи Дмитриевны, будущая теща Солженицына, только, в отличие от дочери, ее еще и исключили из партии.

После того, как Солженицын закончил «Август Четырнадцатого», Ростропович посоветовал ему не отсылать рукопись сразу на Запад, а сначала предложить во все советские издательства. Но тот боялся, что таким образом рукопись просто зачитают, и поэтому отослал только письма, в которых и известил, что есть такое-то произведение, к письму прилагался подробный синопсис. Думали собрать официальные отказы, и уж тогда. Не ответил никто. Тогда Ростропович взял копию книги и решил тряхнуть своими связями наверху. Взяв записную книжку, Мстислав Леопольдович начал обзвон. Ростроповича узнавали, зазывали в гости, спрашивали о его делах и планах, но едва произносилось имя Солженицына, разговоры заканчивались. В результате Солженицын снова отправил рукопись на запад.

Для Солженицына ситуация в общем-то предсказуемая, зато из-за своей бурной деятельности пострадал Ростропович. Первым

делом он был уволен из Большого театра, где вдруг резко сделался никому не нужным. Потом начали отменяться одна за другой заграничные поездки. «Наконец подошло время, когда столичным оркестрам запретили приглашать Ростроповича… А вскоре ему не давали зала в Москве и Ленинграде уже и для сольных концертов».

Началось унылое ожидание, когда же куда-нибудь позовут. Позвали в университет на Ленинских горах, нужно сыграть концерт! А в день концерта утром звонок:

> «– Ах, Мстислав Леопольдович, сегодня у нас вы должны играть, но тут случилось непредвиденное собрание, и зал вечером занят. Вы нас извините и, может, согласитесь сыграть в другой день? Мы вам позвоним.
>
> А поздно вечером звонят студенты университета:
>
> – Мстислав Леопольдович, как вы себя чувствуете?
>
> – Прекрасно, спасибо.
>
> – А у нас повесили объявление, что вы заболели и потому концерт отменяется.
>
> – А мне сказали, что у вас зал сегодня вечером занят каким-то срочным собранием.
>
> – Да ничего там нет.
>
> – Ну, значит, мне и вам наврали».

Группа Би-Би-Си начала съемку фильма о Шостаковиче, разрешение на съемку было получено на самом верху, целый день Вишневская просидела в гриме и вечернем платье, а Ростропович во фраке, в ожидании, когда за ними заедут, и лишь ночью пришел Максим Шостакович, сообщив, что в ЦК запретили участие в фильме их двоих. В свою очередь, англичанам сообщили, что Ростропович и Вишневская уехали из Москвы по каким-то срочным делам и отказались сниматься в фильме.

В результате фильм вышел с вмонтированными в него фрагментами пения Вишневской и какого-то концерта Ростроповича.

Концерт, который по давней договоренности у Ростроповича должен был проходить в Лондоне, был так же сорван. Английской стороне объявили, что виолончелист серьезно болен.

Работы не было, а музыкант, да и вообще творческий человек не может без работы. В случае с Ростроповичем – предсказуемо сопьется. Поэтому Мстислав Леопольдович начал концертную деятельность в провинции. Плохие залы, трудные бытовые условия, во многих городах России продукты по талонам, музыканты, которые явно не дотягивали до уровня Ростроповича,

пустые залы… Почему люди не ходят на концерты? Потому что не привыкли, и еще потому, что в маленьких городах обычно не так много любителей классической музыки, это не Ленинград и не Москва. К слову, в Большом театре основная публика – приезжие. Но все равно в Москве приезжих априори больше, чем в том же Ярославле.

Взял как-то с собой дочерей, так их кормить там нечем было. В магазинах продукты по талонам, а в ресторан, где могут оказаться пьяные компании, не хочется. Получились не гастроли со знаменитым отцом, а сплошное расстройство.

Хорошо хоть Вишневскую после того последнего раза с отменой фильма почти не трогали. В 1971 году даже орденом Ленина наградили. В театре тоже ее положение оставалось неизменным. А в 1973 году в Венской опере она пела «Тоску» и «Баттерфляй». Просто о ней вообще перестали упоминать в средствах массовой информации. То есть положение не многим лучшее по сравнению с тем, что мы имеем сейчас – пой, пиши, твори, делай что хочешь, но об этом никто ничего не узнает. В то время это было особенно заметно уже потому, что об остальных писали и говорили. Например, в газете появляется статья о новом спектакле, и в ней говорится обо всех, кроме главной героини. Радио тоже перестало транслировать арии в исполнении Вишневской, по телевидению она не только не выступала, но и перестали давать ее старые записи.

Впрочем, все это суета, у Галины оставался ее голос, ее спектакли, ее публика. Она выходила на сцену, где была счастлива, и, к слову, сама выбирала, что будет петь, а что нет. Иными словами, ее участи можно как раз позавидовать. Что же до Ростроповича, от безделья он мог реально спиться. С этим нужно было что-то делать. «В молодости еще можно найти в себе силы принимать с юмором тычки и затрещины, но с годами, когда внутреннее зрение становится безжалостным, жизнь бесстыдно обнажается перед тобой и в уродстве своем, и в красоте. Ты вдруг неумолимо понимаешь, что у тебя украдены лучшие годы, что не сделал и половины того, что хотел и на что был способен; становится мучительно стыдно перед самим собой, что позволил преступно унизить в себе самое дорогое – свое искусство. И уже невозможно оставаться марионеткой, вечно пляшущей по воле тупоголового кукловода, переживать в себе все эти бесконечные запреты и унизительные «нельзя! «».

Пока Галина размышляла, как вытащить мужа из той пропасти, в которую он катился, пришло неожиданное решение. Ростроповичу предложили «помилование» и прежние условия работы в обмен на подпись под письмом против академика

Сахарова, друга их семьи и соседа по даче. Вроде мелочь, кто эти подписи считает, Шостакович и похлеще петиции подписывал, а хуже музыку писать не стал. Ростропович и Вишневская ответили категорическим отказом.

Теперь стало понятно, что власти не скоро предпримут новую попытку замирения.

В это время из Сан-Франциско на гастроли приехал симфонический оркестр с дирижером Сейджи Озавой. Концерты их были запланированы еще до письма в защиту Сахарова, и Ростропович значился в них как исполнитель. Американцы всегда тщательно оформляют контракты и следят за их четким выполнением, поэтому они и слышать не хотели, что виолончелист болен (не может, не хочет, уехал, умер). Пришлось разрешить выступление в Большом зале консерватории с концертом Дворжака[148].

Смотря на сияющего после концерта мужа, Галина долго подбирала слова:

> «– Слава, то, что я скажу тебе сейчас, не скажет никто другой. Тебе это не понравится, но мы с тобой одни, никто нас не слышит и не узнает, что я скажу тебе. Сегодня вечером ты играл…
>
> – А что, что? Я плохо играл? Неправда, я хорошо играл…
>
> – Нет, играл ты великолепно, ты не можешь плохо играть. Но тебе нужна большая публика, ты должен ездить за границу, иначе тебе конец. То, что ты все эти годы играешь в провинциальных дырах, уже оставило след в твоей душе. Ты теряешь свое качество великого артиста, который должен быть над толпой, а не с нею, ты теряешь высоту духа. Ты мне ничего не говори и не отвечай. Я сама артистка и знаю, как больно тебе это слышать, особенно после такого триумфального концерта. Но я была обязана сказать тебе… А теперь, если хочешь, можешь забыть наш разговор».

Впрочем, это был еще не конец, не последняя капля. Они еще пробовали, пытались. Галина Павловна вспоминает свежие афиши на стенах Ульяновска, где фамилия Ростропович была заклеена объявлениями о выставке кроликов. То есть буквально везде, где бы ни висела афиша, на ней заплаткой красовался листок с кроликами. Как будто афиши изначально имели этот странный дефект.

Простая советская математика легко помножала на ноль любого неугодного человека. Был, и нету.

«Меня терпят в Большом театре только потому, что не могут просто уволить с моим званием народной артистки СССР, а до пенсии мне еще несколько лет. Придраться же к моей профессиональной форме невозможно – я пою лучше других и выгляжу тоже лучше других. Но каждый раз, когда я выхожу на сцену, я шкурой своей чувствую, как чьи-то глаза впиваются в меня в надежде, что у меня наконец не выдержат нервы, что я сорвусь, и тогда можно будет со мной расквитаться. Какого мне это стоит напряжения, как мне тяжело все это и оскорбительно – не знает никто на свете, и прежде всего ты. Но я знала, что меня ждет, а потому никому не жалуюсь, хожу, задрав голову, назло всем моим завистникам, и торчу у них как кость в глотке».

В конце концов дошло до того, что Галина приняла единственное разумное решение. Нет смысла сидеть и ждать лучших времен. Лучшие времена могут и не настать, а человеческая жизнь не безгранична. Бесполезно тратить жизнь на репетицию произведений, которые никогда не доберутся до зрителей. Только что ей отказали в записи «Тоски». Мы уже говорили, что такие записи были большой редкостью, Вишневской сначала не сообщили, что есть такой проект, одновременно доведя до сведения других исполнителей и музыкантов, будто бы взбалмошная прима отказалась петь «Тоску». Потом, когда Вишневская ворвалась с возмущениями в кабинет Фурцевой, им с Ростроповичем разрешили записать «Тоску» параллельно. И, наконец, финал: все записи, сделанные с Вишневской и Ростроповичем были уничтожены.

«– Слава, ходить больше никуда не нужно. Хватит! Делать вид, что ничего не происходит, я больше не намерена. Садись и пиши заявление Брежневу на наш отъезд за границу всей семьей на два года».

Заметьте, речь шла не об эмиграции, ни Вишневская, ни Ростропович не собирались покидать Родину. Просто нужна была передышка.

Они прекрасно понимали, что наша страна – это гетто. И оставаясь в ней, они остаются артистами гетто, которые живут по законам этого самого закрытого пространства, но, когда они вырвутся на свободу, перед ними тут же откроются самые лучшие театры мира. Если все получится, и их официально выпустят из страны, можно будет хотя бы подышать этим воздухом свободы. А

там за два года и Вишневская и Ростропович могут наработать себе уже новый статус, против которого даже Кремль будет не властен. «Мы подошли к иконам и дали друг другу слово, что никогда не упрекнем один другого в принятом решении. В тот же момент я почувствовала облегчение, будто тяжелая плита сползла с моей груди. Через несколько минут заявление было готово». Это произошло 29 марта 1974 года. В тот же день из России вместе с матерью и детьми улетала супруга Солженицына.

После того как заявление Ростроповича добралось до адресатов, пошли длинные, муторные уговоры не спешить, хорошенько подумать, остаться. Так как Ростроповича было проще уговорить, нежели Вишневскую, супруги условились, что на все переговоры они будут приходить вместе.

В конце концов, когда разрешение было получено, они поехали на дачу и забрали девочек. Страшно и обидно было покидать дом, который они построили вместе, свое гнездо, свою крепость. Жалко, слов нет, но ни на тот свет, ни за границу, всех этих богатств с собой не заберешь. Придется оставить и полагаться на судьбу, что за два года имущество не отберут, и что будет куда возвращаться.

Когда мы читаем, что в 78 году Вишневскую и Ростроповича лишили гражданства или «выгнали из СССР», следует понимать, что ниоткуда их не выгоняли. Вот как пишет об этом Евгений Нестеренко: «Я помню, что их отъезд комментировала вся музыкальная и театральная Москва. Ростропович и Вишневская уехали вызывающе, непорядочно и нехорошо. Советская пресса перепечатала несколько интервью, которые они сразу же дали западным журналистам. Уже тогда все было ясно. Через два года они не выразили желания вернуться. Через три года им напомнили, что пора бы вернуться. Через четыре года напомнили еще раз. Они не возвращались. И тогда правительство поставило вопрос о лишении их гражданства». По версии самой Галины Павловны, советское правительство отреагировало таким образом на то, что Ростропович помогал инвалидам Первой мировой войны. Что тут правда? Лично я придерживаюсь версии Нестеренко. Двухгодичные гастроли не должны были растянуться на четыре года, либо мы не знаем каких-то подробностей, а следовательно, не имеем возможности рассмотреть это дело объективно.

Кто мог знать, что, уезжая с чемоданом вещей и не имея возможности забрать с собой даже свои награды, не то что золото и валюту, уже через год Ростропович купит себе виолончель Страдивари, ту самую, на которой в саду Тюильри пытался играть Наполеон, и которую при этом он варварски поцарапал шпорами?

Кто мог сказать заранее, что в 1982 году, по окончанию певческой карьеры, Мстислав Леопольдович подарит любимой супруге имение, названное в ее честь «Галино» площадью больше территории княжества Монако, находящееся в двухстах милях к северу от Вашингтона? «Он добился, чтобы на американских картах появилось название населенного пункта с русским именем – это название поместье носит и до сих пор, уже находясь в собственности других людей, – рассказывает в интервью[149] Елена Ростропович. – Выбор места, довольно удаленного от американской столицы, где отец возглавлял Национальный симфонический оркестр, определялся близостью русского монастыря. История перестройки дома затянулась на пять долгих лет, в течение которых все работы велись в тайне от Галины Павловны.

В итоге «вручение подарка» было срежиссировано как спектакль. Дизайнер, который накупил на аукционах мебель и картины, полностью обставил дом. Мама прилетела из Парижа, и прямо из аэропорта отец повез ее куда-то, не объясняя, куда именно. Мобильных телефонов тогда еще не было, и у меня с папой была договоренность, что он подъедет к воротам поместья, от которых до дома еще километр, ровно в семь вечера. К этому моменту мы должны были зажечь свечи в каждом окне огромного дома, включить фонари в петербургском стиле, которые освещали дорогу к особняку, и врубить на полную мощность на улице колонки, из которых должна была политься запись увертюры к балету Прокофьева «Ромео и Джульетта» в исполнении оркестра под управлением отца – у нас даже проходили репетиции, чтобы сделать все вовремя. Японская семейная пара, нанятая в качестве мажордома и кухарки, ничем не могла нам помочь, также как и манерный декоратор – он лишь в волнении перед приездом хозяйки имения заламывал руки. Поэтому всем пришлось заниматься мне с моим мужем. И тут мы обнаружили, что поместье этим летним вечером атаковано целой армией комаров – рядом были болота. Мой муж вел нашу маленькую «Тойоту», а я, высунувшись из окна машины, прыскала вокруг спреем от насекомых, чтобы маму не сожрали комары».

Будет еще много квартир и домов, самая любимая квартира – в Париже, на авеню Жоржа Манделя. Собственно говоря, семья Ростроповича не будет приобретать никакой недвижимости до 1978 года, так как, оставаясь советскими гражданами, они всегда боялись, что когда они вернутся домой, им могут запретить выехать еще раз, и тогда все пропадет. Париж чем-то напоминает Петербург. Проходя мимо, Галина увидела в окно салон с колоннами, лепные потолки с позолотой и сразу же влюбилась в

это место. После ремонта квартира была сверху донизу обставлена антиквариатом, причем Вишневская отдавала предпочтение всему русскому. В 1980 была приобретена дача в Лаппеенранте, так как Галина скучала по низкому серому небу.

В 1990-м Вишневской и Ростроповичу вернули советское гражданство, награды и звания народных артистов СССР. Тем не менее, они отказались снова сделаться советскими подданными, продолжая жить по швейцарским документам апатридов – лиц без государственной принадлежности. В тот же год они впервые после шестнадцатилетнего перерыва приехали в СССР с Вашингтонским симфоническим оркестром, которым руководил Ростропович. Концерты прошли в Москве и Ленинграде.

После в 1995 года они приобретут квартиру в Северной столице: «Мы выбрали квартиру из семи комнат площадью около двухсот метров на втором этаже дома на набережной Кутузова – дуло крейсера «Аврора» смотрит прямо нам в окна. Огромные комнаты были разделены на типичные петербургские коммунальные «пеналы» с одним окном. Все перегородки мы убрали, сделали ремонт и, помню, обмывали покупку с Анатолием Александровичем *(имеется в виду А. Собчак, мэр города. – Прим. Ю.А.)* прямо на подоконнике, когда Слава обнаружил, что единственный в доме балкон принадлежит соседней квартире, и сказал: «А давай купим весь этаж!»» … «Ступени на лестнице были как будто изъедены ихтиозаврами, даже перила на ней отсутствовали, сквозь наш вестибюль был проход с набережной Невы на Шпалерную. Пришла я, помню, на первый этаж предлагать расселение – боже, что я там увидела! В десять утра уже опухшие от пьянства синюшные мужики, ряды пустых бутылок: «Халллинаа Паалнаа, царица вы наша!». В результате мы скупили квартиры на первом этаже, на третьем, подвал, чердак – в конце концов весь дом стал нашим, и лишь обитатели маленькой двухкомнатной квартиры на третьем этаже из вредности лет десять отказывались от любых вариантов переезда, пока не уехали в позапрошлом году. И при этом до сих пор приходится слышать, что этот дом нам подарил Собчак, – ничего себе подарочек! В общей сложности, расселяя коммуналки, мы купили сорок две однокомнатные и двухкомнатные квартиры»[150].

В 1982 году Вишневская напишет свою книгу «Галина. История Жизни», которую мы многократно цитировали здесь. Казалось бы, остался финал – достойная, обеспеченная старость в кругу семьи, друзей и внуков. Но ни Вишневская, ни Ростропович так не могли. Поэтому далее их ждала преподавательская

деятельность. Дом на Кутузовской набережной был превращен в школу пения, там же жила и сама Галина Павловна: удобно – вышла из своей квартиры, и ты уже на работе.

Впрочем, давайте вернемся к началу нашего повествования. СССР покидает Ростропович, и вскоре к нему приезжают жена с дочерями. Еще никто не знает, что будет впереди, что Галине Вишневской и Мстиславу Ростроповичу придется вынести и разлуку и последующее воссоединение семейства, придется пережить страшное известие о лишении их советского гражданства. Это произойдет через четыре года после отъезда.

Будет много работы, со временем дочери возглавят, Ольга – музыкальный Фонд Ростроповича, Елена – медицинский «Вишневская Ростропович». Так завещал им отец. В один прекрасный день на поддержание этих самых фондов Галина Павловна отдаст коллекцию живописи, которую они с мужем любовно собирали долгие годы по аукционам мира. Будет и перестройка, и защита Белого дома в Москве. И многое, многое другое.

Они вернутся в уже перестроечную Россию при Ельцине. «Как странно все получается, – рассказывает Ольга Ростропович. – В январе 2007 я вернулась в Москву. Когда папе стало уже совсем нехорошо, жила у него в больнице. В то время мы с ним очень много говорили. Иногда даже ругались, ссорились. Потому что папа очень хотел, чтобы я вернулась в Россию. А я объясняла, что это невозможно: у меня дети – американцы, они ходят в американскую школу, да и я уже столько лет живу в Америке. Но год назад моя жизнь совершенно изменилась, я вышла замуж в Москве и странным образом почувствовала себя здесь дома. Я сейчас снова живу в Газетном переулке, в том доме, где мы выросли. Там сохранилась та церквушка, в которой мы на Пасху освящали кулич и яйца».

Галина Вишневская и Мстислав Ростропович прожили вместе 52 года. Как пишет их младшая дочь Елена, «он попрощался с друзьями. И ушел, не мучаясь, во сне, после операции. Он не страдал и не знал, что смерть его забирает. В Московской консерватории он лежал в день святого Мстислава, а хоронили его в день святой Галины. Все это не может быть случайностью».

Галина Павловна пережила мужа и умерла совсем недавно, в 2012 году. Оба они похоронены на Новодевичьем кладбище.

Но закончить эту историю мне хотелось бы не у кладбищенской ограды, а в тот памятный день 1982 года, когда Вишневская должна была в первый раз в своей жизни увидеть свой новый дом, свое русско-американское поместье: «Отец

приехал раньше, – продолжает Елена Мстиславовна, – поэтому еще час он возил ее вокруг поместья, пока, наконец, к семи часам не подъехал к кованым воротам с монограммами «ГВ» и «МР» на них. Ворота раскрываются, папа выходит из машины и куда-то исчезает из поля зрения мамы – он встал на колени перед машиной, чтобы прочитать поэму в ее честь и кричит: «Зажги фары ярче!». «Я не знаю как», – отвечает мама. Он ей: «Вечно ты ничего не знаешь! «. Наконец дальний свет зажжен, и папа начинает читать стихи, записанные на рулоне туалетной бумаге – другой у него не нашлось под рукой».

В этот момент они были абсолютно счастливы!

notes

Примечания

1

Ольга Мстиславовна Ростропович (род. 1956), виолончелистка, возглавляет музыкальный фонд Мстислава Ростроповича, помогающий молодым музыкантам и проводящий ежегодные фестивали, также в настоящее время – художественный руководитель Центра оперного пения.

2

Елена Мстиславовна Ростропович (род. 1958), пианистка, руководит международным медицинским фондом «Вишневская – Ростропович», который занимается вакцинацией детей по всему миру.

3

Здесь и далее, где ссылка не авторизована, имеется в виду книга Г. П. Вишневской «Галина. История жизни».

4

Гарина Вера Николаевна – учительница пения, в прошлом оперная певица (г. Ленинград), в 1951–1952 гг. учила пению Г. П. Вишневскую.

5

Борис Александрович Покровский (1912–2009) – советский и российский оперный режиссер, педагог, профессор.

6

Сергей Сергеевич Прокофьев (1891–1953) – русский и советский композитор, пианист, дирижер, литератор. Народный артист РСФСР (1947). Лауреат Ленинской премии (1957) и шести Сталинских премий (1943, 1946 – трижды, 1947, 1952).

7

Александр Шамильевич Мелик-Пашаев (1905–1964) – советский дирижер, композитор, пианист, педагог. Народный артист СССР (1951). По национальности армянин.

8

Дмитрий Дмитриевич Шостакович (1906–1975) – русский советский композитор, пианист, музыкально-общественный деятель, доктор искусствоведения, педагог, профессор; народный артист СССР (1954), Герой Социалистического Труда (1966), лауреат Ленинской премии (1958), пяти Сталинских премий (1941, 1942, 1946, 1950, 1952), Государственной премии СССР (1968) и Государственной премии РСФСР имени М. И. Глинки (1974). Член КПСС с 1960 года.

9

Зинаида Антоновна Иванова – домохозяйка, мать Галины Вишневской.

10

Отец Галины Вишневской, Павел Андреевич Иванов – с юношеских лет убежденный коммунист, окончил реальное училище, в 1921 году участвовал в подавлении Кронштадтского восстания.

11

Андрей Андреевич Иванов, дядя Галины Вишневской – учитель физкультуры. Во время ВОв пропал без вести.

12

Елена Дмитриевна Кругликова (1907–1982) – советская оперная певица (лирическое сопрано), педагог. Народная артистка РСФСР (1947). Лауреат Сталинской премии первой степени (1943).

13

Пантелеймон Маркович Норцов (1900–1993) – советский оперный певец и вокальный педагог. Народный артист РСФСР (1947). Лауреат Сталинской премии первой степени (1942).

14

Иван Семенович Козловский (1900–1993) – советский оперный и камерный певец (тенор), режиссер. Народный артист СССР (1940). Герой Социалистического Труда (1980). Лауреат двух Сталинских премий первой степени.

15

Анна Ахматова, из поэмы «Реквием».

16

Сергей Миронович Киров (настоящая фамилия Костриков, 1886–1934) – российский революционер, советский государственный и политический деятель. Убит в результате покушения 1 декабря 1934 года Леонидом Николаевым. Убийство Кирова послужило началом массовых репрессий, известных как «Большой террор».

17

Осип Эмильевич Мандельштам (1891–1938) – русский поэт, прозаик и переводчик, эссеист, критик, литературовед. Один из крупнейших русских поэтов XX века.

18

Надежда Яковлевна Мандельштам (девичья фамилия – Хазина, 1899–1980) – русская писательница, мемуарист, лингвист, преподаватель, жена Осипа Мандельштама.

19

Николай Иванович Бухарин (1888–1938) – российский революционер, советский политический, государственный и партийный деятель. Член ЦК партии (1917–1934), кандидат в члены ЦК ВКП(б) (1934–1937). Кандидат в члены Политбюро ЦК РКП(б) (1919–1924), член Политбюро ЦК ВКП(б) (1924–1929). Кандидат в члены Оргбюро ЦК РКП(б) (1923–1924). Академик АН СССР (1929).

20

Иосиф Леонидович Прут (1900–1996) – советский драматург и сценарист. Заслуженный деятель искусств РСФСР (1983).

21

Валентин Петрович Катаев (1897–1986) – русский советский писатель и поэт, драматург, журналист, киносценарист. Герой Социалистического Труда (1974).

22

Валентин Иосифович (Осипович) Стенич (настоящая фамилия Сметанич; 1897–1938) – ленинградский поэт и эссеист, переводчик западноевропейской литературы.

23

Виктор Львович Кибальчич, более известный под псевдонимом Виктор Серж (1890–1947) – русский и франкоязычный писатель, революционер, деятель коммунистической партии и Коминтерна.

24

Николоз Иосифович Мицишвили (также Николо Мицишвили; наст. фамилия – Сирбиладзе; 1894–1937) – грузинский поэт и писатель.

25

Всеволод Эмильевич Мейерхольд (настоящее имя – Карл Казимир Теодор Майергольд; 1874–1940) – русский советский театральный режиссер, актер и педагог. Теоретик и практик театрального гротеска, автор программы «Театральный Октябрь» и создатель актерской системы, получившей название «биомеханика». Народный артист РСФСР (1923).

26

Зинаида Николаевна Райх (1894–1939) – российская и советская театральная актриса. Заслуженная артистка РСФСР. Первая жена Сергея Есенина, впоследствии ставшая женой Всеволода Мейерхольда.

27

Вячеслав Михайлович Молотов (настоящая фамилия Скрябин; 1890–1986) – российский революционер, советский политический и государственный деятель. Председатель Совета народных комиссаров СССР в 1930–1941 годах, народный комиссар, министр иностранных дел СССР в 1939–1949, 1953–1956 годах. Один из высших руководителей ВКП(б) и КПСС с 1921 по 1957 гг. Герой Социалистического Труда. Депутат Верховного Совета СССР I–IV созывов.

28

Дмитрий Данилович Головин (1894–1966) – российский советский оперный певец, лирико-драматический баритон. Заслуженный артист РСФСР (1934).

29

Виталий Дмитриевич Головин (1919–1979). Режиссер, сценарист.

30

Сергей Александрович Есенин (1895–1925) – русский поэт, представитель новокрестьянской поэзии и лирики, а в более позднем периоде творчества – имажинизма.

31

Из письма Татьяны, дочери Зинаиды Райх, Мариэтте Шагинян 20 июля 1939 года.

32

Ольга Федоровна Берггольц (1910–1975) – русская советская поэтесса, прозаик.

33

Павел Трофимович Морозов (1918–1932) – советский школьник, учащийся Герасимовской школы Тавдинского района Уральской области, в советское время получивший известность как пионер-герой, противостоявший кулачеству в лице своего отца и поплатившийся за это жизнью.

34

Брат отца.

35

Ольга Берггольц, из стихотворения «В 1941 году в Ленинграде».

36

Ариадна Сергеевна Эфрон (1912–1975) – переводчица прозы и поэзии, мемуарист, художница, искусствовед, поэтесса (оригинальные стихи, кроме написанных в детстве, при жизни не печатались); дочь Сергея Эфрона и Марины Цветаевой.

37

Исаак Осипович Дунаевский (полное имя Исаак Бер Иосиф Бецалев Дунаевский; 1900–1955) – советский композитор и дирижер, музыкальный педагог. Автор 13 оперетт и балетов, музыки к нескольким десяткам кинофильмов, множества популярных советских песен, народный артист РСФСР (1950), лауреат двух Сталинских премий (1941, 1951). Депутат Верховного Совета РСФСР 1-го созыва.

38

Василий Иванович Лебедев-Кумач (настоящая фамилия – Лебедев; 1898–1949) – русский советский поэт, автор слов многих популярных советских песен.

39

Цветаева Марина Ивановна. – 3-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1969.

40

Софья Петровна Преображенская (1904–1966) – советская оперная певица (меццо-сопрано), педагог. Народная артистка СССР (1955). Лауреат двух Сталинских премий (1946, 1951).

41

Людмила Мержанова (1918–2008), оперная актриса, Большой театр, 1936–1949.

42

Галина Владимировна Скопа-Родионова родилась в 1917 году в семье военнослужащего. Окончив Капеллу, Галина поступила в хор Ленинградского Радикомитета, созданного в 1934 году. В 1940 году Скопа-Родионова поступила в Ленинградскую консерваторию, класс Е. А. Бронской.

С началом войны певица была призвана в Ансамбль краснознаменного Балтийского флота, а затем в Ленинградский Радиокомитет.

43

Дмитрий Александрович Дибров (род. в 1959 г.) – российский журналист и телеведущий, музыкант. Работал на четырех федеральных телеканалах («НТВ», «Первый канал», «Россия», «ТВ Центр»), член Академии Российского телевидения.

44

Дид-Зурабов Иван Сергеевич (1885–1963) – артист оперы (тенор), вокальный педагог. Учился в Италии, выступал на различных оперных сценах. Вел педагогическую работу в музыкальных школах в Ленинграде, в Ленинградском музыкальном училище имени Н. А. Римского-Корсакова.

45

Георгий Вишневский – военный моряк (брак продлился несколько месяцев в 1944 году, по свидетельству самой Вишневской – одну неделю).

46

Марк Ильич Рубин – директор Ленинградского областного театра оперетты (гражданский брак с 1944 по 1955)

47

Эклампсия (вспышка, внезапное возникновение) – заболевание, возникающее во время беременности, родов и в послеродовой период, при котором артериальное давление достигает такого высокого уровня, что появляется угроза жизни матери и ребенка. Форма позднего токсикоза беременности.

48

Юрий Владимирович Зобнин (1966–2016) – филолог, литературовед, педагог, исследователь литературы Серебряного века, специалист по творчеству Николая Гумилева и автор первой российской биографии Дмитрия Мережковского.

49

Борис Владимирович Асафьев (литературный псевдоним – Игорь Глебов; 1884–1949) – русский советский композитор, музыковед, музыкальный критик, педагог, общественный деятель, публицист. Академик АН СССР (1943). Народный артист СССР (1946). Лауреат двух Сталинских премий. Один из основоположников советского музыковедения.

50

Арнольд Франц Вальтер Шенберг (1874–1951) – австрийский и американский композитор, педагог, музыковед, дирижер, публицист. Крупнейший представитель музыкального экспрессионизма, основоположник новой венской школы, автор таких техник как додекафония (12-тоновая) и серийная техника.

51

Альбан Берг (1885–1935) – австрийский композитор. Один из виднейших представителей музыкального экспрессионизма и Нововенской композиторской школы.

52

Екатерина Кретова, «Прокофьев и Сталин».

53

Платон Михайлович Керженцев (настоящая фамилия Лебедев, 1881–1940) – советский государственный и общественный деятель, революционер, экономист, журналист. Основатель советской школы тайм-менеджмента.

54

Давид Иосифович (Осипович) Заславский (1880–1965) – русский и советский публицист, литературовед, литературный критик, журналист, социал-демократический, бундовский и коммунистический деятель.

55

Иван Иванович Дзержинский (1909–1978) – советский композитор. Народный артист РСФСР (1977). Лауреат Сталинской премии третьей степени (1950). Член ВКП(б) с 1942 года.

56

Юрий Павлович Анненков (1889–1974) – русский и французский живописец и график, художник театра и кино, заметная фигура русского авангарда, литератор. Литературный псевдоним – Борис Темирязев.

57

Николай Федорович Погодин (настоящая фамилия – Стукалов; 1900–1962) – русский советский сценарист и драматург. Заслуженный деятель искусств РСФСР (1949). Лауреат Ленинской (1959) и двух Сталинских премий (1941, 1951).

58

Из доноса на имя Ежова.

59

Сергей Михайлович Эйзенштейн (1898–1948) – советский режиссер театра и кино, художник, сценарист, теоретик искусства, педагог.

60

Александров Григорий Васильевич (1903–1983) русский советский режиссер, сценарист. Фильмы: «Веселые ребята» (1934), «Цирк» (1936), «Волга-Волга» (1938), «Светлый путь» (1940), «Весна» (1947), «Встреча на Эльбе» (1949), «Композитор Глинка» (1952), «Русский сувенир» (1960) и др.

61

Джузеппе Фортунино Франческо Верди (1813–1901) – итальянский композитор, творчество которого является одним из крупнейших достижений мирового оперного искусства и кульминацией развития итальянской оперы XIX века.

62

Джакомо Антонио Доменико Микеле Секондо Мариа Пуччини (1858–1924) – итальянский оперный композитор, один из ярких представителей направления «веризм» в музыке. Некоторыми исследователями называется крупнейшим после Верди итальянским оперным композитором.

63

Елена Васильевна Образцова (1939–2015) – советская и российская оперная певица (меццо-сопрано), актриса, оперный режиссер, педагог, профессор Московской консерватории.

Вибрато (тремоляция) – периодические изменения высоты, силы (громкости) или тембра музыкального звука или пения.

Антонина Андреевна Григорьева – педагог Ленинградской консерватории.

66

Екатерина Алексеевна Фурцева (1910–1974) – советский государственный и партийный деятель. Первый секретарь Московского городского комитета КПСС (1954–1957). Член Президиума ЦК КПСС (1957–1961). Секретарь ЦК КПСС (1956–1960). Министр культуры СССР (1960–1974).

67

Ирина Константиновна Архипова (1925–2010) – советская российская оперная певица (меццо-сопрано), педагог, общественный деятель, Народная артистка СССР (1966). Герой Социалистического Труда (1984). Лауреат Ленинской премии (1978) и Государственной премии Российской Федерации (1996). Кавалер ордена Святого апостола Андрея Первозванного (2005).

68

Лариса Ивановна Авдеева (1925–2013) – советская и российская оперная певица (меццо-сопрано). Заслуженная артистка РСФСР (1955), Народная артистка РСФСР (1964).

69

Мария Петровна Максакова (1902–1974) – советская оперная певица (лирическое меццо-сопрано), педагог. Народная артистка СССР (1971).

70

Вера Александровна Давыдова (по мужу – Мчедлидзе; 1906–1993) – советская оперная певица (меццо-сопрано) и педагог. Народная артистка РСФСР (1951). Народная артистка Грузинской ССР (1981). Лауреат трех Сталинских премий первой степени (1946, 1950, 1951). Член ВКП(б) с 1951 года.

71

Елена Дмитриевна Кругликова (1907–1982) – советская оперная певица (лирическое сопрано), педагог. Народная артистка РСФСР (1947). Лауреат Сталинской премии первой степени (1943).

72

Наталья Шпиллер (1909–1995). Выдающаяся русская, советская певица (лирическое сопрано), педагог, музыкально-общественный деятель, одна из представительниц «Золотой эпохи» Большого театра СССР, народная артистка РСФСР (1947), лауреат трех Сталинских премий (1941, 1943, 1950).

73

Никандр Сергеевич Ханаев (1890–1974) – советский оперный певец (драматический тенор), педагог. Народный артист СССР (1951). Лауреат трех Сталинских премий (1943, 1949, 1950). Отец Евгении Ханаевой.

74

Сергей Яковлевич Лемешев (1902–1977) – русский советский оперный певец (лирический тенор) и оперный режиссер, педагог. Народный артист СССР (1950). Лауреат Сталинской премии второй степени (1941). Член ВКП(б) с 1948 года.

75

Иван Семенович Козловский (1900–1993) – советский оперный и камерный певец (тенор), режиссер. Народный артист СССР (1940). Герой Социалистического Труда (1980). Лауреат двух Сталинских премий первой степени.

76

Марк Осипович Рейзен (1895–1992) – советский оперный певец (бас), педагог, профессор. Народный артист СССР (1937). Лауреат трех Сталинских премий первой степени (1941, 1949, 1951). Член КПСС с 1945 года.

77

Александр Степанович Пирогов (1899–1964) – русский советский оперный певец (бас). Народный артист СССР (1937). Лауреат двух Сталинских премий первой степени (1943, 1949). Представитель знаменитой певческой династии Пироговых.

78

Николай Семенович Голованов (1891–1953) – российский советский дирижер, хормейстер, пианист, композитор, педагог. Народный артист СССР (1948). Лауреат четырех Сталинских премий первой степени (1946, 1949, 1950, 1951).

79

Василий Васильевич Небольсин (1898–1958) – советский дирижер. Народный артист РСФСР (1955). Лауреат Сталинской премии второй степени (1950).

80

Кирилл Петрович Кондрашин (1914–1981) – советский оперный и симфонический дирижер, педагог. Народный артист СССР (1972), лауреат двух Сталинских премий (1948, 1949) и Государственной премии РСФСР имени Глинки (1969).

81

Борис Александрович Покровский (1912–2009) – советский и российский оперный режиссер, педагог, профессор.

82

Виктор Тимофеевич Нечипайло (род. в 1926 году) – советский русский оперный певец (бас-баритон), Заслуженный артист РСФСР (1961).

83

Людвиг ван Бетховен (1770–1827) – немецкий композитор и пианист, последний представитель «венской классической школы».

84

Клавдия Ивановна Шульженко (1906–1984) – советская эстрадная певица, актриса. Народная артистка СССР (1971). Участница Великой Отечественной войны.

85

Дмитрий Борисович Кабалевский (1904–1987) – советский композитор, дирижер, пианист, педагог, доктор искусствоведения, профессор.

86

Максим Дормидонтович Михайлов (1893–1971) – русский советский певец (бас-профундо), актер кино. Протодиакон Русской православной церкви.

87

Николай Александрович Булганин (1895–1975) – советский государственный деятель. Член Президиума (Политбюро) ЦК КПСС (1948–1958, кандидат в члены с 1946 года), член ЦК партии (1937–1961, кандидат с 1934). Маршал Советского Союза (1947, лишен этого звания в 1958 году), генерал-полковник. Входил в ближайшее окружение И. В. Сталина.

88

Медея Ивановна Фигнер (1859–1952) – итальянская и русская певица (меццо-сопрано). Заслуженная артистка РСФСР; ее муж – оперный певец Николай Николаевич Фигнер (1857–1918).

89

Александр Павлович Огнивцев (1920–1981) – русский советский оперный певец (бас). Народный артист СССР (1965). Лауреат Сталинской премии первой степени (1951).

90

Мама Мстислава Ростроповича, Софья Николаевна Федотова (1891–1971), – профессиональная пианистка, происходившей из оренбургской музыкальной семьи.

91

Вероника Леопольдовна Ростропович (1925–2006) – скрипачка.

92

Иосип Броз Тито (партийный псевдоним, соединившийся с фамилией), в советских документах упоминается под именем Иосип Францович Брозович (1892–1980) – лидер Югославии с конца Второй мировой войны до своей смерти (1945–1980), маршал (29 сентября 1943), президент страны с 1953 года по 1980 год.

93

Алла Яковлевна Шелест (1919–1998) – советская прима-балерина.

Рафаил Вагабов. «Безответная любовь». Опубл. в Журнале «На русских просторах» №№ 3(22), 4 (23) за 2015 г.; 1 (24) – 4 (27) за 2016 г.

95

Юрий Николаевич Григорович (род. 1 либо 2 января 1927 в Ленинграде, СССР) – советский российский артист балета, балетмейстер, хореограф, педагог, публицист. В 1947–1957 годах танцевал в Ленинградском театре оперы и балета, в 1961–1964 годах – балетмейстер этого театра. Главный балетмейстер Большого театра в 1964–1995 годах, с 2008 года – его штатный хореограф.

Рафаил Вагабов. «Безответная любовь». Опубл. в Журнале «На русских просторах» №№ 3(22), 4 (23) за 2015 г.; 1 (24) – 4 (27) за 2016 г.

97

Майя Михайловна Плисецкая (1925–2015) – артистка балета, представительница театральной династии Мессерер – Плисецких, прима-балерина Большого театра СССР в 1948–1990 годах. Герой Социалистического Труда (1985), народная артистка СССР (1959). Полный кавалер ордена «За заслуги перед Отечеством», лауреат премии Анны Павловой Парижской академии танца (1962), Ленинской премии (1964) и множества других наград и премий, почетный доктор университета Сорбонны, почетный профессор МГУ имени М. В. Ломоносова, почетный гражданин Испании.

98

Зара Александровна Долуханова (Заруи Агасьевна Макарян/ Макарьян, в замужестве – Долуханян; 1918–2007) – советская, российская и армянская певица (колоратурное меццо-сопрано). Народная артистка СССР (1990). Лауреат Ленинской (1966) и Сталинской премии второй степени (1951).

99

Дмитрий Шварц «Двое в мире».

100

Даворянка Паунович (1921–1946) – югославская студентка, партизанка времен Народно-освободительной войны Югославии, четвертая супруга Иосипа Броза Тито (не венчалась).

101

Рафаил Вагабов. «Безответная любовь». Опубл. в Журнале «На русских просторах» №№ 3(22), 4 (23) за 2015 г.; 1 (24) – 4 (27) за 2016 г.

102

Бедржих Сметана (при крещении получил имя Фридрих, 1824–1884) – чешский композитор, пианист и дирижер, основоположник чешской национальной композиторской школы.

103

Георгий Михайлович Нэлепп (1904–1957) – советский певец (лирико-драматический тенор). Народный артист СССР (1951). Лауреат трех Сталинских премий (1942, 1949, 1950). Член ВКП(б) с 1940 года.

104

Борис Эммануилович Хайкин (1904–1978) – советский дирижер, педагог. Народный артист СССР (1972). Брат С. Э. Хайкина.

105

Максим Дмитриевич Шостакович (род. 1938) – дирижер, пианист. Ученик А. В. Гаука и Г. Н. Рождественского.

106

Шостакович Нина Васильевна (урожд. Варзар) (1909–1954). Была по профессии астрофизиком, училась у знаменитого физика Абрама Иоффе. Она отказалась от научной карьеры и полностью посвятила себя семье.

107

Иван Иванович Соллертинский (1902–1944) – советский музыковед, театральный и музыкальный критик.

108

Джанджакомо Фельтринелли (1926–1972) – итальянский издатель и политик левого толка, руководитель городской партизанской организации Группа партизанского действия. Известность в СССР получил как первый издатель романа Бориса Пастернака «Доктор Живаго».

109

Витторио Страда (род. 1929) – итальянский литературовед и переводчик-славист, историк русской литературы, научной и общественной мысли.

110

В. Страда. «К истории издания «Доктора Живаго»» // Российские вести: газета. – 1993. – № 69 (238). – С. 6.

111

Владимир Ефимович Семичастный (1924–2001) – советский партийный и государственный деятель. Председатель Комитета государственной безопасности СССР (1961–1967), генерал-полковник. Кандидат в члены ЦК КПСС (1956—64 гг.). Член ЦК КПСС (1964—71 гг.).

112

Иван Никитич Толстой (род. в 1958) – российский историк литературы, эссеист, радиожурналист, сценарист и телеведущий. Внук писателя А. Н. Толстого и поэта-переводчика М. Л. Лозинского (по материнской линии), сын Н. А. Толстого, брат Михаила Толстого, Наталии Толстой и Татьяны Толстой. С 1995 года – штатный сотрудник Радио «Свобода» в Праге.

113

Андрей Донатович Синявский (литературный псевдоним – Абрам Терц; 1925–1997) – русский писатель и литературовед, критик.

114

Виссарион Яковлевич Шебалин (1902–1963) – советский композитор, педагог, профессор Московской консерватории. Народный артист РСФСР (1947). Лауреат двух Сталинских премий первой степени (1943, 1947).

115

Николай Александрович Михайлов (1906–1982) – советский партийный и государственный деятель, член Президиума ЦК КПСС, Секретарь ЦК КПСС (1952—53).

116

Модест Петрович Мусоргский (1839–1881) – русский композитор, член «Могучей кучки».

117

Саша Черный (настоящее имя Александр Михайлович Гликберг; 1880–1932) – русский поэт Серебряного века, прозаик, получивший широкую известность как автор популярных лирико-сатирических стихотворных фельетонов.

118

Александр Исаевич (Исаакиевич) Солженицын (1918–2008) – русский писатель, драматург, публицист, поэт, общественный и политический деятель, живший и работавший в СССР, Швейцарии, США и России. Лауреат Нобелевской премии по литературе (1970). Диссидент, в течение нескольких десятилетий (1960—1980-е годы) активно выступавший против коммунистических идей, политического строя СССР и политики его властей.

119

Лидия Корнеевна Чуковская (урожденная Лидия Николаевна Корнейчукова; 1907–1996) – редактор, писательница, поэт, публицист, мемуаристка, диссидент. Дочь Корнея Чуковского и Марии Борисовны Гольдфельд.

120

Роман Борисович Гуль (1896–1986) – русский писатель, эмигрант, журналист, публицист, историк, критик, мемуарист, общественный деятель. Участник Гражданской войны в составе Белого движения, участник Первого Кубанского (Ледяного) похода Добровольческой армии.

121

Варлам Тихонович Шаламов (1907–1982) – русский прозаик и поэт советского времени. Создатель одного из литературных циклов о советских лагерях.

122

Евгений Александрович Евтушенко (фамилия при рождении – Гангнус, род. 1932) – русский советский поэт. Получил известность также как прозаик, режиссер, сценарист, публицист и актер.

123

Супинская (Шостакович) Ирина Антоновна (род. 1934 г.). Редактор издательства «Советский композитор». Была женой Шостаковича с 1962 по 1975 гг.

124

Арам Ильич Хачатурян (Хачатрян) (1903–1978) – советский армянский композитор, дирижер, музыкально-общественный деятель, педагог, профессор. Секретарь Правления Союза композиторов СССР (1957–1978).

125

Моисей Самуилович Вайнберг (в довоенных документах Мойше Вайнберг, неофициально – Мечислав; 1919–1996) – польский, советский и российский композитор. Народный артист РСФСР (1980). Лауреат Государственной премии СССР (1990).

126

Александр Филиппович Ведерников (род. в 1927) – советский российский оперный певец (бас), педагог. Народный артист СССР (1976). Лауреат Государственной премии СССР (1969).

127

Борис Александрович Чайковский (1925–1996) – советский и российский композитор, пианист, педагог, профессор. Народный артист СССР (1985). Лауреат Государственной премии СССР (1969).

128

Иосиф Александрович Бродский (1940–1996) – русский и американский поэт, эссеист, драматург, переводчик, лауреат Нобелевской премии по литературе 1987 года, поэт-лауреат США в 1991–1992 годах. Стихи писал преимущественно на русском языке, эссеистику – на английском.

129

Дмитрий Васильевич Бобышев (род. в 1936) – русский поэт и переводчик, литературовед.

130

Фрида Абрамовна Вигдорова (1915–1965) – русская советская писательница, журналист и правозащитник. Жена писателя-сатирика Александра Раскина.

131

31 Корней Иванович Чуковский (1882–1969) – русский советский поэт, публицист, литературный критик, переводчик и литературовед, детский писатель, журналист. Отец писателей Николая Корнеевича Чуковского и Лидии Корнеевны Чуковской.

132

Борис Борисович Вахтин (1930–1981) – русский советский писатель, драматург, сценарист, философ, переводчик, востоковед-синолог. Старший научный сотрудник ЛО ИВ АН СССР.

133

Большая книга Интервью. М.: «Захаров», 2000, с. 29.

134

Дедюхин Александр Александрович (1907–1985) – пианист. Заслуженный артист России (1970 г.). С 1929 г. солист и концертмейстер Московской филармонии, с 1954 г. – Всесоюзного радио, с 1957 г. – ВГКО (с 1965 г. Москонцерт). Выступал с крупнейшими артистами, в том числе с Д. Ф. Ойстрахом.

135

Джонатан Стюарт Викерс, Джон Викерс (1926–2015) – канадский героический тенор, почетный доктор ряда университетов, член Зала славы великих американских певцов Академии вокала (Филадельфия), компаньон Ордена Канады.

136

Евгений Евгеньевич Нестеренко (род. в 1938 г.) – советский и российский оперный певец (бас), педагог, профессор; солист Большого театра в 1971–2002 гг. Народный депутат СССР в 1989–1991 гг.

137

Артем Михайлович Иноземцев (1929–2001) – советский и литовский актер театра и кино, лауреат Государственной премии Литовской ССР (1975), заслуженный деятель искусств Литовской ССР (1976), народный артист Литовской ССР (1979).

138

Татьяна Анатольевна Гаврилова (1939–2000) – советская и российская актриса театра и кино, Народная артистка Российской Федерации (1997 год).

139

Наталья Алексеевна Решетовская (1919–2003), автор пяти мемуарных книг о своем муже, в том числе «Александр Солженицын и читающая Россия» (1990), «Разрыв» (1992) и др.

140

Даниил Александрович Гранин (настоящая фамилия – Герман; род. в 1919 г.) – русский писатель, киносценарист, общественный деятель. Герой Социалистического Труда (1989).

141

Франц Николаевич Таурин (1911–1994) – русский советский прозаик, автор производственных и историко-революционных романов.

142

Агния Львовна Барто (урожденная Волова, согласно некоторым источникам первоначальные имя и отчество Гетель Лейбовна; 1906–1981) – русская советская детская поэтесса, писательница, киносценарист, радиоведущая.

143

Андрей Дмитриевич Сахаров (1921–1989) – советский физик-теоретик, академик АН СССР, один из создателей первой советской водородной бомбы. Общественный деятель, диссидент и правозащитник; народный депутат СССР, автор проекта конституции Союза Советских Республик Европы и Азии. Лауреат Нобелевской премии мира за 1975 год.

144

Герберт фон Караян (1908–1989) – австрийский дирижер. Работал с Берлинским филармоническим оркестром на протяжении 35 лет. Оставил после себя одну из самых обширных дискографий.

145

Ермолай Солженицын (р. 1970), в 2010 году – управляющий партнер московского офиса компании McKinsey Company CIS), Игнат (р. 1972).

146

Наталия Дмитриевна Солженицына (Светлова) (р. 1939) (с 20 апреля 1973 года).

147

Степан Солженицын (р. 1973). Игнат Солженицын– пианист и дирижер, профессор Филадельфийской консерватории.

148

Антонин Дворжак (8 сентября 1841 года – 1 мая 1904 года) – чешский композитор, представитель романтизма. В его произведениях широко используются мотивы и элементы народной музыки Моравии и Богемии. Вместе с Б. Сметаной является создателем чешской национальной музыкальной школы. К числу наиболее известных работ Дворжака относятся Симфония № 9 «Из Нового света» (написанная в США), опера «Русалка», Концерт для виолончели с оркестром, «Американский» струнный квартет, Реквием, Stabat Mater и «Славянские танцы»

Текст: Виталий Котов. По материалам журнала «Собака. ru»: № 126 (июль 2011) «Реконструкция обеда», № 143 (декабрь 2012) рубрика «Интерьер».

150

Интервью журналу «Собака. Ru».